This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

PG3467
I7
1904a
v.4

Послѣднія изданія товарищества „ЗНАНІЕ“:

Сборникъ т-ва „ЗНАНІЕ“ за 1903—1906 г. Книги I—IX	по	1 р.	— к.
М. Горькій. Разсказы и пьесы. Томы I—VI.	по	1 „	— „
Л. Андреевъ. Разсказы. Томы I—III	по	1 „	— „
Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Томъ I		1 „	— „
Е. Чириковъ. Разсказы и пьесы. Томы I—IV	по	1 „	— „
И. Бунинъ. Разсказы и стихотворенія. Томы I—II	по	1 „	— „
Н. Телешовъ. Разсказы. Томъ I		1 „	— „
А. Серафимовичъ. Разсказы. Томъ I		1 „	— „
А. Купринъ. Разсказы. Томы I—II	по	1 „	— „
С. Юшкевичъ. Разсказы. Томы I—III	по	1 „	— „
С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Томъ I		1 „	— „
Н. Гаринъ. Дѣтство Тёмы. Томъ I		1 „	— „
Н. Гаринъ. Гимназисты. Томъ II		1 „	— „
Н. Гаринъ. Студенты. Томъ III		1 „	— „
Н. Гаринъ. Корейскія сказки		— „	60 „
Н. Гаринъ. По Кореѣ, Манчж. и Ляод. полуострову		1 „	— „
А. Яблоновскій. Разсказы. Томъ I		1 „	— „
С. Елеонскій. Разсказы. Томъ I		1 „	— „
С. Елпатьевскій. Разсказы. Томы I—III	по	1 „	— „
С. Найденовъ. Пьесы. Томъ I		1 „	— „
Д. Айзманъ. Разсказы. Томъ I		1 „	— „
Эсхилъ. Скованный Прометей. *Изд. второе*		— „	80 „
Софоклъ. Эдипъ-царь. *Изд. второе*		— „	40 „
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. *Изд. второе*		— „	40 „
Софоклъ. Антигона. *Изд. третье*		— „	40 „
Эврипидъ. Медея. *Изд. второе*		— „	40 „
Эврипидъ. Ипполитъ. *Изд. второе*		— „	40 „
Бьёрнсонъ. Перчатка		— „	40 „
Гауптманъ. Роза Берндъ		— „	50 „
Байронъ. Мафредъ		— „	40 „
Гёте. Фаустъ. Обѣ части		2 „	— „
Леопарди. Разговоры. *Печатается*		— „	— „
Леопарди. Мысли. *Печатается*		— „	— „
Красинскій. Иридіонъ		— „	60 „
Шелли. Полное собраніе сочин. въ 3 т. Каждый томъ	по	2 „	— „
Шелли. Освобожденный Прометей		— „	50 „
Шелли. Ченчи		— „	50 „
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно-илл. изд.		2 „	— „
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Дешевое изданіе		— „	80 „
Э. Золя. Углекопы. *Изд. третье*		1 „	— „
И. Мадачъ. Человѣческая трагедія		— „	50 „
Т. Шевченко. Кобзарь. (Въ перев. на русск.) *Изд. второе*		1 „	— „
Аф. Петрищевъ. Замѣтки учителя		1 „	— „
Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы		1 „	20 „
Нижегородскій Сборникъ		1 „	— „

Ushkevich, S.S. University Library

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“. (Спб., Невскій, 92).

Семенъ Юшкевичъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОЧЕРКИ ДѢТСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ:

Гора.
Плѣнница изъ бѣлаго домика.
Злой мельникъ.
Кто-то на скалѣ.
Странный мальчикъ.
Поѣздка на Волнорѣзъ.
Новые друзья.
Тревоги души.
Саша.
Красный монахъ.
Осень.
Сумерки.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

СБОРНИКЪ ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“

I. Книга первая:—Л. Андреевъ. Жизнь Василія Фивейскаго.—Ив. Буниннъ. Стихотворенія.—Ив. Буниннъ. Черноземъ.—В. Вересаевъ. Передъ зарѣсой.—Н. Гарминъ. Деревенская драма.—М. Горькій. Человѣкъ.—С. Гусевъ-Оренбургскій. Въ приходѣ.—А. Серафимовичъ. Въ пути.—Н. Телешовъ. Между двухъ береговъ.—*Цѣна 1 р.*

II. Книга вторая:—А. Купринъ. Мирное житіе.—Скиталецъ. Стихотворенія.—А. Чеховъ. Вишневый садъ.—Е. Чириковъ. На порукахъ.—С. Юшкевичъ. Еврей.—*Цѣна 1 р.*

III. Книга третья:—Скиталецъ. Памяти Чехова.—А. Купринъ. Памяти Чехова.—М. Горькій. Дачники.—Ив. Буниннъ. Памяти Чехова.—Л. Андреевъ. Красный смѣхъ.—*Цѣна 1 р.*

IV. Книга четвертая:—С. Найденовъ. Авдотьина жизнь.—С. Гусевъ-Оренбургскій. Страна отцовъ.—А. Лукьяновъ. Кузнецъ.—М. Горькій. Тюрьма.—*Цѣна 1 р.*

V. Книга пятая:—Е. Чириковъ. Иванъ Миронычъ.—Н. Телешовъ. Черною ночью.—А. Серафимовичъ. Заяцъ.—Скиталецъ. Кандалы.—Д. Айзманъ. Ледоходъ.—Л. Андреевъ. Воръ.—М. Горькій. Разсказъ Филиппа Васильевича.—*Цѣна 1 р.*

VI. Книга шестая:—А. Купринъ. Поединокъ.—Ив. Буниннъ. Стихотворенія.—М. Горькій. Вукосмовъ, Карпъ Ивановичъ.—Скиталецъ. Стихотворенія.—*Цѣна 1 р.*

VII. Книга седьмая:—М. Горькій. Дѣти солнца.—Ал. Кипенъ. Бирючій островъ.—Ив. Буниннъ. Востокъ.—Скиталецъ. Полевой судъ.—Густавъ Даниловскій. На островѣ.—Ив. Рукавишниковъ. Стихотвореніе.—*Цѣна 1 р.*

VIII. Книга восьмая:—Семенъ Юшкевичъ. Голодъ.—А. Лукьяновъ. Мечъ враговъ.—Маріо Раписарди. Рудокопы.—Е. Чириковъ. Мужики.—Скиталецъ. Лѣсъ разгорался.—Ив. Рукавишниковъ. Три знамени.—*Цѣна 1 р.*

IX. Книга девятая:—М. Горькій. Варвары.—Ив. Буниннъ. Стихотворенія.—Н. Телешовъ. Надзиратель.—А. Серафимовичъ. Среди почи.—А. Серафимовичъ. Похоронный маршъ.—Л. Сулержицкій. Путь.—Скиталецъ. Стихотворенія.—*Цѣна 1 р.*

X. Книга десятая:—Л. Андреевъ. Къ звѣздамъ.—Эмиль Верхарнъ. Возстаніе.—А. Серафимовичъ. На Преснѣ.—А. Лукьяновъ. Слѣпцы и безумцы.—Лунджи Моркантини. Гимнъ гарибальдійцевъ.—Скиталецъ. Огарки.—*Цѣна 1 руб.*

XI. Книга одиннадцатая:—Эмиль Верхарнъ. Зори.—А. Кипенъ. Въ октябрѣ.—Л. Андреевъ. Савва.—М. Горькій. Городъ Желтого Дьявола.—*Цѣна 1 р.*

XII. Книга двѣнадцатая:—М. Горькій. Царство скуки.—М. Горькій. «Мокъ».—М. Горькій. Чарли Мэнъ.—С. Юшкевичъ. Въ городѣ.—Зиновій Пэ. Домъ.—Эмиль Верхарнъ. Въ деревнѣ.—А. Серафимовичъ. Въ семьѣ.—Уольтъ Уитманъ. Громче ударь барабанъ.—М. Новорусскій. Въ Шлиссельбургѣ.—Евг. Тарасовъ. Стихотворенія.—Евг. Чириковъ. Въ тюрьмѣ.—Скиталецъ. Стихотворенія.—*Цѣна 1 р.*

XIII. Книга тринадцатая:—М. Горькій. Король, который высоко держитъ

Изданіе товарищества «Знаніе». (Спб., Невскій, 92).

Семенъ Юшкевичъ.
S.Yushkevich, S.S.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОЧЕРКИ ДѢТСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Гора.
Плѣнница изъ бѣлаго домика.
Злой мельникъ.
Кто-то на скалѣ.
Странный мальчикъ.
Поѣздка на Волнорѣзъ.
Новые друзья.
Тревоги души.
Саша.
Красный монахъ.
Осень.
Сумерки.

Цѣна 1 рубль.

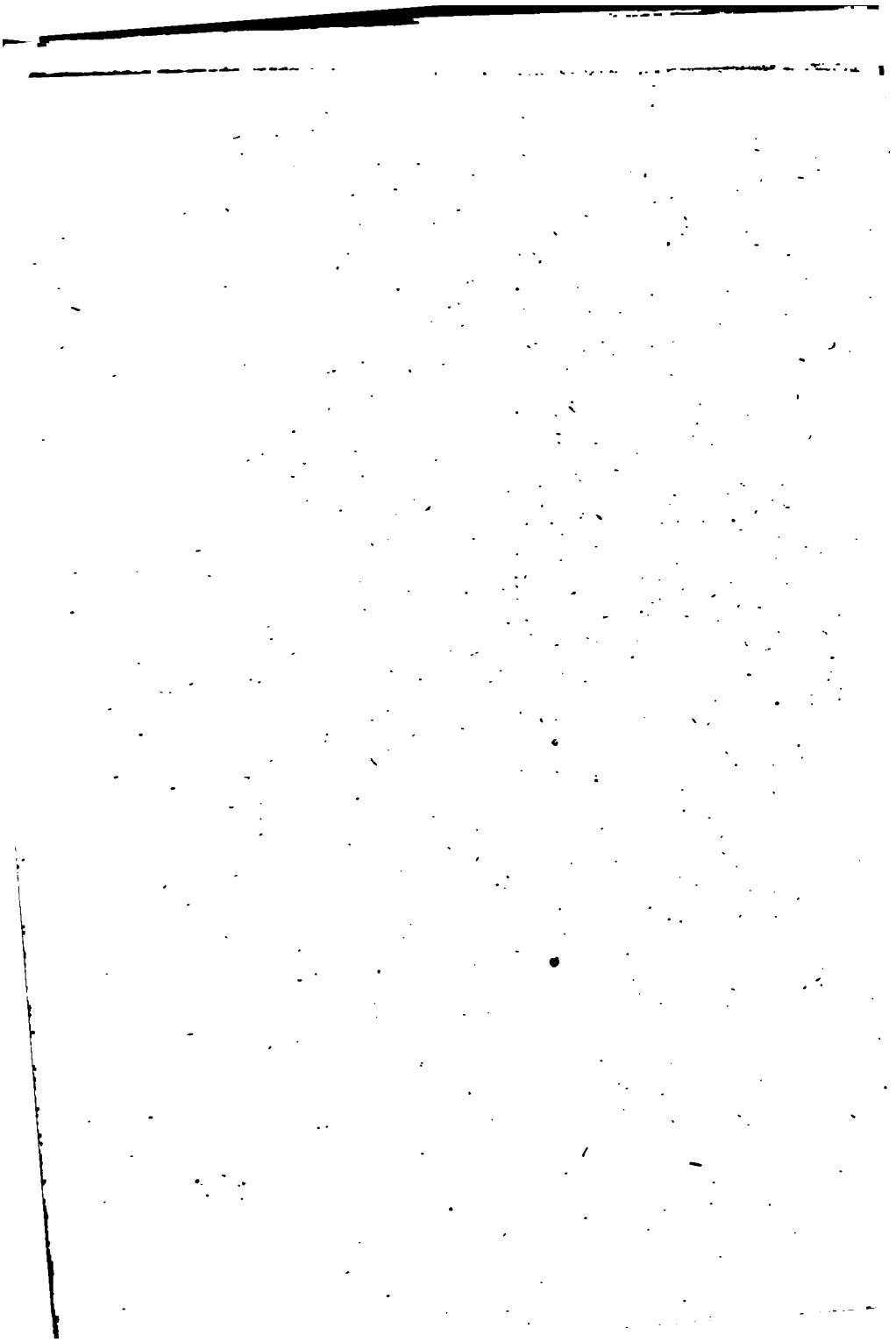
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Тип. Спб. акц. общ. „Слово". Ул. Жуковскаго, № 21.

Htk
Iw70
904
v.4

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Гора	1
II. Плѣнница изъ бѣлаго домика	9
III. Злой мельникъ	19
IV. Кто-то на скалѣ	41
V. Странный мальчикъ	59
VI. Поѣздка на Волнорѣзъ	83
VII. Новые друзья	115
VIII. Тревоги души	141
IX. Саша	159
X. Красный монахъ	179
XI. Осень	199
XII. Сумерки	209



СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.

ОЧЕРКИ ДѢТСТВА.

Посвящаю

дѣтямъ моимъ

Полю и Наташѣ.

Семенъ Юшкевичъ.

I.

ГОРА.

Отецъ—Павелъ Сергѣевичъ Костылевъ—былъ строгій, суровый человѣкъ, и нашимъ воспитаніемъ почти не занимался. Онъ вѣчно былъ занятъ дѣлами, всегда хлопоталъ о чемъ-нибудь, и мы иногда по цѣлымъ днямъ не видѣли его. Но въ тѣ дни, когда онъ оставался дома, я и старшій братъ Коля становились самыми несчастными существами. Не то, чтобы онъ не любилъ насъ,—но привычка властвовать, стягивать—была такъ сильно развита въ немъ, что помимо собственнаго желанія вливала ядъ въ самыя лучшія его намѣренія. Малѣйшее свободное наше движеніе, громкій разговоръ, смѣхъ,—все это раздражало его такъ, что мы не смѣли шелохнуться при немъ. Время для насъ тянулось тогда особенно долго, тоскливо и вмѣстѣ съ нимъ все казалось какимъ-то другимъ точно и комнаты, и прислуга, и мать, и большой, поросшій травой дворъ нашъ, гдѣ мы такъ чудесно

проводили время послѣ ученья или во время каникулъ,—испытывали на себѣ тягость отъ его присутствія. Но лишь только онъ уѣзжалъ по дѣламъ, всѣ оживали снова: мы, мама, прислуга... Комнаты принимали своей обычный привѣтливый видъ, мать звонкимъ голосомъ распоряжалась по хозяйству, а слуги весело сновали по дому...

Лѣто въ этомъ году было очень жаркое, пышное, и нашъ просторный широкій дворъ утопалъ въ зелени, а бесѣдка, стоявшая по срединѣ его, въ самую душную пору была полна прохлады: такъ густо разрослись въ ней кусты дикаго винограда. Дворъ задней своей стороной переходилъ въ гору (мы жили въ нижней части города), разбитой на три площадки, расположенныхъ на разной высотѣ. Хотя гора была не особенно велика, но намъ она казалась самой высокой горой въ мірѣ. На вторую площадку мы рѣдко взбирались, и когда это случалось, то серьезно думали, что совершили большое путешествіе и видѣли красоты другого міра. На третьей площадкѣ мы никогда не были и даже не осмѣливались думать объ этомъ. Съ горы этой,—зеленой и душистой, полной непередаваемой привлекательности, таинственной своими ложбинами, углубленіями, тропинками, мелкими деревьями и пышной травой, очаровательной своими бабочками, осами, кузнечиками, лягушками, спавшими подлѣ мшистыхъ большихъ камней,—съ горы этой открывался восхитительный видъ на море, гдѣ съ правой стороны дремали огромныя баржи, плавали пароходы и сновали парусныя лодочки. Въ сильный зной,

послѣ долгой охоты за бабочками, стрекозами кузнечиками, одно шуршаніе крыльевъ которыхъ приводило насъ въ счастливый восторгъ, уставшіе, мы,—напившись воды изъ „ключа“, открытаго однимъ изъ насъ въ горѣ,—усаживались на первой площадкѣ, и лицами, обращенными къ морю, зарывались въ траву. Въ это время тѣнь отъ второй площадки совершенно закрывала насъ отъ солнца, и мы всѣмъ существомъ впитывали въ себя радость отдыха, погружаясь глазами въ безграничный просторъ, открытый передъ нами. Въ лѣвой сторонѣ морского берега, тамъ, гдѣ вода была мелка и знакома намъ, мы различали купавшихся, которые казались похожими на маленькихъ фарфоровыхъ куколъ не то прыгавшихъ, не то танцовавшихъ. Напротивъ виднѣлась линія сосѣдняго берега,—или, какъ мы называли ее, цѣпь горъ, красныхъ при закатѣ солнца, бѣлыхъ, какъ-бы высѣченныхъ изъ мрамора въ полдень, и такихъ свѣжихъ, сиреневыхъ, чуть зеленоватыхъ раннимъ утромъ. На вершинѣ цѣпи виднѣлся бѣлый домикъ, бывшій когда то предметомъ вѣчныхъ нашихъ думъ о немъ,—такъ поражалъ онъ насъ своей одинокостью и таинственностью. Направо отъ насъ кипѣла жизнью старая гавань со своими гигантскими пароходами, свистки которыхъ доносились и до насъ, когда вѣтеръ былъ съ моря. Цѣлый лѣсъ мачтъ, за которыми виднѣлось странное, изрѣзанное на части небо, дымъ отъ трубъ и ни одного звука человѣческаго голоса, заставляли работать воображеніе на самыя фантастическія темы. Далеко на водѣ тянулась тонкая каменная

линія волнорѣза, казавшаяся крохотной лѣстничкой въ морѣ, на которой—мы думали—отдыхаютъ большія рыбы по ночамъ. Это было удивительное зрѣлище, вѣчно новое, вѣчно нѣжно настраивавшее нашу душу.

На смѣну отдыху шла работа, трудная и важная. Подлѣ насъ, въ наскоро и грубо вырытой ямѣ, лежала „дичь", пойманная въ сегодняшнюю охоту. Здѣсь были бабочки, крылышки которыхъ утратили уже свою нѣжность и блескъ, благодаря тому, что на пальцахъ нашихъ осталась бархатистая пыль, когда мы доставали ихъ руками. Изъ бабочекъ любимицами нашими были желтыя, лимоннаго цвѣта, и въ особенности черно-красныя, расцвѣченныя сѣроватыми пятнами по краямъ. Эти послѣднія были очень рѣдки, хитры и удивительно увертливы, такъ что поймать ихъ считалось у насъ большимъ искусствомъ. Что же касается плебеевъ-бабочекъ,—бѣлыхъ, голубоватыхъ и, въ особенности, сѣрыхъ, то онѣ были у насъ въ загонѣ, и мы относились къ нимъ равнодушно, скучая даже при самой охотѣ на нихъ. Имъ мы безжалостно отрывали крылья и небрежно бросали въ коробочку, которую каждый изъ охотниковъ носилъ за пазухой... Навалившись на бабочекъ, сидѣли зеленые, длинноногіе, шустрые кузнечики, съ большими глазами на-выкатѣ, и пошевеливали тонкими усиками... Три огромные паука присосались внутри къ стеклу, которымъ мы накрывали ямку, и внимательно выглядывали въ него, какъ бы ища выхода. Всю эту массу добычи нужно было разсортировать, затѣмъ приготовить для нея

квартиру и позаботиться о томъ, чтобы никто не погибъ отъ голода. Коля, искусный во всякаго рода постройкахъ, принимался за работу, а я помогалъ ему. Перво-наперво требовалось вырыть нѣсколько ямокъ, имѣющихъ форму ящика, гдѣ наши плѣнники должны были быть замурованы... Съ какимъ вниманіемъ и прилежаніемъ дѣлалось дѣло! Въ горѣ у насъ была небольшая кладовка, гдѣ были припрятаны всякаго рода инструменты,— небольшая лопатка, желѣзныя грабли, топорикъ, нѣсколько сломанныхъ ножей разныхъ величинъ, черепки отъ посуды, ножницы, куски разбитаго стекла, а также кой-какія игрушки, которыя могли понадобиться каждую минуту. Коля доставалъ самый большой ножъ, служившій въ этихъ случаяхъ ломомъ, я бралъ лопату и работа закипала.

— Павка, срѣжь траву,—командуетъ Коля.

Нѣсколько ударовъ лопатой дѣлаютъ мѣсто чистымъ и гладкимъ, какъ ладонь руки. Тогда Коля тщательно набрасываетъ чертежъ земляного ящика и начинаетъ копать ножомъ. Я помогаю лопатой и отношу землю къ ближайшему ровику. Сработать четыре ящика занимаетъ у насъ много времени. Съ насъ градомъ катится потъ, и хочется пить до смерти. Солнце становится надъ большимъ рвомъ, раздѣлявшимъ гору на двѣ части, и теперь невыносимо жжетъ спину. Но пойти напиться—некогда и мы продолжаемъ работать. Вотъ, наконецъ, помѣщенія вырыты, приглажены. Требуется еще высушить квартиры, чтобы въ нихъ не завелось сырости. Эту работу Коля не довѣряетъ никому, даже самымъ закадычнымъ

друзьямъ. Я стою въ сторонѣ и съ завистью смотрю, какъ онъ аккуратно накладываетъ бумагу въ ямки и зажигаетъ ее. Показывается черный дымъ, который лѣниво поднимается надъ горой и я начинаю прыгать отъ радости, когда замѣчаю блѣдные желтые языки огня, вырывающіеся подъ дымомъ. Когда просушка готова, я вычищаю вновь помѣщенія и начинается сортировка „дичи“. Въ первую ямку идутъ пауки, и для пищи мы имъ набрасываемъ обезкрыленныхъ бабочекъ. Сверху Коля прилаживалъ стекло, чтобы можно было наблюдать, какъ они живутъ, а я укрѣпляю его клейкой кашицей изъ муки, смѣшанной съ водой. Въ двухъ другихъ помѣщеніяхъ мы устраивали кузнечиковъ съ желтыми бабочками, а послѣднее предназначалось спеціально для черно-красныхъ, для которыхъ ложемъ служилъ сложенный листъ лопуха, а пищей—голубенькіе васильки. Устроивъ нашихъ плѣнниковъ, довольные, мы ложились на землю и слѣдили черезъ стекло, какъ они живутъ, что дѣлаютъ, ѣдятъ ли, какъ держатъ себя. Межъ тѣмъ день подвигался впередъ. Бездѣлье начинало утомлять насъ. Забава теряла свой интересъ и уставшее вниманіе требовало новыхъ впечатлѣній. Постепенно появлялись товарищи и начиналась охота на лягушекъ, отъ которыхъ потомъ наши руки пахли такъ, точно ихъ вымазали сокомъ отъ травы. Шумъ, крикъ, пѣсни сопровождали охоту, пока кому-нибудь не приходило въ голову крикнуть: „купаться“!

Охота моментально бросалась; всѣ сбрасывали парусиновыя рубашки, устраивали ихъ въ видѣ

ранцевъ на спинѣ, закрѣпляли кушаками, и торжественнымъ шагомъ шли стороной къ морю. А вечеромъ счастливые, утомленные здоровой усталостью, съ мечтами и пріятными заботами о завтрашнемъ днѣ, мы засыпали, какъ мертвые, почти равнодушные къ ужину, къ упрекамъ матери, къ воркотнѣ дорогой бабушки.

II.

ПЛѢННИЦА ИЗЪ БѢЛАГО ДОМИКА.

Шалости и непослушаніе часто тяжело отзывались на насъ. Матери, хлопотливой и всегда огорченной женщины, мы не боялись, хотя она собственно въ сотрудничествѣ съ бабушкой и занималась нашимъ воспитаніемъ. Бабушка была милая, чувствительная старушка, и самая главная защитница наша отъ гнѣва отца и упрековъ матери. Въ зимніе вечера, длинные и таинственные, когда на дворѣ завывала буря и вѣтеръ бился въ окно, какъ живое существо, она, сидя на низенькой скамеечкѣ подлѣ печи, съ чулкомъ въ рукахъ, который вязала не глядя на спицы, разсказывала намъ чудесныя сказки безостановочно, часами. Огонь въ лампѣ таинственно подскакиваетъ, большой старый котъ нѣжно мурлыкаетъ у ея ногъ, трещитъ мебель, какъ бы перекликаясь, и мы сами становимся другими въ душѣ подъ вліяніемъ этихъ чудныхъ, кроткихъ сказокъ.

Воспитаніе же матери заключалось въ томъ, что въ каждую минуту, когда мы наслаждались, всегда она что-то требовала, что-то пророчила, сердилась, жалуясь на свое безсиліе справляться съ нами. Или начинала о томъ, что годы летятъ, пробѣжитъ скоро время и мы выростемъ легкомысленными людьми, никуда негодными, ни на что неспособными, и что непремѣнно будемъ нищими, такъ какъ время уже не такое, какъ прежде, и что теперь совсѣмъ другіе люди нужны. Мы, конечно, ничего не понимали въ ея словахъ, хотя они и ложились подчасъ на душу,—не понимали, чего она боялась, на что намекала, и думали о томъ только, какъ бы убѣжать отъ этихъ непріятностей на нашу любимую гору, гдѣ мы сейчасъ же обо всемъ дурномъ забывали. И только крѣпко чувствовали ея руку по вечерамъ, когда она, раздосадованная нашими шалостями, начинала жаловаться уставшему за день работы отцу.

Боже, эти вечера! Какъ страшно вспомнить о нихъ! Усталый, разсерженный за то, что его не жалѣютъ и надоѣдаютъ какими-то истоптанными башмаками, изношенной рубашкой, словомъ, тѣмъ, что не имѣло никакого отношенія къ его серьезнымъ заботамъ, отецъ страшно выходилъ изъ себя. Начиналась молчаливая пытка смотрѣнія. Какъ онъ смотрѣлъ на насъ! Что это былъ за взглядъ! Тяжелый, угрожающій и странно пронизывающій, онъ постепенно какъ-бы обволакивалъ меня во что-то мягкое, сѣрое, унылое, и не спѣша закупоривалъ уши, глаза, ротъ, такъ что становилось трудно дышать... Я не смѣлъ поднять головы. Его

взглядъ парализовалъ меня,—я становлюсь неподвижнымъ, точно связанный, и мнѣ кажется, что онъ могъ бы меня убить, и я бы не пошевельнулся. Мгновенія казались годами. Голова пуста. Въ сердцѣ нѣтъ даже боязни. Есть оцѣпенѣніе и безсильное, тщетное желаніе дико закричать изо всѣхъ силъ...

Наконецъ, отецъ, погрозивъ пальцемъ, уходилъ къ себѣ. Мать, довольная произведеннымъ дѣйствіемъ, также оставляла насъ, а мы съ Колей, послѣ момента ужаса, хмурые и огорченные, отправлялись въ дѣтскую.

— Когда же мы выростемъ?—бывало скажетъ Коля, ложась на кровать и кладя на мои колѣни ноги,—когда же, наконецъ, мы выростемъ?

Я не отвѣчалъ ему прямо и съ увлеченіемъ звалъ его уйти совсѣмъ на третью площадку нашей горы, построить тамъ хижину и поселиться въ ней навѣки.

— Никогда никто не догадается,—спѣшилъ я предупредить его возраженія,—и всѣ дома будутъ плакать о насъ. А папа непремѣнно раскается.

Постепенно нашъ разговоръ оживлялся. Коля не отвергалъ моего плана, а я, довольный, начиналъ описывать ему нашу будущую жизнь на площадкѣ съ такими подробностями и такъ раскрашивалъ ее своей фантазіей, что увлекалъ его за собой. Забывалъ и онъ о своихъ огорченіяхъ, только-что вызванныхъ суровой рукой отца, и въ эти минуты, когда онъ опять становился самимъ собой, смѣлымъ, мужественнымъ—я страшно любилъ его.

— Ну, забудемъ,—говорилъ онъ, намекая на только что происшедшее.—Поговоримъ о нашихъ дѣлахъ.

Я уже зналъ, что это означало, и, предвкушая удовольствіе, ложился съ нимъ рядомъ, а онъ начиналъ разсказывать прелестную исторію, которой не было ни начала, ни конца, обаятельную исторію, служившую намъ утѣшеніемъ во всѣхъ нашихъ маленькихъ огорченіяхъ.

— Двѣнадцать карликовъ, ко мнѣ!—говорилъ Коля, легко ударяя въ ладоши, и я замиралъ отъ счастья.

Двѣнадцать карликовъ, одѣтые въ турецкія одежды, съ длинными бородами, съ парой срѣзанныхъ турецкихъ головъ за поясомъ и длинными перьями на бѣлыхъ чалмахъ, появлялись предъ нами и покорно ждали приказаній Коли.

— Двѣнадцать карликовъ, вѣрные мои слуги, переодѣньте насъ,—командовалъ Коля суровымъ, отрывистымъ голосомъ. Въ одинъ мигъ мы превращались. Коля становился похожимъ на китайскаго богдыхана, съ которымъ мы были знакомы по картинкѣ изъ прелестной сказки „Соловей",—въ мантіи и съ короной на головѣ. Я былъ въ голубомъ бархатномъ костюмѣ, расшитомъ золотомъ, съ маленькой коронкой, приличествующей принцу.

— Теперь,—говорилъ Коля, обращаясь ко мнѣ,—вслушайся, какая чудесная музыка раздается подъ нами. Слышишь? Это поютъ люди въ заколдованномъ царствѣ. Но теперь еще не настало время освободить ихъ. Въ сегодняшнюю ночь мы не навѣстимъ ихъ, и къ бѣлому домику, что

за моремъ, пройдемъ другой дорогой: черезъ лѣсъ и болота. На обратномъ пути полетимъ моремъ. Карлики, откройте въ полу дверь. Павка, дай руку...

Воображеніе мое чудесно работаетъ. Вотъ карлики взялись за кольцо, прикрѣпленное къ полу, рванули его, и образовалось широкое отверстіе. Чудесная нѣжная музыка, такъ щемившая сердце, послышалась ближе, и я, испытывая головокруженіе отъ невѣдомыхъ чувствъ, спускаюсь съ Колей въ пещеру. Карлики идутъ впереди и мы какъ-то не ходимъ, а плывемъ въ воздухѣ. Дорога прекрасная. Стѣны пещеры, — разсказываетъ Коля и я вижу,—выложены хрусталемъ и искрятся и переливаются волшебнымъ свѣтомъ: краснымъ, фіолетовымъ, зеленымъ... Карлики молча идутъ все скорѣе, скорѣе... Коля важно и увѣренно плыветъ, и лицо у него такое серьезное, что я начинаю пугаться. Оглянуться боюсь.

— Колечка,—шепчу я,—тебѣ не страшно?

— Глупенькій,—произноситъ онъ ласково,—я вѣдь съ тобой.

Отъ этихъ словъ меня охватываетъ блаженство. Мнѣ хочется прильнуть къ нему и крѣпко поцѣловать, сказать ему, что онъ храбрый, милый...

— Разсказывай,—шепчу я,—милый Коля, что было дальше.

— Начинается лѣсъ,—говоритъ онъ,—и я вижу безконечный, дремучій лѣсъ, окруженный непроходимымъ болотомъ. Гдѣ-то вдалекѣ отъ насъ Коля указываетъ мнѣ на перевозчика и я замѣчаю маленькую лодочку, подлѣ которой стоитъ великанъ съ дубиной на плечахъ.

— Это онъ стережетъ плѣнницу въ бѣломъ домикѣ,—говоритъ Коля. У заморскаго могущественнаго царя болѣе сотни лѣтъ единственный сынъ боленъ тяжелымъ недугомъ, отъ котораго можетъ излечить только кровь невинной принцессы. Много разъ этотъ могущественный царь посылалъ войско, чтобы похитить принцессу, но великанъ мой разбивалъ его войско на-голову. Когда-нибудь я поведу тебя смотрѣть, какъ страшенъ онъ, когда на него нападаютъ.

— Можно подойти къ нему поближе?—робко спрашиваю я, со страхомъ глядя на Колю.

— Теперь это невозможно. Онъ слишкомъ голоденъ и ужасно опасенъ. Двѣнадцать карликовъ, перенесите насъ черезъ болото.

Мгновеніе—и мы уже въ лѣсу; великанъ кажется маленькой мушкой. Мы идемъ, окруженные деревьями, и подъ нашими ногами трещатъ сухія вѣтви. Изъ-за огромнаго дуба выглядываетъ заяцъ, на котораго Коля указываетъ мнѣ.

— Это мой самый лютый врагъ,—разсказываетъ онъ,—и единственный достойный соперникъ, съ которымъ бываетъ иногда пріятно бороться. Двѣнадцать медвѣдей, подаренныхъ ему бабушкой его, страшной колдуньей, такъ же вѣрно ему служатъ, какъ мнѣ карлики. Но плѣнница изъ бѣлаго домика душой принадлежитъ мнѣ, а не ему. Карлики, скройте насъ!—отдаетъ онъ приказаніе нашимъ слугамъ.

Мы становимся невидимыми, но я все-таки со страху оглядываюсь и держу Колю крѣпко за руку. Заяцъ, потерявъ слѣды, вдругъ выскочилъ на до-

рогу, сталъ ее обнюхивать и, не находя насъ, скрылся въ чащѣ деревьевъ. Вотъ и конецъ лѣса... Передъ нами широкая, безбрежная равнина, поросшая высокой и густой травой. Воздухъ не прозрачный, а голубоватый, и птицы, летающія въ немъ, тоже голубыя. Я вскрикиваю отъ восторга. Въ лѣвой сторонѣ, совсѣмъ уже близко, лежитъ та цѣпь горъ, которая видна съ нашей площадки, и Коля указываетъ мнѣ на таинственный бѣлый домикъ.

— Всѣ опасности благополучно пройдены,— говоритъ онъ;—карлики, вы мнѣ больше не нужны. Ступайте и ждите, пока я не позову васъ. Павка,— обращается онъ ко мнѣ,—пойдемъ, плѣнница изъ бѣлаго домика ждетъ насъ.

Мы подходимъ ближе. Какъ красивъ этотъ бѣлый домикъ! Тѣ же самыя очертанія, что видны съ нашей горы, такой же миніатюрный, съ башенками по бокамъ и совершенно круглыми окнами. Зеленыя желѣзныя рѣшетки съ позолоченными остріями своихъ прутьевъ окружаютъ садъ, бѣлый домикъ и прудъ въ сторонѣ. Нѣсколько фонтановъ, разбросанныхъ по саду, высоко выбрасываютъ снопы воды, которые при паденіи разбиваются на сверкающую пыль и рябятъ спокойную воду въ прудѣ.

— Плѣнница идетъ!—возвѣщаетъ Коля,—и я нѣмѣю отъ восторга.

Изъ бѣлаго домика, медленно спускаясь по лѣстницѣ, ведущей въ садъ, легкая, какъ воздухъ, идетъ дѣвушка, та самая, о которой я столько мечталъ, сидя на площадкѣ нашей горы. Какъ она красива! Въ какія нѣжныя одежды окутана ея

фигура! Какъ мило она встрѣчаетъ насъ и ведетъ къ своему столу, такая ясная, прозрачная. О, какъ я преданъ ей! Мнѣ хочется видѣть ее въ опасности, чтобы съ радостью пожертвовать для нея своей кровью. Мнѣ хочется пасть передъ нею ницъ и съ гордостью ждать ея повелѣній. Этотъ садъ, этотъ прудъ, эти веселые, брызжущіе фонтаны,— какъ я люблю васъ. Но, Боже, въ эту минуту, когда я такъ полонъ прекрасныхъ чувствъ—крикъ объ опасности отрезвляетъ меня. Коля стоитъ нахмурившись, маленькая плѣнница въ смятеніи и ужасѣ.

— Темнѣетъ,—говоритъ Коля,—небо покрывается тучами. Солнце исчезаетъ. Глубокая ночь. Прекрасная дѣвушка, не плачьте, я спасу васъ! Павка, какой громъ! Карлики, ко мнѣ! Ахъ, поздно, поздно! Огромная птица спускается. Прекрасная дѣвушка, я спасу васъ. Гдѣ вы? Горе! Колдунъ унесъ ее!

Коля ломаетъ руки. Я стою ни живъ, ни мертвъ и готовъ разрыдаться. Карлики, всѣ двѣнадцать, стоятъ передъ Колей, дрожа предъ его гнѣвомъ, и ломаютъ руки въ отчаяніи.

— Вы мнѣ отвѣтите за нее!—кричитъ Коля громовымъ голосомъ.—Завтра ночью она должна быть дома! Слышите?..

Исторія кончена. Я въ изнеможеніи сажусь, протираю глаза и гляжу на Колю. Съ совсѣмъ прояснившимся лицомъ, милый, и улыбаясь, онъ смотритъ на меня, а я гляжу на него, какъ на божество.

— О, какъ хорошо,—шепчу я,—поведи меня еще разъ туда. Ты спасешь ее, правда, спасешь?

— Глупенькій,—говоритъ онъ,—но вѣдь это только сказка.

— Да, да, сказка, но спаси ее, милый Коля,— ее нужно спасти!

Онъ опять смѣется, ласково, нѣжно, а я засыпаю и всю ночь брежу прекрасной дѣвушкой изъ бѣлаго домика. Я люблю ее...

И теперь, много лѣтъ спустя, я въ иныя ночи, когда переношусь мыслями въ свое дѣтство, съ тѣмъ же восторгомъ, съ тѣмъ же любопытствомъ, съ тѣми же прекрасными чувствами, вспоминаю о маленькой плѣнницѣ изъ бѣлаго домика, которую тогда безжалостно унесъ колдунъ.

О, милые, ушедшіе, невозвратные годы! Какъ вы были чисты, какъ вы были благородны!.....

III.

ЗЛОЙ МЕЛЬНИКЪ.

Какъ-то однажды — солнце уже высоко стояло — товарищъ нашъ Степа, сынъ кузнеца, отчаянный, шустрый и энергичный мальчикъ, сказалъ, обращаясь къ Колѣ:

— На-сегодня, Колька, особое дѣло есть. Важное дѣло...

Мы стояли на горѣ, обернувшись спиной къ морю. У каждаго изъ насъ въ рукѣ было по охотничьей палкѣ, которою мы только что преслѣдовали ящерицъ и, къ нашему огорченію, безуспѣшно. Ящерицы обыкновенно выходятъ изъ своихъ норъ въ обѣденное время, когда очень жарко. Коля, при словахъ Степы, поднялъ палку, свистнулъ ею въ воздухѣ, какъ ножомъ срѣзалъ пышно-красную головку колючки и сказалъ:

— Говори.

Мы бросились на траву, еще влажную отъ росы, удобно расположились на спинѣ, подложивъ подъ

головы ладони, а Степа съ важнымъ видомъ взрослаго сталъ крутить папиросу, доставъ бумагу и табакъ изъ жестяной круглой табакерки, которую вмѣстѣ со спичками носилъ за пазухой. Мы внимательно слѣдили за его движеніями. Чиркнула спичка, понесло удушливымъ запахомъ сѣры, и Степа закурилъ.

— Вотъ и слушайте,—заговорилъ онъ, выпустивъ великолѣпныя, толстыя струи дыма черезъ носъ;— теперь садъ, что за мельницей,—онъ ткнулъ папиросой въ правую сторону отъ насъ, гдѣ за высокой трубой мельницы, какъ бы вышитыя по воздуху, зеленѣли деревья.—Словно лавка какая! Отъ фруктовъ дѣваться некуда. Ребята и вся улица живетъ ими, а мы тутъ за ящерками пропадаемъ. Вы себѣ какъ хотите, а я тоже пойду сегодня груши доставать. А кто хочетъ, тотъ пойдетъ со мной.

Выпаливъ это предложеніе, онъ ловко палъ на спину и перебросилъ одну ногу на другую. Коля внимательно выслушалъ и кивнулъ головой въ знакъ согласія, т. е., что дѣйствительно нужно идти.

— А то подлецы все обдерутъ,—поддразнилъ Степа.

Я вскочилъ и съ увлеченіемъ обѣжалъ всю площадку, издавая на-ходу воинственные крики. Степа теперь молча курилъ и сплевывалъ. Коля поднялся, опять взмахнулъ палкой, подсѣкъ подъ самый корень кусть колючки и спросилъ:

— Лупить насъ тамъ некому?

— Некому, чай. Развѣ старый чортъ мельникъ?!.—Онъ подумалъ.—Пойдемъ въ обѣдъ, тогда

насъ некому тронуть. Ужъ полакомимся. Только чуръ, уговоръ—никому не говорить. А то, какъ до батьки дойдетъ, такъ и домой не показывайся.

— Ладно, идемъ лягушекъ бить.

Я былъ внѣ себя отъ восторга. Объ этомъ чудесномъ и таинственномъ садѣ я давно уже слышалъ и моей мечтой было какъ-нибудь забраться туда. Съ какимъ трепетомъ я, бывало, проходилъ мимо невысокой стѣны, которая отдѣляла меня отъ него. И мельникъ, старый, сѣдой, котораго я видѣлъ иногда у воротъ, казался мнѣ могущественнымъ существомъ, одареннымъ высшей властью. Я опять отъ радости хотѣлъ было поскакать, но Коля и Степа догнали меня, задержали и черезъ минуту всѣ мы, вооружившись камнями, уже рыскали по дорогѣ, зорко слѣдя за травой,—не всколыхнется ли она отъ скачковъ лягушки. Первую я увидѣлъ. Въ сущности я былъ очень чувствительный и сердобольный мальчикъ. Мнѣ шелъ тогда 12 годъ, но я даже раньше, помню, могъ заплакать только отъ одного слова, отъ тона голоса. Но бывали минуты, когда я становился жестокимъ болѣе жестокаго. Сладость мучительства овладѣвала мной и мнѣ хотѣлось чувствовать, какъ живое мучается, страдаетъ. И сколько изъ-за этого я переживалъ потомъ мученій отъ горькаго сумасшедшаго раскаянія. Такъ было и теперь. При видѣ лягушки у меня потемнѣло въ глазахъ отъ злого желанія. Она сидѣла подлѣ большого, обросшаго мхомъ, камня и охотилась на мухъ, которыхъ было подлѣ нея въ изобиліи.

— Я первый, — крикнулъ я и изо-всей силы швырнулъ въ нее камнемъ.

Но я промахнулся, а она, испугавшись отъ шума, скакнула, забилась въ траву и притихла, чтобы не выдать себя. Однако, Коля немедленно нашелъ ее и выгналъ изъ убѣжища палкой. Она опять поскакала, грузно шлепая какъ-то всѣмъ тѣломъ. Степа бросилъ камнемъ и попалъ ей въ ногу. Она остановилась, уперлась, надувшись, головою въ землю, и было похоже, что она собирается стать на переднія лапы, а ей не удается. Я опять прицѣлился и пустилъ прямо въ средину ея большимъ камнемъ. У меня отлегло отъ сердца и сейчасъ же жалость рѣзнула меня. Раздался трескъ, точно наступили ногой на пузырь отъ рыбы, и мы пошли дальше. Лягушка же лежала съ вышедшими внутренностями и на нее сейчасъ же насѣли тучи мухъ. Больше я уже не убивалъ: мнѣ сдѣлалось отвратительнымъ это удовольствіе. Въ слѣдующій разъ убилъ Степа, и опять раздался трескъ, потомъ Коля, потомъ опять Степа—и охота надоѣла. Жарко уже было страшно. Коля скомандовалъ бѣжать къ „ключу“, и мы двинулись. Степа, босой, въ длинной ситцевой рубахѣ на-выпускъ, которою вытиралъ потъ съ лица, былъ уже далеко впереди насъ, такъ какъ чудесно бѣгалъ и не имѣлъ соперниковъ въ этомъ... За нимъ бѣжалъ Коля, сбивая палкой по-пути траву, а я трусилъ сзади, радуясь уже солнцу, шуршанію травы подъ ногами, морю, спокойному морю, которое сверкало и горѣло серебянымъ огнемъ. У „ключа“ мы остановились, и какъ были—горячіе,

потные,—бросились подъ струи крѣпкой холодной воды, стекавшей съ горы. Съ крикомъ и смѣхомъ, толкая другъ друга, мы отошли тогда, когда совершенно стали мокрыми. Потомъ напились. Степа опять закурилъ — и чтобы провести время до отправки въ садъ, начали охотиться на кузнечиковъ, Для этого мы вооружились сѣтками, которыя сдѣлали изъ травы, насадили ихъ на палки, сбились въ кучу и стали выгонять дичь. Со двора уже раздавались звуки надрывавшейся горничной Маши, звавшей насъ завтракать. Мы притворились что не слышимъ, и продолжали охоту. Звуки то приближались, то какъ будто пропадали и вдругъ очутились неожиданно-близко. Теперь Маша, наставивъ руку козырькомъ надъ глазами, кричала съ укоромъ:

— Коля, Павочка,—завтракать! Тамъ мамаша, не дай Богъ, какъ сердятся. Паничи, идите же!!.

Но въ это время вспорхнулъ кузнечикъ и мы забыли обо всемъ въ мірѣ. Онъ блеснулъ въ воздухѣ своими прозрачными чирикавшими крыльями, отлетѣлъ и упалъ невдалекѣ отъ насъ. Съ гиканьемъ мы помчались въ догонку за нимъ, а Маша, прокричавъ еще разъ: „Коля, Павка!“—махнула съ досады рукой и на прощанье сказала:

— Достанется вамъ отъ папаши,—не дай Богъ, что будетъ.

И ушла. Мы расхохотались вслѣдъ. Гдѣ-то вблизи насмѣшливо повизгивалъ кузнечикъ. Опять мы заковыляли ногами, взбивая траву, а онъ вдругъ совсѣмъ изъ другого мѣста вспорхнулъ. Отъ не-

ожиданности мы чуть не повалились другъ на друга. Кузнечикъ же снова упалъ въ траву шагахъ въ двадцати отъ насъ, но поднявшись ко второй площадкѣ.

— Вотъ подлецъ!—выругался Степа,—погоди же, теперь я тебя поймаю.

Онъ стремительно побѣжалъ на гору, довольно крутую, поскользнулся, но высокая трава его вывезла. Цѣпляясь за нее, онъ, съ проворствомъ кошки, быстро добрался до того мѣста, гдѣ, по его мнѣнію, сидѣлъ кузнечикъ, и, подражая ему, палъ всѣмъ тѣломъ на траву, увѣренный, что теперь онъ уже не уйдетъ отъ него.

— Идите скорѣй,—крикнулъ онъ намъ,—подлецъ здѣсь.

Я бросился за Колей, но сорвался и со смѣхомъ скатился внизъ. Коля добрался до Степы и лишь только повернулъ его, чтобы отыскать дичь, какъ кузнечикъ опять зашумѣлъ, взвился и пропалъ на второй площадкѣ. Степа расхохотался, а Коля, разсердившись, легъ рядомъ съ нимъ, обхвативъ его за шею, и оба покатились внизъ, лежа одинъ на другомъ, то сверху, то снизу. Другой кузнечикъ привлекъ наше вниманіе, когда раздались свистки фабрикъ и пароходовъ. Рабочіе шли обѣдать. Наступила пора отправляться въ садъ.

— Ну, идемъ,—рѣшительно произнесъ Степа.

Что-то ёкнуло у меня въ груди, не то страхъ, что отецъ узнаетъ, не то блаженство отъ предстоящей таинственной экспедиціи. У Коли заблестѣли глаза. Я посмотрѣлъ на него и ободрился.

Онъ казался мнѣ такимъ милымъ, смѣлымъ. Оттянувъ молодцевато рубашку, поправивъ поясъ, онъ бросилъ палку и сказалъ:

— Конечно, идемъ. Павка, брось палку. Ты, Степа, ступай впереди и указывай дорогу.

Степа кивнулъ головой и пошелъ горой. Сразу шаги наши стали осторожными, мягкими, тихими, точно страшные глаза мельника уже начали слѣдить за нами. Дойдя до конца нашей горы, мы перешли на противоположную сторону и, добравшись до калитки сосѣдняго дома, вошли и въ первый разъ близко увидѣли высокую мельничную трубу, которая вблизи оказалась несравненно большей, чѣмъ издали.

— Теперь не зѣвай,—прошепталъ Степа;—вотъ окно, гдѣ мельникъ живетъ. Пригнемся и пополземъ.

Мы притаили дыханіе, точно его можно было услышать въ комнатѣ мельника, и, едва дыша, проползли подъ окномъ. Миновавъ эту опасность, мы живо поднялись и со всѣхъ ногъ побѣжали къ невысокой стѣнкѣ, отдѣлявшей здѣсь садъ отъ дома.

— Перелѣзай,—шепнулъ Степа и, ловко вскарабкавшись, прыгнулъ въ садъ.

Мы услышали мягкое паденіе его тѣла и остановились испуганные. Идти ли дальше? А вдругъ отецъ узнаетъ?! Сердце билось, какъ сумасшедшее въ груди. За стѣной Степа нетерпѣливо шепталъ, чтобы мы шли скорѣй.

— Идемъ, Коля,—произнесъ я, взглянувъ на него.

Коля вмѣсто отвѣта презрительно вздернулъ плечами и сталъ подниматься по стѣнѣ.

Предо мной мелькнулъ отецъ, строгій, суровый къ такимъ продѣлкамъ.

— Скверно будетъ,—пронеслось у меня со страхомъ, и, закрывъ глаза, я полѣзъ за Колей и спрыгнулъ въ садъ. Но сейчасъ же я объ отцѣ забылъ, точно его никогда не было у меня, присѣлъ, оглянулся и замеръ. Удивительная, сказочная тишина сразу заполнила мое сердце и какъ-то охладила меня. Тишина. Ни звука, ни шороха, ни намека на человѣка. Длинныя, будто вѣчныя аллеи, ряды высокихъ деревьевъ и кругомъ тѣнь безъ узоровъ, безъ очертаній. Огромные листья лопуха, какъ бы небрежно разбросанные властной рукой, мирно покоятся между стволами деревьевъ, окруженные прелестными пестрыми цвѣточками, такими задумчивыми, нѣжными. Какая-то новая, невиданная мной, благородная трава, точно нарисованная... Пахнетъ изумительно, и самый воздухъ не тотъ, которымъ я обыкновенно дышу, а какой-то легкій, вкусный.

Дальше отъ деревьевъ побѣжали правильными кругами нарядныя клумбы съ красавицами розами, надъ которыми вьются пчелы, жужжатъ и рѣзвятся. Изрѣдка слышится гдѣ-то въ кустахъ шуршанье крыльевъ, чириканье, писк... Мелькаютъ оттуда же черные внимательные глаза птицъ, птицъ разноцвѣтныхъ, таинственныхъ, которыхъ я готовъ обожать.

— Вѣчно, вѣчно бы оставаться здѣсь,—сладостно думается мнѣ.—Господи, подари мнѣ такую жизнь, дай немного пожить въ этомъ царствѣ и умереть.

— Идемъ,—будитъ меня голосъ Степы,—груши дальше.

Я поднимаюсь и лѣниво иду за нимъ. Шаги наши хрустятъ въ пескѣ, и мнѣ вдругъ кажется, что когда-то это уже было со мной, и тоже тогда хрустѣли шаги, и что та жизнь, въ которой оно происходило однажды, была лучше и несравненно прекраснѣй настоящей. Чѣмъ хороша наша жизнь? По вечерамъ отецъ, который и любитъ насъ, но строгій и неумолимый; страшное училище осенью и зимой; огорченія и страхи за жизнь дорогихъ мнѣ папы и мамы и однообразіе во всемъ, что за этой стѣной. Не въ моихъ ли мечтахъ о плѣнницѣ изъ бѣлаго домика я жилъ этой дорогой жизнью, зналъ этотъ садъ, эти новыя, хорошія чувства?

Вотъ и фруктовыя деревья. Я бросился къ Колѣ, чтобы обнять его,—такъ славно на душѣ у меня, такъ чувствую я Бога надъ собой. Мнѣ кажется, что мы не люди, не живемъ въ мірѣ, и что никогда, никогда не вернется прошлое. Груши зеленыя, но уже съ розовѣющими щечками, похожія на маленькія бутылочки, свѣсились внизъ и ласково ждутъ насъ. Какъ забрызганныя кровью виднѣются вдали вишневыя деревья и такъ необычно красивы своими вѣтвями, ушедшими вширь. Внизу, изъ длиннаго ряда кустовъ, лукаво выглядываетъ твердый крыжовникъ зелеными глазами своими и какъ бы вытягивается, чтобы дать себя отвѣдать. Бѣжитъ смородина мимо взора, собравшись въ миніатюрныя кисти краснаго винограда, и руки невольно сами тянутся къ ней. Я не знаю, что переживаетъ Коля...

— Господи,—съ благоговѣніемъ шепчу я,—подари мнѣ такую жизнь!

Съ грушеваго дерева уже раздается крикъ Степы, зовущій меня подняться къ нему. Коля сидитъ на вишневомъ деревѣ и, уписывая вишни, не забываетъ кучами класть ихъ за пазуху. Я дѣлаю то же, поднимаюсь къ грушамъ, срываю ихъ, кладу за пазуху, отвѣдываю одну. Но она невкусна еще и я съ отвращеніемъ выплевываю ее. Отъ грушъ мы переходимъ къ вишнямъ, смородинѣ, крыжовнику, и я наѣдаюсь такъ, что меня начинаетъ тошнить. За пазухой ростетъ запасъ. То же самое у Коли и у Степы. Мы перегружены и ничего уже не хочется. Пора домой. Какъ-то мы выберемся? Я уже привыкъ къ красотѣ сада, она начинаетъ утомлять меня, а то живое и важное, что сейчасъ должно совершиться, и страхъ передъ тѣмъ, что ждетъ насъ у выхода,—все больше закрадывается въ душу и выталкиваетъ изъ нея все другое.

— Теперь мы воры!—со стыдомъ думаю я, ощупывая набранные запасы. Гляжу на Колю съ отчаяніемъ.—Если бы папа узналъ!.. Коля самъ блѣднѣе обыкновеннаго, и страхъ за него заглушаетъ мой собственный. Степа все уписываетъ вишни, не можетъ никакъ ими насладиться и весело смѣется. Меня злитъ ровный блескъ этихъ холодныхъ, мраморныхъ зубовъ мальчика и плутовское выраженіе въ его глазахъ.

— Домой, — командуетъ Коля дрогнувшимъ голосомъ, и я готовъ заплакать отъ этихъ упавшихъ, безсильныхъ звуковъ. Пусть боюсь я, но

Коля не долженъ бояться. Я все возьму на себя. На своихъ плечахъ я готовъ вынести всю тяжесть этого поступка, но Колю никто не долженъ трогать.

— Домой!..—подбадриваюсь я;—идемъ, Степа, Коля... Я первый вылѣзу на стѣну и посмотрю, спокойно-ли.

Съ доброй улыбкой онъ смотритъ на меня, и, какъ бы понявъ мои чувства, одобряетъ меня кивкомъ головы. Я взлѣзаю, поддерживаемый ими, и быстро оглядываю путь. Никого. Мельница гудитъ, — гдѣ-то громко спорятъ. Въ самомъ дворѣ лежитъ спокойствіе и равнодушіе. Я шопотомъ даю сигналъ,—они поднимаются вслѣдъ за мной, всѣ прыгаютъ внизъ, и мы двигаемся дальше. Опять подъ окномъ застываетъ сердце отъ ужаса. Но вотъ мы, наконецъ, благополучно у калитки. Еще одинъ мигъ—и свобода. Степа бросается открыть ее,—но ужасъ! теперь она заперта на ключъ, и выходъ отрѣзанъ.

— Мы пропали,—шепчу я съ ужасомъ.

Коля страшно блѣднѣетъ и тоскливо оглядывается. Времени терять нельзя. Губы у него синѣютъ и дрожатъ, Степа же по-прежнему веселъ и спокоенъ. Опять сверкаютъ его зубы и онъ бормочетъ:

— Вишь, черти проклятые, догадались-таки. Погодите, подлецы, еще не поймали. Колька, за мной! Гляди въ оба. А ты не плачь,—обращается онъ ко мнѣ, и бросаетъ съ презрѣніемъ: „Баба!“— Не поймаютъ,—съ увѣренностью заканчиваетъ онъ,—

меня лошадь не догонитъ, не то что подлецъ мельникъ...

Все это очень хорошо, но для насъ неутѣшительно. Я совсѣмъ неважно бѣгаю. Но мужественныя слова Степы все-таки ободряютъ и теперь, не прячась, пускаемся бѣжать назадъ въ садъ. Но едва мы поднялись на стѣну, какъ вдругъ показался совсѣмъ близко старикъ мельникъ съ парнемъ,—видно своимъ сыномъ.

Въ рукахъ у нихъ прутья, должно быть для насъ приготовленные.

— Слѣзай,—кричитъ намъ мельникъ,—нето хуже будетъ! Воришки проклятые, совсѣмъ садъ испортили,—бормочетъ онъ и внимательно смотритъ на стѣнку, попорченную ногами мальчишекъ.

Степка прыгаетъ въ садъ, а мы безъ размышленія за нимъ.

— Ступай къ стѣнѣ, что выходитъ на улицу,— кричитъ Степа на-бѣгу.—Другого мѣста нѣту.

Мы съ Колей усердно работаемъ ногами, и наплывъ энергіи на время разгоняетъ страхъ. Однако, едва мы добрались до уличной стѣны, какъ мельникъ выросъ передъ нами и стегнулъ прутьями въ воздухѣ. Мы бросились назадъ. Страхъ опять щемитъ сердце. Размышлять некогда. За нами гонится сынъ мельника, парень лѣтъ 16. Вотъ, вотъ нагонитъ!.. Куда бы спрятаться? Коля тяжело дышетъ и я по плечамъ вижу, что онъ утомляется. „Хотя бы дали немного передохнуть“,—думается мнѣ. Въ эту минуту насъ выручаетъ Степа. Онъ рѣетъ по землѣ, какъ ласточка. Замѣтивъ нашу усталость, онъ начинаетъ дразнить парня и на-

рочно шмыгаетъ мимо него. Тотъ съ крикомъ бросается за нимъ, а мы выигрываемъ время. Долго, однако, такая борьба продолжаться не можетъ. Опять мы бѣжимъ къ уличной стѣнѣ. Вдругъ Степа, рѣшивъ, вѣроятно, что насъ не выручитъ, развиваетъ изумительную скорость, оставляетъ парня далеко за собой, и,—пока старикъ мельникъ собирается,—вскакиваетъ на невысокую со стороны сада стѣну и со смѣхомъ прыгаетъ на улицу. Ужасное положеніе. Мы одни въ рукахъ палачей. Вмѣстѣ со Степой какъ бы солнце пропало. Я не хочу уже бороться, бѣжать. Пусть будетъ, что будетъ. Рѣшившись, я сразу останавливаюсь и жду опасности. Парень набѣгаетъ на меня, хватаетъ за шею пятерней и крѣпко держитъ. Коля также останавливается. Онъ меня жалѣетъ и не хочетъ оставить одного. Парень хватаетъ и его за шею, и мы оба, какъ пойманныя птицы, въ его грубыхъ рукахъ. Въ эту минуту подходитъ мельникъ и, взвизгнувъ въ воздухѣ прутьями, больно ударяетъ меня.

— Вотъ тебѣ груши воровать,—слышу я его жесткій голосъ,—вотъ тебѣ садъ господскій портить. Будешь, поганый воришка, лазить сюда.

Опять визгъ прутьевъ и боль въ тѣлѣ. Мнѣ стыдно; я молчу.

— Пусть бьетъ,—думаю я,—устанетъ.

Но раздался ударъ и на этотъ разъ онъ угодилъ Колѣ. Вотъ этого я уже не могу вынести. Я рвусь изъ рукъ парня и смѣло кричу:

— Не бей брата, не смѣй бить!

Опять тишина въ саду, но уже страшная. Мы

вдали отъ людей и защиты, и насъ охватываетъ ужасъ до умопомѣшательства. Наконецъ, насъ доводятъ до стѣны, даютъ еще нѣсколько пинковъ на прощанье и мы, рискуя жизнью, бросаемся внизъ со стѣны полуторасаженной высоты.

Славу Богу! Мы бѣжимъ вдоль улицы, точно ругань злого мельника, посланная въ догонку, имѣетъ еще силу ударовъ. Потомъ выбѣгаемъ на нашу гору и, остановившись, тупо глядимъ другъ на друга. Намъ стыдно до омерзѣнія. Молча мы выбрасываемъ накраденный грузъ и съ досадой топчемъ его ногами.

— Мы не воры,—со слезами говорю я, наконецъ, Колѣ,—а за то, что съѣли, осенью заплатимъ мельнику. Соберемъ деньги и заплатимъ.

Коля серьезенъ и мраченъ.

— Здорово досталось,—говоритъ онъ,—больше уже не сунемся. Чортъ бы Степу взялъ. Славно выйдетъ, если папа узнаетъ...

— Я все на себя возьму, Коля,—отвѣчаю я,—но папа не узнаетъ.

Увы, я ошибся... Папа узналъ, и мы жестоко были наказаны за наше преступленіе.

Было это такъ. Посидѣвъ съ Колей на горѣ и пожалѣвъ о своей судьбѣ, мы привели въ порядокъ наше платье, умылись водой изъ „ключа“, спустились внизъ и скоро забыли о несчастномъ приключеніи съ мельникомъ. Въ этотъ день Степа не показывался больше и мы были увѣрены, что отецъ засадилъ его за работу въ кузницѣ. День пошелъ своимъ порядкомъ. Отъ мамы мы получили нагоняй за опозданіе къ завтраку и обѣща-

ніе разсказать папѣ, какіе мы скверные, гадкіе, какъ портимъ платье и становимся совершенно уличными. „Точно никогда не учились“,—сравнила она, быстро оглядывая наши загорѣвшія лица. Мы спокойно отнеслись къ бурѣ, позавтракали... Потомъ опять воспользовались ея разсѣянностью, улизнули на гору, гдѣ и провели время до захода солнца. Въ шесть часовъ,—отецъ обыкновенно приходилъ въ девять, когда бывалъ занятъ,—подавали чай въ бесѣдкѣ. Мы были очень оживлены за столомъ и вели себя такъ развязно, что мать едва насъ не прогнала. Впрочемъ, все обошлось мирно. Я не отказалъ бабушкѣ въ просьбѣ и любезно предложилъ ей свои двѣ руки,—обыкновенно она это продѣлывала на двухъ подсвѣчникахъ,—на которыя она насадила связку толстыхъ вязальныхъ нитокъ и стала наматывать ихъ на клубокъ. Коля растрогалъ маму тѣмъ, что тоненькимъ пріятнымъ голосомъ спѣлъ «Среди долины ровныя». Словомъ, все шло хорошо. Бабушка, намотавъ нитки, отпустила меня, наградивъ поцѣлуемъ, и мы съ Колей отправились въ дѣтскую: онъ—дорисовывать копію какой-то красивой греческой головы, я—раскрашивать водянистыми красками свой ранецъ, за что мнѣ не разъ уже доставалось отъ мамы.

Но не прошло и получаса, какъ въ нашей комнатѣ неожиданно, насупившійся и грозный, появился отецъ въ сопровожденіи мамы. Мы вскочили... Ноги у меня стали трястись отъ ужаса. Моментъ нехорошей тишины. Мы уже стоимъ на

вытяжку передъ отцомъ и смотримъ въ землю, не смѣя поднять оцѣпенѣлыхъ вѣкъ.

— Подойдите, негодяи!—раздался его голосъ.

Мама крикнула отъ страха. Сама она не терпѣла гнѣва отца, который дѣлалъ его просто жестокимъ, и между ними всегда происходила борьба изъ-за насъ. Теперь ея крикъ еще больше напугалъ насъ. Мы чувствовали, что и на этотъ разъ, какъ уже было за другое преступленіе, онъ съ нами жестоко расправится и что насъ ничто не спасетъ отъ его гнѣва.

— Подойдете ли вы, негодяи!?—крикнулъ онъ еще разъ, топнувъ ногой съ такой силой, что нашъ письменный столикъ затанцовалъ.

Я подошелъ первый со смертью въ душѣ и еще ниже опустилъ голову.

— Ты чего стоишь?—крикнулъ онъ Колѣ, который даже не шевельнулся.

Коля подвинулся. Меня била лихорадка и я употреблялъ всѣ силы, чтобы не дать отцу замѣтить это.

— Поднять головы!..—скомандовалъ онъ отрывисто.

— Что за инквизиція...—прошептала мать.—Даже у дикарей такъ не наказываютъ дѣтей...

Мы, избѣгая его взгляда, подняли головы, а онъ, схвативъ меня за подбородокъ, спросилъ:

— Кто кралъ въ саду груши?

Все было кончено. Ему обо всемъ разсказали. У меня сейчасъ же полились слезы. Мать уже стояла между нами, страшась его гнѣва, а онъ, взглянувъ на ея встревоженное лицо, насильно

вывелъ ее въ другую комнату, заперъ дверь на ключъ и крикнулъ:

— Я тебя, Лиза, сколько разъ просилъ не вмѣшиваться въ воспитаніе дѣтей!..

Кончено... Мы были въ его власти.

— Папа!—крикнулъ я не своимъ голосомъ, упавъ на колѣни:—это я, я одинъ виноватъ во всемъ. Не бейте Колю! Папочка, простите!.. Я не зналъ, что это такъ дурно.

Коля стоялъ нахмурившись и стиснувъ зубы. При моихъ словахъ онъ какъ-бы очнулся и холодно сказалъ, чтобы папа услышалъ:

— Неправда, Павка: я больше тебя виноватъ.

— Отойди!—крикнулъ отецъ, оттолкнувъ меня ногами.—Воришка—не мой сынъ. Не можетъ воръ быть моимъ сыномъ.

Онъ громко засопѣлъ и открылъ внезапно дверь, ведшую въ кухню, гдѣ въ ожиданіи приказаній стоялъ старикъ Андрей.

— Андрей! — крикнулъ отецъ, — принеси веревокъ...

Послышались шаркающіе грузные шаги и вскорѣ у выхода показалась толстая спина старика Андрея. Его сопровождала большая собака, хромая Бѣлка.

— Я понимаю, что такое преступленіе,—говорилъ отецъ,—могутъ совершить дѣти, которыя выросли въ какой-нибудь трущобѣ, не получившія ни какого воспитанія, словомъ—не дѣти, а чудовища... Но вы?... Мои дѣти—воры? Опуститься такъ низко, чтобы позволить какому-нибудь хаму-мельнику

устроить на себя охоту... Нѣтъ, мнѣ лучше самому убить васъ.

Онъ сталъ ходить по комнатѣ, а мы дрожа слушали...

— Мальчикъ можетъ пошалить,—продолжалъ онъ,—можетъ даже—ну, положимъ,—невинно солгать. Я самъ былъ мальчикомъ. Но отважиться пойти въ чужой садъ, чтобы красть—это уже окончательная испорченность натуры. Сегодня понравились груши, завтра—чужая книжка, потомъ захочется денегъ... Убью васъ, мерзавцы!..

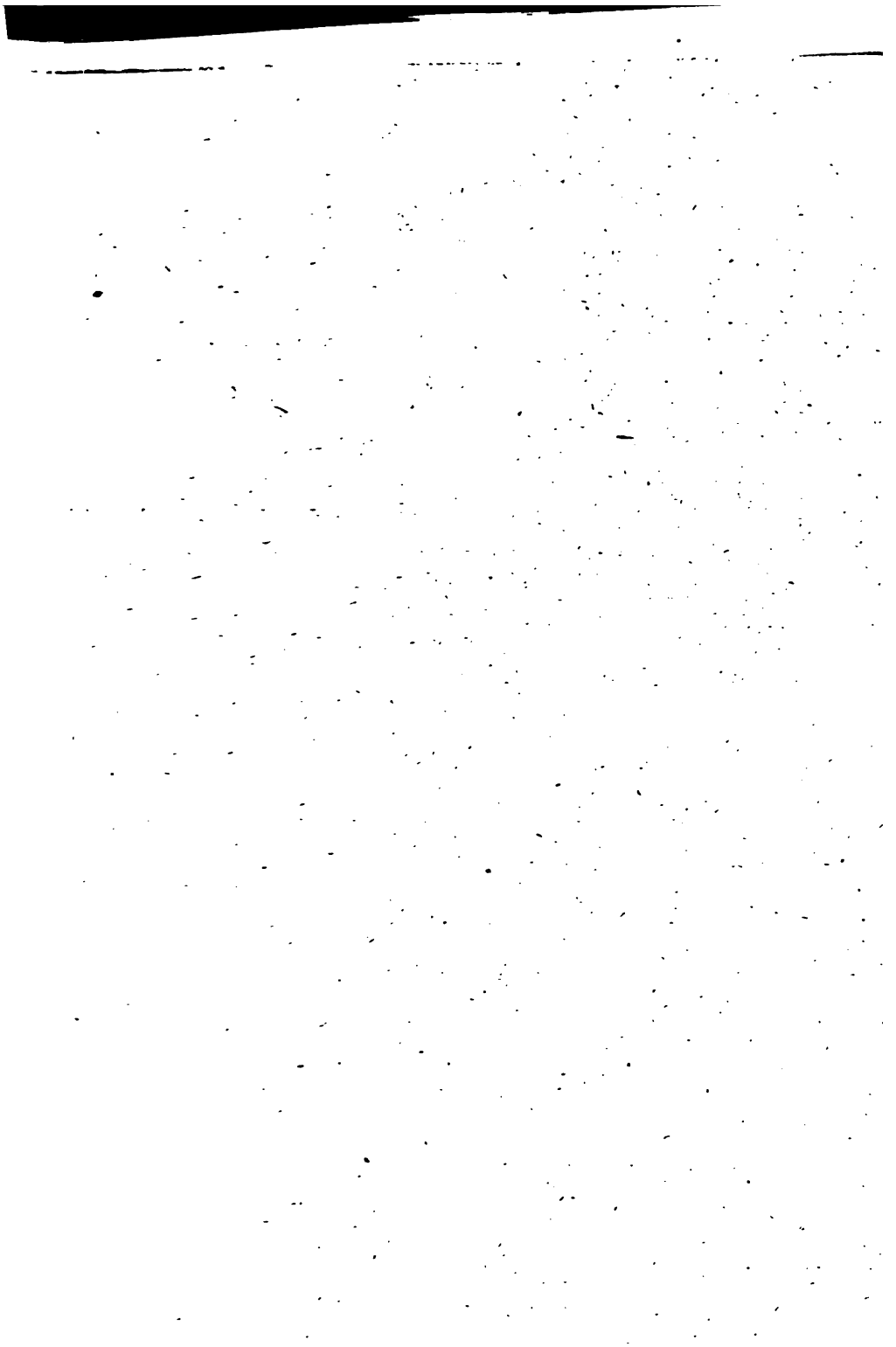
Онъ опять распалился гнѣвомъ, схватилъ Колю за шиворотъ и отбросилъ отъ себя. Потомъ съ угрожающимъ жестомъ подбѣжалъ ко мнѣ, но сдержался, остановленный моимъ безумнымъ крикомъ.

— Раздѣваться!..—крикнулъ онъ, не глядя на насъ.

Я посмотрѣлъ на Колю: онъ стоялъ точно каменное изваяніе и не трогался съ мѣста. Я сдѣлалъ ему знакъ, но онъ только нетерпѣливо повелъ плечами. Какую глубокую жалость я почувствовалъ къ нему, какое уваженіе къ его твердости!.. Я еще помедлилъ, но вторичное приказаніе отца, теперь болѣе сердитое, подѣйствовало на меня. Я отошелъ въ сторону и, краснѣя отъ стыда, сталъ сбрасывать съ себя платье. Взглядъ, брошенный отцомъ на Колю, остался безъ результата. Коля отрицательно махнулъ головой и это такъ разсердило папу, что онъ ударилъ его со всего размаху.

наказать, и вспоминалъ о своемъ дѣтствѣ. Ахъ, все-таки онъ крѣпко любилъ насъ!..

И весь этотъ вечеръ послѣ дня несчастій прошелъ въ какомъ-то умиленномъ воркованіи, и большая тѣнь отъ нашихъ общихъ и пылкихъ мечтаній красивыми узорами падала на будущее.



IV.

КТО-ТО НА СКАЛѢ...

Жестокое наказаніе, которому мы подверглись, было скоро забыто. И я, и Коля послѣ примиренія простили отцу, Степѣ и даже злому мельнику— и опять зажили прежней жизнью, полной для насъ интереса даже въ трудныя минуты. Совершенному забвенію помогло еще то обстоятельство, что отецъ прохворалъ нѣсколько дней послѣ происшедшаго съ нами и страхъ матери, не отходившей отъ него, заразительно подѣйствовалъ и на насъ. Въ эти дни мы гораздо рѣже выходили изъ дома и, подчинившись общему настроенію, разговаривали шопотомъ, ходили на цыпочкахъ и больше просиживали въ своей комнатѣ, со страхомъ спрашивая себя,—чѣмъ все это кончится. Мать осунулась, поблѣднѣла и когда сомнѣнія за исходъ болѣзни особенно осаждали и тревожили ее, она приходила къ намъ съ бабушкой, усаживалась на кровать и долго плакала. Бабушка утѣ-

шала ее словами, такими душевными, что выростала, какъ святая, и объ онѣ плакали, а мы сидѣли ни-живы, ни-мертвы, испуганные ихъ слезами и почему-то считали себя виновными въ несчастіи. И въ эти нѣсколько ночей страха о неизвѣстномъ грядущемъ, рисуя себѣ живо осунувшееся лицо отца, которое выплывало предо мной изъ темноты такимъ добрымъ и дорогимъ, я страстно каялся въ томъ, что нѣкогда желалъ ему зла. Исчезъ весь ужасъ, который онъ наводилъ на насъ въ свои злыя минуты, и осталось одно только гнетущее чувство, что хорошее, бывшее въ немъ, которымъ онъ окружалъ насъ, можетъ навсегда исчезнуть. Вотъ тогда-то и получилъ мое и Колино прощеніе злой старый мельникъ, который въ порывѣ нашихъ покаянныхъ и великодушныхъ чувствъ превратился въ добраго стараго мельника, и были моменты, когда ночью же хотѣлось побѣжать къ нему, разсказать то, что въ нашей душѣ, цѣловать его... Но въ одно счастливое утро этому кошмарному гнету наступилъ конецъ. Докторъ, пріѣзжавшій ежедневно, сдѣлалъ свой послѣдній визитъ; въ комнатѣ папы въ первый разъ раздался смѣхъ и въ одинъ мигъ не стало, тронулось и пропало очарованіе страха. Раскрылись окна, двери; въ комнаты ворвался живой воздухъ,— живые, горячіе лучи солнца; затопали, завозились, застучали на-кухнѣ, и хозяйственная машина, пріостановленная на время, опять завертѣлась постарому. Какъ пріятно было чувствовать пробужденіе жизни кругомъ себя! Ничего для себя не хотѣлось: хотѣлось только наблюдать, какъ быстро

оживали смѣлые звуки въ этихъ, мертвыхъ еще вчера отъ нашего отчаянія, комнатахъ, задушевную улыбку на губахъ бабушки, спокойную, увѣренную радость матери... Все было запущено въ домѣ и теперь она важно, какъ-бы отвоевавъ чуть не ускользнувшее изъ рукъ царство, приводила владѣнія свои въ порядокъ. Насъ пустили къ папѣ, и какъ радостно забилось мое сердце, когда я бросился ему на шею, хотя едва узналъ его: такъ сильно измѣнилось его лицо.

— Ну, ничего, дорогіе мои,—бормоталъ онъ въ отвѣтъ на наши ласки.—Напугалъ я васъ, а вотъ и успокоилъ.

Онъ засмѣялся добрымъ хорошимъ смѣхомъ, и я пересталъ себѣ вѣрить, что когда-то боялся его.

— То былъ другой папа,—подумалъ я,—а этотъ другой, и этого я люблю.

Коля сидѣлъ подлѣ него и держалъ его за руку.

— Милые мои,—произнесъ отецъ опять,—я знаю, какъ вы тревожились.—Онъ осмотрѣлъ насъ любовно.—Мама мнѣ обо всемъ разсказала. Ну, спасибо, спасибо, защитники мои. И я своихъ стариковъ такъ любилъ...

Онъ сказалъ это задумчиво, но какъ-то особенно радостно.

— Я, дѣти, своего отца и мать свою зову стариками,—откровенно заявилъ онъ намъ,—и меня вы, когда выростете, тоже старикомъ будете звать. Очень пріятно мнѣ называть ихъ стариками. Они были для меня самыми дорогими и лучшими

стариками въ мірѣ. Простые они были... и ничего этого не было у нихъ.

Тутъ онъ указалъ на все, что было въ комнатѣ дорогого и цѣннаго.

— Вы, папа, совсѣмъ выздоровѣли? — спросилъ я.

— Слава Богу, Павелъ,—онъ любилъ называть меня Павломъ, когда былъ расположенъ,—совсѣмъ выздоровѣлъ. Ну, полежу немного, отдохну,—а тамъ опять въ жизнь, въ жизнь!

Удивительно радостно произнёсъ онъ это „въ жизнь". Будто ему вырвали крылья, а теперь они подросли, и онъ только ждалъ, чтобы они заострились.

— Вотъ что, дѣти,—произнесъ онъ послѣ молчанія,—какъ только выдастся свободное воскресенье, возьму васъ на Волнорѣзъ. Все время, что лежалъ, думалъ объ этомъ. Тамъ мы отпразднуемъ мое выздоровленіе. Наловимъ рыбы, выкупаемся, и отлично проведемъ вмѣстѣ денекъ. Мало, вѣдь, я съ вами бываю, дорогіе мои. Что, Николай? Возьмемъ маму, провизію—и маршъ на весь день.

Тутъ уже мы разомъ всѣ заговорили и подняли такой шумъ, что привлекли мать. Она вошла съ нахмуренными бровями, но въ глазахъ ея играло сіяніе счастья. Она стала упрекать отца, что онъ себя вести не умѣетъ, что онъ себя губитъ, но все съ такимъ прелестнымъ выраженіемъ въ глазахъ, что папа не осмѣлился возмутиться противъ этого нѣжнаго тиранства. Насъ же она выгнала и мы, выбѣжавъ съ шумомъ, на порогѣ три раза прокричали:

— Мы поѣдемъ на Волнорѣзъ!.. Мы поѣдемъ на Волнорѣзъ!..

Во дворѣ мы не остались и съ гикомъ побѣжали на гору. Потомъ крикнули Степу и полной рукой взяли всѣ радости чистаго воздуха, беззаботной игры и охоты на горныхъ звѣрей. Пріятно потекло время.

Дни, между тѣмъ, стали уже очень жаркими, сухими и ослѣпительными. Земля вся во дворѣ и на горѣ растрескалась, запылилась; запылились и травы, посѣрѣли и стали увядать; душистый запахъ ихъ пропалъ. Воздухъ сдѣлался горячимъ и непріятнымъ. Въ немъ носилась жгучая пыль и даже въ тѣни теперь трудно было дышать. Небо же было высокое, пустынное и въ немъ сверкали и переливались нестерпимые для глазъ лучи. Въ домѣ у насъ царилъ полный порядокъ. Отецъ, оправившись, сталъ выѣзжать, и надзоръ за нами опять ослабѣлъ. Мама, страдавшая отъ жары и никогда не выносившая ея, просиживала по цѣлымъ днямъ въ своей комнатѣ, гдѣ было чуть прохладно отъ сдѣланной темноты; она только по вечерамъ открывала ставни и окна— и всѣ приказанія по хозяйству отдавались здѣсь же въ темнотѣ. Приходила кухарка и мать, не видя ее, казалось, разсовывала по угламъ свои слова, которыя уже сами, какъ будто чудомъ какимъ-то, доходили до ушей кухарки. Кухарка, въ свою очередь, не видя матери, говорила глухимъ голосомъ, какъ въ трубу, а въ кухнѣ жаловалась на то, что во тьмѣ не можетъ держаться на ногахъ и когда-нибудь этакъ свалится тамъ. Туда же

приходилъ старикъ Андрей и держалъ руки по-швамъ, выслушивая приказанія,—онъ очень почиталъ маму. Этотъ никогда не переспрашивалъ, не перечилъ и только отвѣчалъ, поднимая, неизвѣстно почему, голову: «Точно такъ, барыня моя» или: «Слушаю, барыня моя».

Съ Машей же всегда случалось несчастье во время этихъ переговоровъ. Съ какимъ-то упорствомъ, способнымъ привести въ отчаяніе, она каждый разъ, когда входила въ темную комнату матери, какъ нарочно, натыкалась на мебель, непремѣнно опрокидывала ее, и грохотъ казался вдесятеро сильнѣйшимъ оттого, что паденіе происходило въ темнотѣ. Мама же неизмѣнно бросалась къ ближайшему окну, быстро раскрывала ставни и бѣдная дѣвушка, ослѣпленная вдругъ залившимъ ее свѣтомъ, закрывъ лицо руками, выбѣгала изъ комнаты и, спрятавшись въ какомъ-нибудь углу, начинала плакать. Обыкновенно мама тотчасъ же пускалась на поиски, находила ее, утѣшала—и дѣло хозяйственное вновь шло своимъ порядкомъ. Но послѣ такой исторіи мать обыкновенно разстраивалась, окончательно пряталась въ своей черной комнатѣ,—какъ мы ее звали,—и до вечера уже не выходила оттуда, боясь показаться тамъ, гдѣ носились сухіе и горячіе солнечные лучи, и никого не безпокоила. Когда отецъ пріѣзжалъ домой, то обыкновенно раньше всего шелъ здороваться съ мамой, Но жара на-время измѣнила и этотъ порядокъ, и теперь, когда онъ пріѣзжалъ, то перво-наперво, не снимая даже шляпы, прямо шелъ въ ванную комнату, гдѣ уже Андрей, охладивши льдомъ

воду, поджидалъ его. Отецъ долго оставался тамъ. Плесканье, громкій и удовлетворенный голосъ его неслись по всему дому, такъ что купался, казалось, не одинъ человѣкъ, а нѣсколько. Въ ожиданіи его мать начинала хлопотать въ столовой, а Маша отправлялась на поиски за нами.

И только мы да еще бабушка равнодушно переносили эту колючую жару и какъ бы насмѣхались надъ нею. Бабушка, по своему обыкновенію съ чулкомъ въ рукахъ, просиживала весь день въ бесѣдкѣ и нарочно подставляла спину лучамъ, прищуривая глаза отъ наслажденія, когда ее особенно припекало, будто вмѣстѣ съ лучами въ ея тѣло входили и свѣжесть, и здоровье, и жизнь. Часто она засыпала въ этой позѣ, съ выставленной спиной лучамъ, и на желтоватомъ лицѣ ея блуждала довольная улыбка. Тогда подстерегавшій этотъ моментъ любимецъ ея, старый, сѣрый, въ пятнахъ котъ, устраивался на ея колѣняхъ, забиралъ въ свои переднія лапы клубокъ нитокъ, и всѣ трое,—бабушка, котъ на ней и клубокъ у кота,—мирно спали и солнце своими жгучими бѣлыми пятнами тихо ползло по нимъ, съ кота на клубокъ, съ клубка на бабушку...

Что касается насъ, мы продолжали пропадать на горѣ, занятые постройкой подземныхъ печей, гдѣ жарили на желѣзныхъ листахъ иногда хлѣбъ, иногда бабочекъ и лягушекъ, или прорывали тунели, строили изъ желтой глины дома, лѣпили изъ нея же головы людей, птицъ, и только чаще бѣжали къ нашему «ключу» или къ морю и совсѣмъ почернѣли отъ загара.

Но вотъ засуха прервалась... Это было часа въ четыре дня. Съ моря вдругъ быстро потянулись къ намъ толстыя, пышныя, какъ-бы разбухшія отъ воды, тучи; въ вершинахъ старыхъ акацій зазвенѣлъ вѣтеръ, а ласточки взвились такъ высоко, что стали казаться не больше обыкновенныхъ комнатныхъ мухъ. Посреди двора винтомъ закружилась пыль. Вѣтеръ поминутно рвалъ и разносилъ въ воздухѣ все, что попадалось ему: бумажки, засохшіе листья. Въ моменты затишья намъ слышны были встревоженные голоса сосѣдей. Захлопывались окна, ставни. Голуби спрятались въ голубятнѣ и съ любопытствомъ выглядывали изъ своихъ окошечекъ.

Большая длинная туча все быстрѣе шла къ намъ, и освѣщенный край ея казался прекраснымъ густымъ снѣгомъ. По ту сторону моря, на бѣлый домикъ уже падалъ дождь косымъ рядомъ струй, и я, глядя на него, радовался, что этимъ туча опорожнится и насъ минетъ гроза. Но темнѣло. Вверху поминутно трещали отрывистые сухіе звуки грома. Пахучій, мокрый вѣтеръ, вдругъ прилетѣвшій, опьянялъ меня. Грудь великолѣпно дышала. Встревоженные голоса взрослыхъ теперь, когда былъ день, вызывали во мнѣ сумасшедшую энергію. Я уже подпрыгивалъ на одной ногѣ, вертѣлся, дрался съ вѣтромъ и пѣлъ: „Дождикъ, дождикъ, перестань“...

Ко мнѣ долетали слова этой дѣтской пѣсни, теперь несшейся изо-всѣхъ дворовъ, и чувство близости со всѣмъ міромъ товарищей вливало излишекъ энергіи въ мою взволнованную душу.

Хрипловатый и насмѣшливый голосъ Степы, будто перебрасываемый кѣмъ-то черезъ невысокую ограду, отдѣлявшую нашъ домъ отъ того, гдѣ онъ жилъ, какъ магнитъ притягивалъ меня къ себѣ. Это было безумно хорошо.

— Коля, Павка!—раздался вдругъ крикъ бабушки:—ступайте въ комнаты, гроза собирается...

Еще потемнѣло. Загудѣлъ и задрожалъ воздухъ. Опять зашумѣлъ вѣтеръ и отнесъ ея слова отъ меня. Въ окнѣ показалась мать и голосомъ и знаками стала звать насъ. Сверкнула молнія, и мама, отшатнувшись, закрыла лицо руками. Грянулъ громъ. Задорно закричали надъ нашими головами ласточки, какъ бы зовя насъ къ себѣ, и мнѣ страстно захотѣлось взвиться, летѣть и пѣть. Вдругъ гдѣ-то съ силой хлопнула форточка, зазвенѣло разбитое стекло и вслѣдъ за этимъ раздался жалобный плаксивый голосъ хромой Дарьи, жены столяра Петра:

— Ахъ ты, Господи, Боже мой!.. вотъ и заработала. Стекло-те вставить теперь, вынь 20 копеекъ и отдай. Чтобъ-те розорвало,—ругнулась она, неизвѣстно къ кому обращаясь.

— Коля!—кричала мама,—Павка!

— Сейчасъ, сейчасъ!—нетерпѣливо откликнулся Коля.—„Вотъ любитъ кричать,—проворчалъ онъ,—сейчасъ же и бабушка заноетъ“,—и дерзко крикнулъ:

— Теперь, бабушка, зовите вы: Коля, Павка!

Онъ такъ чудно завизжалъ, что и я взвылъ отъ восторга. Мама пригрозила ему изъ окна пальцемъ.

— Все это папѣ будетъ извѣстно,—разслышали мы,—зададутъ тебѣ опять порку.

— Мнѣ не привыкать,—равнодушно отвѣтилъ онъ, оглядывая небо.

— Ты опять принимаешься за дерзости!—вспылила мать.

— Вотъ странно, — шепнулъ мнѣ Коля, — она мнѣ говоритъ дерзости и меня же обвиняетъ.—Я васъ не трогаю,—продолжалъ онъ переговоры,—а вы мнѣ мѣшаете. Даже на небо нельзя смотрѣть;— и опять шепнулъ: — сейчасъ бабушка крикнетъ: „Коля, Бога ты не боишься".

— Коля!—крикнула бабушка,—Бога побойся!

Я опять разсмѣялся, а Коля весело прибавилъ:

— Видишь, я говорилъ,—и бросилъ насмѣшливо:—боюсь, бабушка, ужасно боюсь, оттого и на небо смотрю.

Въ окнѣ смѣшно метался грозившій намъ палецъ. Вдругъ грянулъ оглушительный громъ и, какъ будто подлѣ насъ, упалъ. Казалось, что небо раскололось на-двое. Мы запрыгали отъ восторга. Но внезапно и нежданно подлѣ насъ очутилась мама, схватила каждаго за руки и потащила за собой, крича:

— Сегодня же все будетъ извѣстно папѣ,— никакихъ у меня силъ нѣтъ съ вами!..

— А почему не завтра?—шалилъ Коля, дѣлая видъ, что хочетъ вырваться изъ ея рукъ.

— Иди, мальчишка, иди,—выходила мать изъ себя.

— А почему не сегодня? — съ холоднымъ равнодушіемъ дразнилъ Коля.

Наконецъ, насъ втащили въ комнаты. Всѣ двери и ставни какъ бы по волшебству закрылись, и мы остались словно подъ-арестомъ, прислушиваясь, какъ разыгрывалась гроза. Коля скомандовалъ: „въ дѣтскую“—и черезъ минуту мы уже были въ своей комнатѣ и съ завистью выглядывали изъ окна во дворъ. Все больше темнѣло въ нашей комнатѣ и на языкѣ такъ и вертѣлось сказать: „Небо нахмурилось и дѣтская нахмурилась“.

Справа на горѣ трава безсильно прилегла и отъ вѣтра вся трепетала, точно онъ былъ ее, а она пыталась вырваться и не умѣла. Гудѣли стекла въ рамахъ. Андрей торопливо перебѣжалъ дворъ съ ломомъ и лопатой въ рукахъ. На крыльцѣ на мигъ появилась Маша и рѣзкимъ голосомъ прокричала что-то Андрею. Тотъ, не останавливаясь, махнулъ рукою, а Маша еще громче закричала и скрылась въ комнаты, хлопнувъ дверьми такъ, что въ коридорѣ окна зазвенѣли. Сверкнула молнія. Я бросился въ сторону. Коля освѣтился зеленымъ свѣтомъ. Запахло страннымъ чѣмъ-то, и я задрожалъ отъ непонятнаго волненія. Грянулъ громъ, но теперь уже надъ самымъ дворомъ, и точно чей-то сухой, короткій смѣхъ раздался вслѣдъ за нимъ. Сейчасъ же ударилъ дождь, сильный, жестокій, кричащій, и въ струяхъ его, какъ угри, короткіе и вертлявые, извивались молніи. Я сидѣлъ, какъ пришибленный; и руки, и ноги у меня дрожали. И каждый разъ, когда молнія, лизнувъ заднюю стѣну, освѣщала комнату страннымъ свѣтомъ своимъ, я вздрагивалъ и закрывалъ лицо руками. Коля совсѣмъ уперся лицомъ о стекло и, не отры-

ваясь, смотрѣлъ во дворъ. Съ горы бѣжала мутная грязная вода и по устроенному стоку направлялась къ воротамъ, откуда уходила на улицу. Опять торопливо пробѣжалъ Андрей съ мѣшкомъ въ видѣ башлыка на головѣ: теперь онъ былъ босой и ноги его были оголены выше колѣнъ. Что-то, видно, не ладилось у воротъ, и онъ бѣжалъ съ лопатой въ рукѣ дать выходъ водѣ, которая уже начала подниматься и угрожать нашей квартирѣ. Прошло томительное мгновеніе... Мать съ зонтикомъ въ рукѣ, поддерживаемая Машей, показалась передъ нашими окнами. Андрей скрылся. И вотъ въ это самое мгновеніе, когда казалось, что никогда дождь не прекратится, что всегда было и будетъ такъ и что больше не появится солнце на небѣ, въ это самое мгновеніе я услышалъ грохотъ отъ въѣзжавшей въ нашъ дворъ повозки. Я вскочилъ отъ изумленія, подбѣжалъ къ окну, прилипъ къ нему и во всѣ глаза сталъ глядѣть. Мама повернула назадъ, въ комнату. Появился и Андрей. Дѣйствительно, во дворъ въѣзжала повозка. Подлѣ нея шелъ извозчикъ, который жестоко билъ лошадь; она тяжело и не спѣша передвигалась, будто удары не трогали ее, и отъ нея шелъ густой паръ. Она вязла въ грязи и вмѣстѣ съ ней вязли колеса, и все это такъ, должно быть, злило извозчика, что онъ колотилъ кнутомъ и лошадь и землю, и самого себя по головѣ руками. Сзади, сторожа добро свое, шла женщина, закутанная въ шаль такъ, что не видно было ея лица. Нѣсколько подальше, еле передвигая ноги, шелъ старикъ, по-

стукивая палкой впереди себя; его подъ руку велъ мальчикъ.

— Кто это?—спросилъ я Колю, заинтересованный.

— Новые жильцы,—отвѣтилъ онъ.—Должно быть, бѣдные,—прибавилъ Коля, провожая глазами повозку и людей.

— Должно быть!—Старикъ совсѣмъ странный какой-то. А, можетъ быть, они нарочно такъ переодѣлись,—пришло мнѣ вдругъ въ голову,—и они разбойники!?

— Старикашка этотъ? Никогда такой старикъ не можетъ быть разбойникомъ.

— А можетъ быть!? Ничего нельзя, Коля, навѣрно знать. Онъ вотъ худой и старый теперь,—а наступитъ ночь, и онъ вспухнетъ и сдѣлается великаномъ. Надо папѣ сказать,—рѣшилъ я, испуганный своими мыслями.

Между тѣмъ буря незамѣтно унялась. Дождь все не переставалъ и лилъ теперь медленно, не спѣша, безъ выраженія, безъ той рѣзкой мощи, которая такъ плѣняла меня. Во дворъ нельзя было уже выходить и весь остатокъ дня пропалъ для насъ. Отъ скуки я перепачкалъ двери и стѣны всѣми имѣвшимися у меня красками, и мнѣ угрожала въ перспективѣ хорошая головомойка отъ матери. Незамѣтно подкрался вечеръ, и глядѣть изъ окна во дворъ сдѣлалось непріятно: такъ угрюмо вырисовывалась темная громада горы и такъ хмуро мерцали огни въ квартирахъ нашихъ сосѣдей. Казалось мнѣ, что я очутился ночью въ полѣ, далеко отъ города, и то, что городъ былъ освѣщенъ,

а кругомъ было темно, рождало въ душѣ непередаваемую печаль, сожалѣніе о чемъ-то. Маша внесла лампу къ намъ и позвала пить чай. Изъ столовой донесся кашель отца. Настроеніе разрушилось и перестало быть, какъ перестаетъ быть слово, написанное мѣломъ на доскѣ и стертое губкой. Послѣ чая я принялся за Донъ-Кихота...

На слѣдующій день опять шелъ дождь. Насъ не выпускали во дворъ и мученіе скуки стало еще горше, когда отецъ почему-то усадилъ насъ за книжки. Къ вечеру, однако, распогодилось и только на третій день послѣ грозы, когда насъ выпустили, мы, наконецъ, наверстали потерянное. Всѣ слѣды бури и вчерашняго дождя совершенно исчезли. Земля, хотя кое-гдѣ еще была мягка и черна на видъ, высохла; травы и деревья какъ-то примолодились позеленѣли и выглядывали какъ въ первые дни весны, а гора опять стала удивительно нарядна и вся блестѣла, залитая солнцемъ.

Я нагнулся, досталъ камешекъ и изо-всей силы бросилъ его на гору. Но сейчасъ же остановился, пораженный и изумленный тѣмъ, что бросилось мнѣ въ глаза. То, что я увидѣлъ, было такъ необычно, что я глазамъ не повѣрилъ. На самомъ верху третьей площадки сидѣлъ кто-то... На выступѣ скалы, который считался нами самымъ недосягаемымъ мѣстомъ, не только для человѣка, но и для птицы и животнаго, находилось какое-то существо, похожее на муху, на птицу, на человѣка... Я протеръ глаза, думая, что мнѣ померещилось, взглянулъ вторично, опять опустилъ глаза, вновь посмотрѣлъ... Сомнѣнія не было: на выступѣ скалы

кто-то сидѣлъ. И не только сидѣлъ, но смотрѣлъ, повидимому, на море, на бѣлый домикъ. Я живо обернулся, схватилъ Колю за руку и выразительно указалъ ему на скалу...

— Кто это?—съ волненіемъ спросилъ я.

Коля посмотрѣлъ, и на лицѣ его выразилось удивленіе. Потомъ онъ сложилъ руку въ трубочку, приложилъ ее къ глазу, внимательно и долго всматривался въ неизвѣстное существо и, наконецъ, съ убѣжденіемъ произнесъ:

— Это, Павка, человѣкъ;—не могу разобрать только, большой или маленькій. Но это человѣкъ, и, кажется, мальчикъ. Подожди...

Онъ опять сталъ всматриваться, а я съ волненіемъ ждалъ результатовъ.

— Кажется, мальчикъ,—неувѣренно произнесъ онъ, наконецъ.

— Не можетъ быть. Какъ мальчикъ могъ взобраться на скалу, когда ты не можешь? Навѣрно это не мальчикъ, а... а....

Я не договорилъ и опустилъ глаза, въ которыхъ, чувствовалъ, виденъ былъ страхъ...

— А кто же?—нетерпѣливо спросилъ Коля, озадаченно глядя на меня.

— Волшебникъ,—шопотомъ произнесъ я.

— Волшебникъ,—разсмѣялся Коля;—у тебя сейчасъ чуть что—волшебникъ. Очень ему нужна наша скала.

— Отчего же онъ на бѣлый домикъ смотритъ? Какое онъ имѣетъ право смотрѣть? Скала наша и... и...—я скажу Андрею, чтобы онъ больше его не пускалъ на скалу.

— Вотъ выдумалъ,—спокойно возразилъ Коля — Андрея не зачѣмъ мѣшать въ наши дѣла. Это мальчикъ какой-нибудь и навѣрное молодецъ. Мы все трусили взобраться, а онъ не побоялся. Стыдно мнѣ. Теперь и я пойду туда же. Сегодня же пойду,— рѣшительно прибавилъ онъ.

Его спокойный тонъ охладилъ меня, но рѣшеніе подняться на скалу—и сегодня же—повергло меня въ новое безпокойство.

— Что же намъ теперь дѣлать?—растерянно спросилъ я, не отрывая глазъ отъ существа, которое отчетливо, точно изъ камня вырѣзанное, выдѣлялось на скалѣ.

— Какъ что? Взберемся на скалу. Надо только хлѣба захватить съ собой въ дорогу. Можетъ, понадобится,—серьезно произнесъ онъ.

— Ты совсѣмъ рѣшился, Коля?—робко спросилъ я.—Посмотри, какой онъ страшный. А вдругъ... Возьмемъ, Коля, Степу съ нами.

Коля какъ-будто поблѣднѣлъ... На мигъ онъ задумался, но сейчасъ же беззаботно тряхнулъ головой.

— Днемъ, Павка, намъ нечего бояться. Я, пожалуй, палку захвачу съ собой. И Степу возьмемъ, Ты теперь ступай и достань хлѣба, а я кликну Степу.

Я совсѣмъ успокоился. Палка въ рукахъ Коли и Степа—казались мнѣ такой надежной силой, что всѣ страхи немедленно покинули меня. И осталась только пріятная мысль о необычномъ путешествіи. Я весело побѣжалъ въ кухню, бросился Машѣ, попавшейся мнѣ первой, на шею, по-

чему-то поцѣловалъ ее, оставилъ, побѣжалъ къ кухаркѣ, растормошилъ и ее, собралъ столько хлѣба, сколько нашелъ на столѣ, и такъ же весело побѣжалъ назадъ, выскочивъ теперь изъ окна кухни во дворъ. Коля же взлѣзъ на невысокую каменную стѣнку, граничившую съ домомъ, гдѣ жилъ Степа, и громко промяукалъ три раза. Въ отвѣтъ раздался собачій лай. Когда я былъ уже недалеко отъ Коли, веселое и насмѣшливое лицо Степы показалось надъ стѣнкой, и онъ опять залаялъ:

— Гау! Гау!

— Мяу, мяу!—продѣлалъ Коля, и черезъ минуту Степа уже стоялъ съ нами, спрыгнувъ со стѣны.

— Гау! что случилось?—оживленно спросилъ онъ, оскаливъ зубы.

Онъ весь былъ черный до бѣлковъ глазъ, и по рукамъ видно было, что онъ работалъ, когда мы позвали его. Мы Степѣ давно простили приключеніе съ мельникомъ и вмѣстѣ съ нимъ смѣялись, вспоминая, какъ насъ пороли. Смѣялся онъ не зло, такъ какъ и ему здорово досталось, когда стало извѣстнымъ, что онъ насъ подговорилъ на кражу въ саду.

— На гору пойти нужно,—подражая Степѣ, дѣловито произнесъ Коля.—Я Павкѣ велѣлъ хлѣба достать. Ты посмотри только, что на скалѣ нашей дѣлается!

Степа быстро посмотрѣлъ и вдругъ застылъ съ раскрытымъ ртомъ. Мы наслаждались его изумленнымъ лицомъ. Потомъ онъ почесалъ за ухомъ, перешелъ къ затылку, и въ приливѣ восхищенія

запустилъ обѣ пятерни въ волосы и съ такой силой завозился тамъ, что, казалось, онъ всю кожу сорветъ съ головы.

— Ишь, ты, молодецъ какой!—произнесъ онъ, любуясь видѣніемъ; — пробрался-таки. Я вѣдь сколько разъ пробовалъ, и только даромъ ногти свои обламывалъ. Мо-ло-децъ,—нараспѣвъ повторилъ онъ,—комары его заѣшь!..

— Такъ идешь, Степа?—спросилъ его Коля.

— Стало быть, надо идти; чего тутъ. Только достанется мнѣ за то отъ батьки на орѣхи, что я не спросясь работу бросилъ. Достанется-таки,—задумчиво прибавилъ онъ, видимо колеблясь и почесывая свои пыльные волосы.—Ну, да чортъ съ нимъ. На то и розга, чтобы Степку драть. А то бы, можетъ быть, совсѣмъ и розги на свѣтѣ не было.

— Идемъ, идемъ!—крикнули мы.

Коля уже досталъ палку. Я держалъ хлѣбъ въ рукѣ и, чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ, положилъ его за рубашку. Степа досталъ изъ-за пазухи свою жестяную коробку, гдѣ былъ табакъ, скрутилъ папиросу, закурилъ, и мы двинулись наверхъ.

V.

СТРАННЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

— Стой, лягушка!—вдругъ крикнулъ Коля, поднявъ палку.

Мы были уже подлѣ „ключа“; раздался свистъ въ воздухѣ и палка камнемъ упала на землю.

— Чортъ!—выругался Коля,—промахъ.

Степа бросился къ „ключу“ и съ ожесточеніемъ сталъ умываться. Теперь вмѣсто чернаго онъ сталъ сизымъ и въ этой сизой рамкѣ весело блестѣли и смѣялись сѣрые глаза.

— Промахъ, такъ промахъ,—раздался его голосъ,—айда наверхъ, тамъ не промахнемся ужо.

Онъ отбѣжалъ отъ ключа, зорко поискалъ глазами лягушку въ травѣ и вдругъ свистнулъ, прыгнулъ, всталъ, завертѣлся на каблукѣ и поскакалъ дальше. Мы бросились за нимъ. Предъ глазами моими мелькнули заднія лапки лягушки, ладонями вверхъ.

— Ну, ничего,—съ мелькнувшимъ состраданіемъ въ душѣ произнесъ я,—ну, пусть.

Эти слова я еще машинально шепталъ, когда мы уже были на второй площадкѣ. Здѣсь мы сдѣлали привалъ и рѣшили раньше переговорить съ таинственнымъ существомъ, сидѣвшимъ на скалѣ, прежде чѣмъ приступить къ задуманному. Теперь неизвѣстный вырисовывался отчетливо, хотя чертъ лица его нельзя было разглядѣть. Но Коля не ошибся... Это, дѣйствительно, былъ мальчикъ, лѣтъ 14, а можетъ быть и постарше.

— Какъ же быть?—спросилъ я.

— Сейчасъ увидишь,—отозвался Степа.

Онъ поднялъ камень и, хотя зналъ, что до скалы ему никогда не докинуть, все-таки бросилъ его, вѣроятно, чтобы настращать. Потомъ выставилъ ногу впередъ, задралъ голову и прокричалъ:

— Эй, ты, лѣшій, отвѣчай откуда взялся и кто ты такой!?

Привидѣніе посмотрѣло внизъ и видимо не поняло, чего отъ него хотятъ, ибо опять равнодушно подняло голову и стало смотрѣть на море.

Степа еще разъ бросилъ камень, бросилъ и Коля, за нимъ я, и всѣ мы загорланили:

— Эй, ты, чортъ! ты какъ смѣлъ на нашу скалу взлѣзть?.. Сходи живѣй!—А Коля докончилъ:

— Не сойдешь добромъ, мы стащимъ тебя и такъ отколотимъ, что годъ будешь помнить.

Мальчикъ нагнулъ голову, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на насъ и спросилъ:

— Это вы мнѣ говорите?

Голосъ его былъ такой тихій, что едва доходилъ къ намъ.

— А то кому же?—разсердился Степа,—другой

собаки, кромѣ тебя нѣтъ здѣсь; стало быть—тебѣ. Ну, слѣзай; нечего тамъ сидѣть.

— Я могу сойти, если вамъ этого хочется,—донесся къ намъ голосъ.—Что вамъ нужно отъ меня?

— Такъ я тебѣ и отвѣчу,—проворчалъ Степа и опять крикнулъ:

— Слѣзай! Сказано сходи, стало быть нечего разспрашивать. Ну, живѣе... Бросить развѣ въ него еще разъ камнемъ?—обратился онъ къ намъ.

— Мнѣ нравится вашъ крикъ,—произнесъ какъ бы съ удивленіемъ незнакомецъ на скалѣ.—Я иногда люблю слушать, какъ кричатъ. Крикните еще разъ и я, пожалуй, сойду.

Все это было произнесено какимъ-то мечтательнымъ тономъ, который прогонялъ изъ сердца гнѣвъ. Только Степа не унимался и голосъ товарища съ особенной силой звенѣлъ, когда съ устъ его срывалась ругань.

— Ну, вотъ и хорошо; и отлично,—одобрило привидѣніе крикъ Степы.—Теперь подождите, я сейчасъ буду подлѣ васъ.

Одну минуту у меня была мысль, что онъ слетитъ къ намъ. Я затаилъ дыханіе. Но вотъ онъ скрылся на мгновеніе—и сейчасъ же показался подъ скалой. Потомъ легко и плавно сбѣжалъ внизъ.

— Вотъ я и спустился,—произнесъ незнакомецъ,—правда, скоро?

Мы были ошеломлены. Даже Степа на мигъ унялся. Передъ нами стоялъ оборванный, босой мальчикъ, поразительно худой, но чистенькій, съ удивительно нѣжнымъ лицомъ, заостреннымъ книзу. У него были большіе черные глаза съ длинными

рѣсницами. Губы были безкровны, а цвѣтъ всего лица напоминалъ свѣжій воскъ. Всего же удивительнѣе въ немъ былъ его голосъ. Онъ былъ и звучный, и тихій, и пріятный, какъ будто тоскующій, проникалъ въ сердце и радовалъ, и мучилъ его. Хорошо было слушать его, но сейчасъ-же жалко чего-то становилось и не радовалъ свѣтлый день, солнце; что-то прошлое, ушедшее, просилось въ душу и какъ будто это по немъ была жалость.

— Ну, говори,—властно произнесъ Степа, наконецъ,—ты кто такой?

Мы съ Колей бросились въ траву и только Степа продолжалъ стоять въ угрожающей позѣ и волосы на головѣ у него ощетинились, какъ у ежа.

— Я сынъ царя,—произнесъ мальчикъ.

Коля живо повернулся, чтобы хорошенько разсмотрѣть незнакомца. У меня чуть сердце не разорвалось отъ волненія и я одобрительно улыбнулся ему. Степа насмѣшливо засвисталъ и свистъ этотъ, какъ длинная черная нитка, соскользнулъ съ его губъ, тихо скатился съ площадки и пропалъ подъ горой. Стало тихо. Какъ будто потемнѣло. Вспорхнула стрекоза, задрожала крыльями и пала подлѣ насъ. Двѣ бабочки, догоняя другъ друга, закружились надъ головой таинственнаго мальчика и, вдругъ, круто повернувъ полетъ, скрылись на третьей площадкѣ.

— Врешь,—наконецъ произнесъ Степа.—Развѣ у царя такіе сыновья бываютъ? Я и то лучше тебя одѣтъ. На тебѣ и башмаковъ даже нѣтъ...

— Это ничего не значитъ,—возразилъ настойчиво мальчикъ.—Хотя я знаю, что вы повѣрить

мнѣ не можете и что я ничѣмъ не могу доказать этого, я все-таки утверждаю, что я сынъ царя.

Здѣсь даже Коля не выдержалъ и засмѣялся. Только я одинъ вѣрилъ таинственному мальчику и съ участіемъ слушалъ его.

— Вы намъ басенъ не разсказывайте,—произнесъ Коля своимъ тономъ, не терпящимъ противорѣчія, однако уже вѣжливо.—Мы знаемъ, что такое царь, и какимъ долженъ быть его сынъ. Вы же похожи на самаго бѣднаго мальчика, котораго я когда-либо встрѣчалъ. Навѣрное вы—нищій.

— Нѣтъ, я не нищій,—съ живостью возразилъ незнакомецъ.

Степа сѣлъ, не переставая бросать на мальчика враждебные взгляды, а тотъ продолжалъ отвѣчать намъ, какъ преступникъ судьямъ.

— Я живу,—продолжалъ мальчикъ,— съ родными. У насъ маленькая лавочка. Отецъ старъ и слѣпъ. У меня есть мать и братъ помоложе меня. Мы живемъ въ этомъ домѣ всего нѣсколько дней. Лавочку же мать откроетъ дня черезъ два, такъ какъ дождь испортилъ весь товаръ, когда мы переѣзжали. Вы видите—я не нищій.

Я пересталъ его совершенно понимать. Разочарованіе вмигъ охладило мое участіе къ нему.

— Ну вотъ,—расхохотался Степа,—я вѣдь говорилъ, что ты врешь—и такъ оно и вышло! Вишь ты, какой царскій сынъ нашелся. Батька твой, говоришь, лавочникъ. А можетъ воръ. Я бы тебѣ ужо ухо расквасилъ, кабы ты не такой худой былъ. Зналъ бы въ другой разъ, какъ врать. На гору же больше не смѣй приходить. Хозяева этой

горы—вотъ они,—онъ съ гордостью указалъ на насъ,—и сюда никому приходить нельзя.

— А все-таки я сынъ царя,—повторилъ мальчикъ съ убѣжденіемъ.—То, что вы мнѣ сказали, меня не удивляетъ, такъ какъ здѣсь мнѣ всѣ тоже самое говорятъ. Но вѣдь все это я „здѣсь“ слышу. „Тамъ“ же—я сынъ царя,—онъ сдѣлалъ ударенiе „тамъ“,—у меня прекрасный замокъ, отдѣленный отъ другихъ золотыми прутьями. Въ моей конюшнѣ двѣнадцать серебряныхъ лошадей. Мой учитель и другъ, старый „Наставникъ“ первый совѣтникъ царя, отца моего. У насъ есть врагъ „Красный Монахъ“, съ которымъ я недавно сражался. Въ нашихъ лѣсахъ живутъ львы, слоны, носороги, тигры и я охочусь на нихъ со своими стальными собаками. И много, много чудеснаго есть въ нашемъ царствѣ. Отецъ же всегда сидитъ на тронѣ изъ золота и слоновой кости: у него борода бѣлая и густая, какъ баранья шерсть и спускается до первой ступени трона.

— Подождите,—прервалъ его Коля,—я сейчасъ уличу васъ въ обманѣ. Отвѣчайте, вы носите одежду сына царя или бѣдняка?

— Бѣдняка,—отвѣтилъ таинственный мальчикъ, улыбаясь.

— Хорошо. Отецъ вашъ лавочникъ и живетъ со вчерашняго дня въ нашемъ домѣ. Вы такъ сказали.

— Мой отецъ слѣпой. Въ лавочкѣ же находится мать и живемъ мы въ вашемъ домѣ.

— У васъ есть еще братъ?

— Да, моложе меня и всѣ его любятъ.

— Вотъ видите,—уже снисходительно произнесъ Коля,—я и докажу, что вы насъ обманываете: мы вѣдь знаемъ, что у каждаго человѣка есть одинъ отецъ; но такъ какъ вашъ отецъ-лавочникъ не можетъ быть въ то-же время и царемъ, и такъ какъ у каждаго мальчика можетъ быть только одинъ отецъ, то и выходитъ, что вы насъ обманываете.

Онъ съ торжествомъ, словно хорошо рѣшилъ задачу, посмотрѣлъ на мальчика, но тотъ нисколько не смутился и, улыбаясь, сказалъ:

— Я сяду подлѣ васъ, такъ какъ усталъ стоять. Я очень скоро устаю.

И когда сѣлъ, то продолжалъ:

— „Здѣсь“,—онъ опять сдѣлалъ ударенiе,—сдѣсь, дѣйствительно, выходитъ такъ, какъ вы говорите. Здѣсь я почему-то сынъ лавочника, у меня младшій братъ и я въ одеждѣ бѣдняка. Однако все это здѣсь, вотъ здѣсь, на землѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что я живу не „здѣсь“, а „тамъ“.

Онъ опять подчеркнулъ свои слова и я почувствовалъ, [illegible]ъ у меня зашевелились волосы на головѣ. Оча[illegible] вновь овладѣло нами.

— Я ничего не [illegible]аю,—произнесъ Коля, совершенно озадаченный.—Что значитъ - здѣсь и что значитъ—тамъ?

— Что понимать,—разсердился—Степа, дать бы ему вотъ такъ, разъ!..—Онъ уже поднялъ руку, но я во время успѣлъ удержать его.

Таинственный мальчикъ даже не пошевелился, чтобы защитить себя, и улыбался своей загадочной улыбкой.

— Я вамъ объясню,—просто сказалъ онъ.— Моя настоящая жизнь есть то, что у васъ называется сномъ. Когда-то, будучи еще очень маленькимъ, я думалъ такъ же, какъ вы. Я вѣрилъ, что живу здѣсь, на землѣ, что отецъ мой лавочникъ, что сонъ данъ для отдыха. Но съ восьмилѣтняго возраста я сталъ учиться, перечиталъ много книгъ, самъ много думалъ и постепенно пришелъ къ мысли, что жизнь здѣсь, на землѣ—обманъ, какъ считалъ нѣкогда обманомъ и сонъ, и все, что снится. Подумайте, здѣсь я почему-то бѣдный, несчастный мальчикъ, съ которымъ всякій можетъ все, что угодно, сдѣлать; здѣсь почему-то у меня отецъ слѣпой и бѣдный старикъ; здѣсь всей моей семьѣ страшно тяжело жить... Въ моей настоящей жизни,—а она начинается, когда я засыпаю,—я свободенъ, не страдаю, я не слабый мальчикъ, котораго каждый можетъ бить, оскорблять, который часто голодаетъ со своей семьей. Въ моей жизни мой отецъ—царь, и у него тронъ изъ золота и слоновой кости. Меня любятъ и лелѣютъ. Вы видите, я не обманываю васъ. Нѣтъ, вы не знаете, какая моя жизнь изумительная. Можно-ли вѣрить, что не сонъ, не гадкій сонъ жизнь здѣсь, на землѣ? Вѣдь у насъ даже земли не существуетъ. У насъ нѣтъ ночи и никогда я не былъ во тьмѣ, въ моей жизни. На нашемъ небѣ четыре великолѣпныхъ солнца. У насъ есть горы, но онѣ изъ облаковъ, не чернаго цвѣта, а бѣлаго, бархатистыя, и ногъ не давятъ, когда по нимъ гуляешь. Тамъ я никогда не устаю. Я выхожу часто изъ нашего царства съ „Наставникомъ“, и любимая наша прогулка по млечному

пути. Какъ я счастливъ тамъ! И лишь когда я засыпаю тамъ, мнѣ снятся тяжелые сны. Снится земля, отецъ-лавочникъ, бѣдпота, вы, эта гора, это море. Ахъ, какія у насъ моря—если-бы вы знали!

Онъ всплеснулъ отъ восторга руками; мы же сидѣли онѣмѣвшіе, съ чувствомъ большого счастья отъ его разсказовъ, но испуганные тѣми вопросами, которые тутъ-же постепенно начинали зарождаться въ нашихъ головахъ. О какой другой жизни онъ намъ говорилъ? Развѣ наша не настоящая, и гора, на которой мы сидимъ, не существуетъ? Развѣ сонъ и сновидѣнія не проходятъ съ наступленіемъ утра? Что-то дикое и мучительно-ужасное пробѣжало въ моей головѣ, но странно:—душу переполняло что-то теплое, таинственное и радостное, какъ будто я замерзъ и теперь оттаивалъ. Съ каждымъ словомъ этого незнакомаго мальчика очарованіе все болѣе охватывало меня, и мнѣ казалось, слушая его, что между нами давно существуетъ какая-то тайная связь; что мы гдѣ-то уже были, жили, разошлись и снова встрѣтились теперь.. Что-то похожее на любовь, на страстную привязанность зарождалось къ нему, и сознаніе о томъ, что онъ не мой, не братъ мой, не мой другъ, причиняло мнѣ страданія.

— Говорите, разсказывайте,—шопотомъ попросилъ я, схвативъ его за руку, и когда онъ, услышавъ мой шопотъ, посмотрѣлъ на меня, я почувствовалъ, какъ между нами сверкнуло и загорѣлось что-то, какъ искра, свѣтлое, и жгучее, и радостное. И опять отъ этого на душѣ стало такъ,

какъ будто и я, и онъ—долго бродили одинокіе, искали другъ друга и, сойдясь, обрадовались.

— Все это очень чудно,—задумчиво произнесъ Коля, но уже совсѣмъ другимъ голосомъ, чѣмъ раньше,—и вы мнѣ кажетесь страннымъ мальчикомъ. О, да, я такъ васъ буду называть: Странный Мальчикъ. Но о томъ, что вы намъ разсказали, я никогда не слыхалъ, не читалъ и мнѣ оно не приходило въ голову. Можетъ-ли быть,—вопросилъ онъ, не то къ нему обращаясь, не то къ себѣ,—чтобы наша жизнь была сномъ, а нашъ сонъ—настоящей жизнью? Но вѣдь гора все-таки есть и я сижу на ней. Сижу-ли? Посмотрите,—онъ взмахнулъ руками,—я бью землю и это вѣдь навѣрное. Скоро насъ позовутъ завтракать. Придетъ толстая Маша. Дома есть мать и она насъ ждетъ. Какъ странно все, что вы говорили. Какъ васъ зовутъ?

— Алеша.

— Мнѣ нравится ваше имя,—важно произнесъ Коля,—но все-таки будьте для насъ „Страннымъ Мальчикомъ“. Я, кажется, буду васъ любить. Послушайте, Странный Мальчикъ, я теперь сижу на горѣ и съ вами разговариваю? Или мнѣ это кажется?

— Вамъ кажется,—тихо отозвался Алеша.—Развѣ во снѣ вы такъ-же не видите этой горы, товарищей и все это вамъ не кажется настоящимъ? Во снѣ вы видите свѣтъ, хотя ваши глаза плотно закрыты; вы разговариваете, хотя не раскрываете рта; вы бѣгаете, а между тѣмъ ваши ноги неподвижны. Не правда-ли?

— Это правда!—вскричалъ я.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ Коля. Только Степа брезгливо фыркнулъ и закурилъ.

— Вотъ видите,—продолжалъ Странный Мальчикъ,—и только проснувшись, вы узнаете, что оно было сномъ и неправдой. Для меня-же обратно. Я знаю: то, что во снѣ со мной—есть истинная правда, и не вѣрю тому, что есть здѣсь. Здѣсь ложь, гадкій сонъ, потому-что жизнь должна быть счастьемъ, а не страданьемъ. „Тамъ“ же—правда, и она даетъ счастье. Ахъ, я счастливъ, когда наконецъ засыпаю.

Наступило молчаніе. Мы сидѣли и глядѣли на него и теперь онъ представлялся намъ совершенно инымъ и въ другомъ свѣтѣ. Какъ было дивно... Оборванный мальчикъ, котораго мы хотѣли прибить, онъ былъ теперь больше, чѣмъ равный намъ, и мы крѣпко уважали его. Своей увѣренностью онъ точно убѣдилъ насъ, что онъ сынъ царя. Разговоръ его соотвѣтствовалъ его сану, и нисколько не казалось уже непріятнымъ, что онъ босой. Глядя на него, мы находили его все болѣе милымъ, а черты лица благородными, возвышенными.

— Скучно что-то очень,—произнесъ Степа, зѣвнувъ и перевертываясь на животъ.—Нѣтъ, я уже пойду,—онъ неожиданно вскочилъ на ноги,—а то мнѣ худо отъ батьки придется. Даромъ только, прибѣгъ сюда.

Онъ постоялъ подлѣ насъ, видимо колеблясь, поглядѣлъ на солнце, съ азартомъ почесался, совсѣмъ было уже тронулся, чтобы идти, какъ опять обернулся и, обращаясь къ Странному Мальчику, произнесъ съ насмѣшкой:

— Такъ ты, стало-быть, чортъ, теперь будто спишь?

— Я сказалъ,—отвѣтилъ Странный Мальчикъ.

— Чудно что-то очень. Ну, а я то какъ, значитъ, по твоему: взаправду здѣсь или тоже сонъ твой?

— Вы, можетъ быть, и существуете, но для меня вы—сонъ.

— Такъ...—зловѣще произнесъ Степа,—ну, а какъ я тебя вотъ этакъ тресну кулакомъ по этому мѣсту?

У него загорѣлись постепенно глаза, и руки сжимались въ кулаки.

— Будешь ты кричать или нѣтъ?

— Я никогда не кричу, когда меня бьютъ. Мнѣ, правда, отъ ударовъ больно, но я знаю, что никто меня не бьетъ. Оттого и не кричу.

— А ну, попробую!—съ жестокостью произнесъ Степа, приблизившись къ Странному Мальчику.

Тотъ даже не сдѣлалъ движенія, чтобы защищаться. Коля съ любопытствомъ смотрѣлъ, ожидая, что будетъ. Я только въ волненіи протянулъ руки. Но въ это время Степа размахнулся и изо всей силы нанесъ Странному Мальчику ударъ по лицу. Я крикнулъ отъ ужаса. Алеша покачнулся, съ жалкой гримасой-улыбкой посмотрѣлъ на насъ, провелъ рукой по лицу, и опять уже сидѣлъ ровно, не издавъ ни звука.

Мы всѣ молчали.

— Какіе гадкіе сны бываютъ,—прошепталъ Странный Мальчикъ.

— Я тебя дойму,—озвѣрѣвъ, дикимъ голосомъ вдругъ крикнулъ Степа!—ты у меня закричишь!

— Ну, ты,—не дамъ больше,—сурово вмѣшался Коля и, обращаясь къ Алешѣ, съ важностью сказалъ:

— Странный Мальчикъ, вы выдержали съ честью испытаніе и теперь я вѣрю вашимъ словамъ. Хотите быть моимъ другомъ?

Алеша улыбнулся ему. Я же страдалъ и наслаждался счастьемъ. Степа все стоялъ нахмурившись и исподлобья глядѣлъ на насъ.

— Ну, и чортъ съ вами,—вырвалось у него съ досадой. Онъ плюнулъ и убѣжалъ.

Солнце стояло уже почти надъ головой и безжалостно жгло насъ. Сверху какъ-бы спускался огромный шаръ, наполненный жаромъ, а вдыхаемый воздухъ казался густымъ, нездоровымъ. Раскаленное серебро моря стояло неподвижно, а посреди него, какъ человѣкъ въ пустынѣ, еле передвигалась лодочка. Слѣва отчетливо вырисовывалась невысокая церковь слободы и надъ крестомъ ея летала стая голубей.

— Хочешь играть съ нами?—спросилъ Коля у Страннаго Мальчика.—Но раньше я поведу тебя къ нашему „ключу", гдѣ мы умоемся. Жарко очень.

— Я никогда не играю.

— Какъ не играешь,—вмѣшался я,—развѣ можно не играть?

— Я не люблю играть,—повторилъ Странный Мальчикъ,—я люблю думать. Въ игрѣ нельзя быть свободнымъ. Все мѣшаетъ и отъ всего зависишь Когда-же я думаю, я совершенно свободенъ. Къ

тому-же игра утомляетъ и вмѣсто удовольствія испытываешь слабость. Я очень слабый.

— О чемъ-же ты думаешь?—спросилъ я съ любопытствомъ.

— Обо всемъ. Я сидѣлъ на скалѣ и глядѣлъ на море. Лучшую радость вѣдь получаешь благодаря глазамъ. Я сижу неподвижно и все само, безъ моего усилія, входитъ въ меня. Не только входитъ, но какъ-бы проситъ разрѣшенія войти. Я открываю глаза и вся прекрасная даль входитъ въ меня. Какое море ни широкое, но все-же сжимается, чтобы умѣститься въ моихъ глазахъ...

— Какъ у тебя умно все выходитъ,—съ жаромъ перебилъ я его.

Онъ улыбнулся и продолжалъ:

— Пролетитъ птица, но и она моихъ глазъ не минуетъ, на мигъ войдетъ и полетитъ дальше. Самое большое и самое малое входитъ въ меня и радуетъ. Нужна-ли мнѣ игра?

— Но тебѣ не хочется бѣгать, кричать, охотиться?— спросили мы оба жадно, въ одинъ голосъ, все болѣе поражаясь тѣмъ, что слышали отъ него. То, что онъ говорилъ, было такъ странно, необычно для насъ. И то, чѣмъ мы жили до сихъ поръ, стало какъ-будто колебаться, становилось какъ-будто чужимъ отъ новыхъ мыслей.

— Нѣтъ, не хочется. Вы посмотрите: мнѣ пятнадцать лѣтъ, а мнѣ едва даютъ двѣнадцать. Я вѣдь слабый, и оттого, вѣроятно, не хочется... Дома я какъ-то слышалъ, что скоро умру. Потому и учиться пересталъ, потому и читать пересталъ.

Со страхомъ мы взглянули на него. Я никогда

не видѣлъ мертвыхъ людей, никогда не видѣлъ людей смертельно-больныхъ и никогда не думалъ о смерти. Не думая, какъ-то увѣренъ былъ, что смерть существуетъ для другихъ, насъ же не коснется. О себѣ не говорю. Мнѣ даже дико было-бы подумать, что я могу умереть. Не только потому, что смерть считалась чѣмъ-то невыразимо страшнымъ и что о ней дома говорили шопотомъ и съ ужасомъ: я ненавидѣлъ смерть и инстинктивно боялся ея.

— Ты скоро умрешь?—съ трепетомъ спросилъ я его.

— Слышалъ, какъ говорили, что не долго поживу еще.

— А... а ты не боишься смерти?—блѣднѣя, спросилъ Коля дрожащимъ. голосомъ. Оба мы стали боязливо оглядываться назадъ. Казалось все, что кто-то стоитъ за спиной у насъ.

— Я ничего и никого не боюсь,—медленно, какъ-бы желая убѣдить насъ въ томъ-же, отвѣтилъ Странный Мальчикъ.—Кого мнѣ бояться? Я вѣдь сынъ царя. Но у меня гадкіе сны, которые преслѣдуютъ меня. Я просыпаюсь сыномъ бѣднаго слѣпого, котораго всѣ и всегда мучаютъ. Мать... ахъ, если-бы вы знали, какъ мы несчастны. Но вотъ придетъ смерть и все перемѣнится. Никогда уже не проснусь я, и вѣчно буду тамъ, гдѣ живу настоящей жизнью. Я люблю смерть,—она благодѣтельница.

— Все это чрезвычайно странно и непонятно,— почти съ отчаяніемъ произнесъ Коля, подумавъ.— Не бойся, Павка,—успокоилъ онъ меня, замѣтивъ, что я сталъ дрожать и схватилъ его судорожно за

руку.—Я долженъ поговорить съ папой объ этомъ. Ты ужасно странный мальчикъ. Я такихъ не встрѣчалъ. Но ты мнѣ очень нравишься и,—откровенно прибавилъ онъ,—если бы я не боялся, то сидѣлъ бы съ тобой и разговаривалъ. Такъ интересно все, что ты говоришь, и мнѣ право чего-то стыдно. — Голосъ его оборвался. — Кажется стыдно?—задумчиво переспросилъ онъ себя.—Ты назвалъ Краснаго Монаха. Кто это такой? А Наставникъ? Я готовъ познакомиться съ твоими друзьями и врагами. Я вѣрный... въ дружбѣ.

— Я вѣрю тебѣ,—сказалъ Странный Мальчикъ.

— Кто такой Красный Монахъ и Наставникъ?—спросилъ я.

— Наставникъ,—отвѣтилъ Алеша,—самый добрый, близкій и драгоцѣнный другъ мой. Красный Монахъ могущественный врагъ нашего царства,—и между Наставникомъ и Краснымъ Монахомъ была вѣчная борьба.

— Ты говоришь была,—произнесъ я,—а теперь?

— Объ этомъ я вамъ когда-нибудь разскажу.

— Развѣ они существуютъ?—спросилъ Коля положивъ руку на плечо Страннаго Мальчика.

— Конечно. Они существуютъ, но не „здѣсь“, а „тамъ“, въ царствѣ моего отца. Какая удивительная, прелестная жизнь у насъ. Даже жалко и стыдно видѣть все, что здѣсь. Если-бы вы хоть однимъ глазомъ могли увидѣть, какъ у насъ прекрасно.

— Развѣ тамъ все не такъ, какъ здѣсь?—спросилъ я, все держа Колю за руку.

— О, нисколько не похоже; меньше чѣмъ темная комната похожа на солнце.

— Тамъ училища нѣтъ?—съ недовѣріемъ допытывался я.

Странный Мальчикъ вдругъ засмѣялся.

— Нѣтъ,—произнесъ онъ, ставъ серьезнымъ.— Трудно представить себѣ, что тамъ. Когда-нибудь я вамъ подробно разскажу, какъ живутъ въ нашемъ царствѣ.

Мы молча слушали его. Все было такъ ново и захватывало цѣпкомъ. „Вотъ тебѣ и оборванный мальчикъ", думалъ я, все болѣе чувствуя его превосходство надъ нами. А мы еще хотѣли побить его...

— Ну, разскажи намъ о „Красномъ Монахѣ,— попросилъ, наконецъ, не выдержавъ, Коля.

— Разскажи, пожалуйста, разскажи,—попросилъ и я.

— Хорошо, я разскажу вамъ,—съ готовностью отвѣтилъ Странный Мальчикъ, и мы перемѣнили мѣста, чтобы удобнѣе слушать. Но въ эту самую минуту раздался острый голосъ Маши, звавшей насъ завтракать. Приходилось отложить слушанье разсказа. Неохотно мы поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Ты видишь, насъ зовутъ и намъ нужно идти,—произнесъ Коля.—Посиди, если можешь, и подожди насъ. Послѣ завтрака мы придемъ и ты намъ разскажешь о „Красномъ Монахѣ".

— Я думаю и мнѣ уже пора домой идти. Лучше всего зайди къ намъ, когда будешь свободенъ. У меня славный братъ, и онъ будетъ радъ когда

ты придешь. Тогда я разскажу вамъ, если удобно будетъ. А то въ другой разъ когда нибудь...

— Паничи, Коля! Павлуша! — кричала Маша, надрываясь.

— Сейчасъ,—съ досадой крикнулъ въ отвѣтъ Коля и, подумавъ, сказалъ:—хорошо, я приду къ тебѣ съ Павкой, какъ только мнѣ можно будетъ.

— Вотъ это будетъ славно,—одобрилъ Алеша.

— Такъ мы друзья,—повторилъ Коля снова,—подавая на прощанье руку.

— Друзья, друзья, конечно, — улыбаясь отвѣтилъ Странный Мальчикъ.

Мы стали спускаться, все оглядываясь на Алешу, который быстро вскарабкался на третью площадку и сейчасъ же появился на скалѣ.

— Какой славный мальчикъ,—задумчиво сказалъ Коля, сбѣгая внизъ.

— Ужасно хорошій,—поддержалъ я,—и я люблю его.

— Никогда я такого не встрѣчалъ. Спрошу сегодня у папы кое о чемъ. Навѣрно папа знаетъ.

— Папа все знаетъ,—убѣжденно произнесъ я.

Говоря такъ, мы успѣли спуститься съ горы. Во дворѣ мы еще разъ оглянулись на Страннаго Мальчика. Опять, какъ прежде, не то муха, не то большая птица, не то человѣкъ сидѣлъ на скалѣ. Мы дружески улыбнулись ему, будто онъ могъ увидѣть улыбку, и пошли домой.

— Бабушка, — оживленно произнесъ еще на порогѣ Коля,—скажите: существуемъ ли мы, или намъ это только кажется, а на самомъ дѣлѣ мы спимъ?

— Что такое? — изумилась бабушка, глядя на него во всѣ глаза.

— Существуемъ ли мы, или намъ это только кажется?—повторилъ онъ.

— Ступай лучше умыться, — скомандовала мать,—я тебя такимъ грязнымъ къ столу не пущу.

Противъ обыкновенія Коля не сталъ противорѣчить и пошелъ исполнять приказаніе.

— Умываемся ли мы?—съ недоумѣніемъ произнесъ онъ, стоя передъ умывальникомъ и взглянувъ на меня,—или намъ это только кажется?

Я началъ тихонько дрожать.

— Должно быть, снится,—трепещущимъ голосомъ отвѣтилъ я.

Мы переглянулись. Въ первый разъ въ жизни мнѣ стало страшно отъ того, что я посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Глаза ли это?—пронеслось у меня съ ужасомъ.

Я внезапно почувствовалъ, что мы стали чужими, далекими...

— Братъ? Что такое братъ?

Ледяныя струи поползли по моему тѣлу. У меня завертѣлось въ головѣ.

— О чемъ я думаю, зачѣмъ я это думаю?— упрекнулъ я себя, — вѣдь это Коля, Коля! Что такое Коля? А, можетъ быть, мнѣ все это снится. Гдѣ это я теперь?

Я вздохнулъ и оглянулся. Коля уже намылилъ лицо и руки, и тамъ, гдѣ были его глаза, лежали большіе комки бѣлой пѣны.

Я сдѣлалъ умоляющій жестъ и какъ-то весь сжался.

— Это ты, Коля? — тихо спросилъ я.—Не будемъ говорить объ этомъ, — прибавилъ я сейчасъ же.

— Не будемъ,—равнодушно отвѣтилъ онъ.

Стало какъ-то очень скучно въ комнатѣ, и плескъ воды раздражалъ, какъ будто кто-то царапалъ тѣло въ одномъ мѣстѣ не переставая. Мы молча докончили умыванье и пошли въ столовую. Тамъ было темновато отъ полузакрытыхъ ставней. Коля еще разъ спросилъ:

— Мама, живемъ ли мы, или это только сонъ, гадкій сонъ?

— Что это за глупые вопросы, Коля; вотъ, возьми яйцо.

— Это яйцо?

Онъ внимательно осмотрѣлъ его, точно впервые увидѣлъ; долго вертѣлъ въ рукахъ и, наконецъ, лѣниво разбилъ.

— Какъ будто яйцо,—тихо произнесъ онъ,—а можетъ быть его совсѣмъ и нѣтъ.

Онъ задумался и молча ѣлъ. Я осмотрѣлъ свой хлѣбъ, попробовалъ его и спросилъ:

— Бабушка, это хлѣбъ? Что такое хлѣбъ?

Здѣсь я не такъ боялся и мнѣ было легко.

— Да что это съ ними сегодня?!—разсердилась мать.—Ѣшьте скорѣе. У Маши постирушка и ей нужно дать прибрать.

Мы начали ѣсть. Молча, безъ шума, безъ крика прошелъ завтракъ. Мать не могла надивиться нашей сдержанности.

— Вотъ такими,—произнесла она, обращаясь къ бабушкѣ,—я ихъ обожаю. Какъ пріятно, когда завтракъ проходитъ безъ огорченій.

Мы не дослушали конца ея разсужденій и отправились въ свою комнату. Тамъ Коля улегся на кровати, а я сѣлъ у окна и сталъ смотрѣть на дворъ. На скалѣ уже никого не было.

— Никого нѣтъ на скалѣ, — съ сожалѣніемъ произнесъ я.

— Я такъ и зналъ,—отвѣтилъ Коля; — но мы пойдемъ къ нему. Только бы мама объ этомъ не узнала.

Потомъ мы молчали долго, все думая о томъ же.

— Удивительно?!—произнесъ, наконецъ Коля.

Я живо обернулся и сейчасъ же пересѣлъ къ нему.

— Что ты, Павлуша, думаешь о немъ?

— Мнѣ жаль, что Степа его ударилъ.

— Нѣтъ, не то,—съ нетерпѣніемъ оборвалъ онъ меня,—живемъ ли мы, или это намъ кажется, а мы спимъ. Что такое жизнь, Павка?

Я не могъ сразу отвѣтить на этотъ вопросъ, молчалъ и думалъ.

— Жизнь,—сказалъ, наконецъ, я—жизнь это... жизнь. Какъ странно, Коля, что мы никогда объ этомъ не думали.

— Я бы у учителя спросилъ,—отозвался онъ,— но навѣрное и тотъ не знаетъ. Странный Мальчикъ умнѣе всѣхъ ихъ. Учитель интересуется, выучилъ ли я басню, рѣшилъ ли я задачу. Задача? За-да-ча, — повторилъ онъ раздѣльно, — развѣ это имѣетъ какой нибудь смыслъ? Но вѣдь тогда и

учителя нѣтъ, и если онъ мнѣ является во снѣ, то только, чтобы спросить или объяснить задачу. Какъ же человѣкъ, который мнѣ снится, можетъ знать, что такое жизнь?

— Мнѣ страшно, Коля,—дрожа выговорилъ я, хватаясь по обыкновенію за него.

Онъ какимъ-то страннымъ взглядомъ смѣрилъ меня и вдругъ засмѣялся:

— Но вѣдь и ты, Павлуша, сонъ мой; почему же мнѣ жалѣть что ты боишься.

— Коля, перестань, я боюсь! говорю тебѣ, мнѣ страшно. Все это неправда. Ты Коля, а я твой братъ и папа нашъ, а другое, можетъ быть, и сонъ. Но мы, мы не во снѣ, мы на самомъ дѣлѣ. Не говори больше, Коленька. Вотъ я держу тебя за руку. Ты чувствуешь, что я держу ее. Нельзя много думать. Странный Мальчикъ насъ обманулъ. Ахъ, зачѣмъ мы его слушали,—вырвалось у меня съ тоской.

— А что, — вдругъ произнесъ Коля, слѣдя за своей мыслью,—а что если и Странный Мальчикъ нашъ сонъ? Что Павлуша? Какъ ты думаешь? Вотъ такъ ловко вышло!

Онъ засмѣялся успокоеннымъ смѣхомъ, и я съ радостью въ душѣ, но со слезами на глазахъ, сталъ улыбаться.

— Значитъ,—рѣшилъ Коля,—такъ. Его нѣтъ—онъ нашъ сонъ, и разсказалъ онъ намъ, что насъ нѣтъ, а мы ему снимся. Что... Я ничего уже не понимаю...

Онъ внезапно пересталъ смѣяться и замолчалъ. Также внезапно онъ прижался ко мнѣ и тихо шепнулъ:

— Я боюсь, Павлуша!.. Я смертельно боюсь, милый мой. Кто сонъ: онъ или я, или мы всѣ—сонъ? Можетъ быть есть какое нибудь могущественное существо, которое спитъ теперь и всѣ мы—съ папой, съ горой—снимся ему...

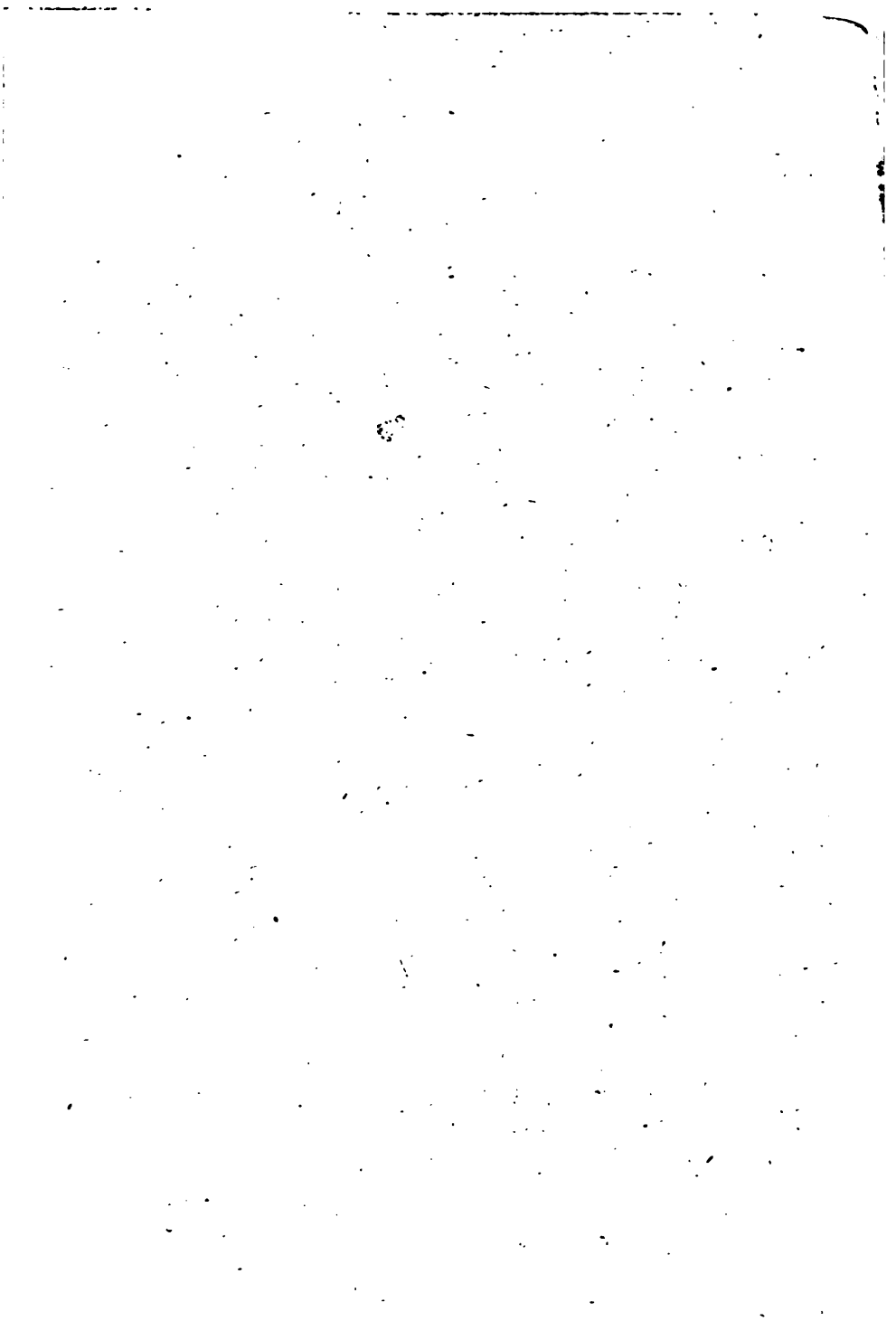
Какъ будто длинная и холодная игла прошла сквозь меня отъ головы къ ногамъ. Не ужасъ, а что-то большее, не счастье, а что-то безконечно ослѣпительнѣе, испыталъ я при звукахъ этого роднаго жалобнаго голоса.

— Пойдемъ къ мамѣ! —вскричалъ я,—пойдемъ, гдѣ свѣтло, гдѣ люди. Я не хочу, чтобы мы здѣсь оставались. Пойдемъ, пойдемъ!!.

И мы съ дикимъ воплемъ выбѣжали изъ дѣтской...

Но я ошибся. Мы долго не забывали этого, и многіе годы подъ-рядъ нѣтъ-нѣтъ и—эти сумасшедшія мысли приходили и безпокоили. Онѣ приходили наводили безумный страхъ, мучили, терзали меня и исчезали такъ же невѣдомо, какъ внезапно приходили.

Алеша круто повернулъ мой душевный міръ



VI

ПОѢЗДКА НА ВОЛНОРѢЗЪ.

Наступилъ счастливый день, такъ нетерпѣливо ожидаемый нами. Это было какъ разъ три недѣли спустя послѣ выздоровленія отца. Наканунѣ бабушка подъ секретомъ открыла намъ, что мы поѣдемъ на „Волнорѣзъ". Всѣ страхи и весь интересъ, вызванный Алешей, уступили сумасшедшему желанію новаго наслажденія и тѣ тревожные вопросы, которые, подобно вдругъ выросшимъ горамъ, стали на нашемъ пути, потеряли свое обаяніе, точно они были не болѣе какъ игрушки: позабавили и надоѣли.

Утромъ, за чаемъ, отецъ, какъ бы мимоходомъ, произнесъ, обращаясь къ матери:

— Кстати, Лиза, что это за пакеты я видѣлъ сегодня въ гостиной?

— Какіе пакеты?—равнодушно произнесла мать.

Мы навострили уши.

— Какъ какіе? Обыкновенные пакеты. Какая-то сѣтка, кажется, и еще кое-что.

— Не знаю, не видѣла,—все также равнодушно поддерживала мама,—развѣ пойти посмотрѣть?

Бабушка улыбалась въ чашку, изъ которой пила, и пальцами дѣлала намъ забавные знаки.

— Нѣтъ, я уже самъ пойду,—раздался голосъ отца и, вставъ, онъ положилъ Колѣ дружески руку на плечо.

— Пойдемъ, Николай, посмотримъ, что тамъ,— произнесъ онъ и вдругъ, какъ бы что-то вспомнивъ, вскричалъ:

— Да вѣдь сегодня, Лиза, вторникъ! Ты имъ говорила? Павелъ Павловичъ,—торжественно обратился онъ ко мнѣ, — сегодня мы ѣдемъ на „Волнорѣзъ". Извольте приготовиться. Лиза, распорядись, пожалуйста, чтобы Андрей нанялъ лодку.

Съ этими словами онъ вышелъ и, озираясь и зовя насъ руками, направился въ гостиную.

Большое удовольствіе доставляли намъ его милыя хитрости. Я шелъ, переступая на цыпочкахъ, а онъ все оборачивался, точно уѣзжалъ отъ меня ни вѣсть куда, и лицо его было ребяческое, какъ у насъ.

Гостиная наша — большая, свѣтлая комната не очень высокая, съ тремя окнами на улицу. Если отъ окна отдернуть занавѣсъ, то въ него видно море. Я еще и теперь вижу передъ собой эту уютную, старинную комнату, съ ея особеннымъ запахомъ, съ особенной мебелью, какую теперь уже не дѣлаютъ; вижу, хотя самаго дома уже не существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ въ чужія руки. Какъ безпощадный врагъ налетѣли эти руки на наше старинное гнѣздо и все разорили и

перепортили въ немъ. Уничтожили гору, дворъ, нашъ флигель, и на его мѣстѣ построили казармы...

Очень свѣтлые обои съ причудливыми рисунками дѣлали гостиную привѣтливой, хотя убранство ея было незатѣйливое. Съ правой стороны въ концѣ комнаты стояло покрытое чехломъ старое фортепьяно изъ краснаго дерева, на которомъ никто, кромѣ отца не игралъ, но и тотъ, не зная нотъ, игралъ по слуху, лишь двумя пальцами. Фортепьяно было очень старинное, имѣло свои особенности и капризы, извѣстные лишь одному отцу, такъ что только ему удавалось извлекать изъ играющей половины клавишей нужные звуки. И когда мама снимала чехолъ съ фортепьяно, и оно появлялось, точно раздѣтый человѣкъ, оголенное, красное, съ разными украшеніями, которыя такъ не шли къ нему; со всѣми своими старческими пороками испорченнаго механизма,—я испытывалъ жгучій стыдъ, жгучую жалость къ этому старому другу, бывшему однимъ изъ молчаливыхъ свидѣтелей моего рожденія, а позже убаюкивавшаго меня своими хриплыми звуками. И мнѣ хотѣлось опять надѣть на него чехолъ, чтобы никто не видѣлъ его и не смѣялся надъ этой отжившей жизнью.

Въ праздничные дни обыкновенно насъ посѣщали [illegible] тетушки, набожныя и милыя, и молодцы-[illegible], живые, бодрые старички, безпрестанно [illegible] табакъ и чихавшіе. Отецъ, очень лю-[illegible] старинное царство „гнѣздовыхъ“ лю-[illegible] ихъ называлъ, торжественно при-

казывалъ прислугѣ освободить фортепьяно отъ чехла и усаживался передъ нимъ на стулѣ, поставивъ ногу на дѣйствовавшую педаль и положивъ свои крѣпкія руки съ короткими пальцами на колѣни. Молодцы-дядюшки усаживались по обѣимъ сторонамъ отца, и начинали бесѣдовать, а онъ, глядя на желтыя ущербленныя клавиши, похожія на большіе испо[illegible]енные зубы, утвердительно и поминутно кивалъ головой. Въ это время мать вставляла свѣчи въ фортепьянные подсвѣчники и это всегда всѣмъ мѣшало. Потомъ она усаживалась въ сторонѣ съ сестрой своей, чудесной тетушкой Анной, и ласково глядѣла на крѣпкую фигуру отца. По неизвѣстно кѣмъ поданному знаку разговоры умолкали и торжественность заполняла всѣ углы, всѣ лица... Отецъ нѣсколько разъ перемѣщалъ руки съ колѣнъ на фортепьяно, съ фортепьяно на колѣни и, наконецъ, перемигнувшись съ дядюшками, начиналъ однимъ пальцемъ бить по высокимъ клавишамъ, отчего получался какой то старинный, имъ однимъ извѣстный романсъ. Когда романсъ достаточно опредѣлялся, отецъ подымалъ лѣвую руку, и изъ всѣхъ пальцевъ одинъ только мизинецъ, круглый и толстый, удостаивался чести аккомпанировать на басахъ. Играя и нажимая ногой недѣйствовавшую педаль, которая точно отъ боли визжала подъ ударами, онъ безпрестанно подергивалъ правой бровью, и все это вмѣстѣ шло удивительно кругло, непрерываясь и было пріятно. Въ эти минуты я страшно любилъ его лицо, съ опущенными на фортепьяно глазами, вѣчно искавшими

и во время находившими нужную для романса клавишу. Потомъ онъ подтягивалъ мелодичнымъ тихимъ голосомъ, а дядюшки, изъ которыхъ теперь только одинъ остался въ живыхъ,—дряблыми сѣрыми голосками вторили ему, мурлыкая этотъ чувствительный старинный романсъ, который они нѣкогда распѣвали здоровыми молодыми голосами, и лица ихъ были сантиментальныя и мрачныя. Они вздыхали, перемигивались, вспоминая что-то, имъ однимъ извѣстное, а когда отецъ переходилъ къ „гопаку", они чудесно притоптывали чистенькими сапожками и мучили свое окостенѣвшее горло, чтобы оно издавало басистые звуки.

У другой стѣны стоялъ большой столъ, ножки котораго сходились въ центрѣ, а вокругъ него широкія удобныя кресла, тоже покрытыя чехлами, и на нихъ никто, кромѣ серьезныхъ почтенныхъ людей, не сиживалъ. Напротивъ висѣло колоссальной величины зеркало, будто поддерживаемое миніатюрнымъ мраморнымъ столикомъ, на которомъ, подъ большимъ стекляннымъ колпакомъ стояли часы, хода которыхъ никто никогда не слыхалъ, и они намъ казались волшебными и мы ихъ боялись. Канделябры по стѣнамъ, масса бездѣлушекъ и антикварныхъ вещей—все это стояло, валялось, лежало въ стройномъ порядкѣ, на оригинальныхъ турецкихъ столикахъ. Полъ былъ застланъ толстымъ ковромъ, чтобы не слышно было шаговъ, и это дѣлало гостиную еще болѣе таинственной въ нашихъ глазахъ.

Когда мы вошли, отецъ раскрылъ ставни, потомъ снялъ съ фортепьяно шкатулку изъ крас-

наго дерева и сѣлъ съ ней въ кресло. Мы съ любопытствомъ осмотрѣли всѣ углы. Что то большое лежало на диванѣ. Раздался звонъ ключей въ рукахъ отца и это привлекло насъ къ нему. Мы стали сзади и, обнявъ его, во всѣ глаза глядѣли въ раскрытую шкатулку, съ которой отецъ все еще возился, а онъ, довольный, отмахивался отъ насъ, и что-то пряталъ въ рукахъ.

— Посмотримъ,—говорилъ онъ,—что здѣсь такое. Э, пусти, Павелъ; такъ нельзя! Николай, успокой, ради Бога, Павла Павловича: вѣдь онъ меня задушитъ.

Я, дѣйствительно, повисъ у него на шеѣ и онъ, смѣясь, барахтался со мной.

— Покажи же, папа,—не выдержалъ и Коля,—Павка, не мѣшай.

— Ишь ты, нетерпѣливый какой, — смѣялся отецъ,—вотъ нарочно же не покажу... Учись, Николай, терпѣнію.

Но тутъ онъ такъ слабо сталъ защищаться, что я легко разнялъ его руки и на колѣни упали два превосходнѣйшихъ самолова.

Было трогательно и чудесно. Мы съ Колей застыли отъ восторга при видѣ этихъ восхитительныхъ подарковъ, которые какъ бы сіяли своей чистотой и невинностью, а отецъ, точно не замѣчая, что дѣлалось на нашихъ лицахъ, небрежно объяснялъ назначеніе каждой части самолова, при чемъ коверъ изображалъ море, а его ключи—рыбу.

— Теперь посмотримъ, что въ пакетѣ на диванѣ,—произнесъ онъ послѣ того, какъ ключи

разъ двадцать съ торжествомъ были имъ пойманы.

Онъ привелъ самоловы въ порядокъ и отдалъ ихъ намъ. Потомъ досталъ пакетъ и, когда развернулъ его, то въ немъ оказалась сѣтка. Коля съ любопытствомъ осмотрѣлъ сѣтку и задумчиво произнесъ:

— Этой сѣткой хорошо ловить бабочекъ.

— Мы и будемъ ловить,—вмѣшался отецъ,— но не бабочекъ, а червячковъ. Ты увидишь, Коля, какъ мы это устроимъ съ лодки. Теперь ступайте играть. Я распоряжусь пока, а послѣ завтрака и поѣдемъ.

Онъ добродушно улыбнулся, довольный, что сдѣлалъ насъ счастливыми и опять повторилъ:

— Ну, ступайте же, молодцы,—только смотрите, не перепачкаться.

Мы съ оживленіемъ вылетѣли изъ гостиной, чуть не сбили съ ногъ Машу и очутились во дворѣ. Теперь огромная голубятня отца, величиной съ большую комнату, была открыта, и прелестныя птицы, которыхъ мы такъ любили, сидѣли на крышѣ, ходили по двору, перелетали. Съ какимъ бы удовольствіемъ пугнули мы милыхъ голубей, чтобы увидать, какъ отъ нихъ стал потемнѣетъ во дворѣ. Но суровый Андрей стоялъ тутъ же, разбрасывая кормъ, и мы не рѣшались на это.

Андрей признавалъ только власть отца, и съ нимъ было страшно шутить. Какъ милости приходилось выпрашивать у него позволенія осмотрѣть голубятню. Чудно какъ-то Андрей былъ пре-

данъ отцу. Казалось намъ, что онъ могъ пойти ради него на смерть; казалось, какая-то тайна связывала ихъ. Вспоминается неясно, будто отецъ его спасъ отъ несчастья, или удержалъ отъ преступленія,—и, когда онъ появился въ нашемъ домѣ, то былъ уже сильно преданъ отцу. Появился онъ съ Бѣлкой, у которой задняя нога была прострѣлена, и сталъ съ первой же минуты правой рукой въ домѣ. Онъ былъ конюхомъ, но на его рукахъ лежалъ и присмотръ за зимней клаловой, за голубятней, дворомъ; ѣздилъ онъ и по дѣламъ отца,—ему довѣрялись большія суммы. Но у него былъ порокъ, который, однако, въ нашихъ глазахъ даже украшалъ его. Онъ любилъ жестоко запивать и, когда наступалъ этотъ день, онъ становился недобрымъ и хмурымъ, какъ темная ночь, прятался въ конюшнѣ съ Бѣлкой, и странныя рѣчи доносились къ намъ оттуда. Отецъ въ эти дни никому не позволялъ его тревожить. Самъ же онъ заходилъ къ нему ежедневно, разговаривалъ долго и ласково, но властнымъ голосомъ, а тотъ, свѣсивъ голову и крутя казацкій сѣдой усъ свой, внимательно слушалъ. Чудной казалась намъ эта картина, смысла которой мы не понимали, а вѣра въ силу и могущество отца подавляла наше воображеніе.

— Такъ „онъ“ хочетъ, Павелъ Григорьевичъ,— всегда слышали мы одинъ и тотъ же отвѣтъ.— Онъ, онъ...

Все было чудно. Почему отецъ изъ барина превращался въ Павла Григорьевича, и не обижался и молчалъ? Кто былъ этотъ сильный „онъ“, ко-

торый имѣлъ такую власть надъ суровымъ Андреемъ? Когда отецъ уходилъ, Андрей долго бесѣдовалъ съ своимъ четвероногимъ другомъ—Бѣлкой, а та, поджавъ хвостъ, сидѣла противъ него. Она внимательно слушала его бормотаніе, невеселыми глазами слѣдила за каждымъ его движеніемъ и иногда выла, точно отвѣчая ему. Бѣлка была истиннымъ и вѣрнымъ другомъ Андрея, и я не помню, оставляла ли она его когда нибудь одного на одинъ мигъ. Даже когда онъ уѣзжалъ на отцовскомъ кабріолетѣ, Бѣлка, какъ угорѣлая, скакала на трехъ ногахъ, рискуя попасть подъ колеса. Она его оберегала и трезваго и пьянаго и, повидимому, питала къ Андрею такія же чувства, какъ и тотъ къ отцу. И кажется мнѣ, что самымъ трагическимъ моментомъ въ жизни Андрея былъ день, когда по ошибкѣ отравленная Бѣлка прибѣжала въ конюшню, чтобы умереть около своего друга.

Подлѣ голубятни стоялъ Андрей съ деревянной чашкой. Точно сѣятель, чуть переступая, онъ выбрасывалъ пригоршнями пшеницу, а строгіе сѣдые усы его тихо двигались.

— Вы, паничи, птицу пугаете,—произнесъ Андрей, когда отъ нашего смѣха и движеній нѣсколько голубей испуганно вспорхнули.

Мы покорно отошли въ сторону и голуби, взлетѣвшіе на крышу, пулями упали на землю и стали заботливо клетать. И порхая вокругъ Андрея и закрывая его отъ нашихъ глазъ, они походили на пчелъ, а онъ на душистый цвѣтокъ. Бѣлка сидѣла тутъ же подлѣ него и, подпявъ съ

любопытствомъ голову, слѣдила за птицами большими глазами, въ которыхъ иногда вспыхивали злые огоньки. Голуби все слетались; съ нѣжно окрашенными крыльями и грудью, они теперь, какъ живые цвѣты, окружали Андрея и довѣрчиво у ногъ его клевали пшеницу. Граціозные клювы ихъ, бѣлые и мягкіе, забирались и подъ лапы Бѣлки, которая зѣвала, и стучали по сапогамъ старика. Теперь мы присѣли на камнѣ и уже не переговаривались, не двигались.

Раздался голосъ Маши, звавшей насъ завтракать. Нетерпѣніе поѣхать было такъ велико, что мы глотали, не разжевывая, перебивали другъ друга и рѣшительно забыли, что мы за столомъ. Сначала мать улыбалась, счастливая нашей радостью, но постепенно недовольство овладѣвало ею, и она стала насъ останавливать недобрымъ голосомъ. Но отецъ смѣялся здоровымъ, свѣтлымъ смѣхомъ, и мы не унимались. Къ тому же еще и бабушка была на нашей сторонѣ, и завтракъ прошелъ великолѣпно, въ какомъ то упоеніи радостью-восторгомъ. Мы уже кончали кофе, какъ въ коридорѣ послышались твердые шаги Андрея, и сейчасъ же на порогѣ показалась его фигура. Мать посмотрѣла въ его сторону. Стало тихо.

— Что скажешь, Андрей?—спросилъ отецъ.

— Все сдѣлалъ, какъ изволили приказать,—отвѣтилъ старикъ, поводя усами.—Теперь можно ѣхать.

— Ну, и хорошо и отлично. Сходи еще на кухню и поторопи, пожалуйста, Машу. Ты и для себя прутъ захвати. Мы сейчасъ. Дѣти, одѣваться!

Андрей вышелъ; мы отодвинули отъ себя чашки съ недопитымъ кофе, вскочили и стали метаться по комнатѣ. Мама, не спѣша, набросила на шею бѣлый газъ, поправила свои густые черные волосы и, какъ была, въ бѣломъ просторномъ платьѣ, объявила себя готовой. Сейчасъ же вышелъ и отецъ въ парусиновомъ костюмѣ и въ картузѣ съ огромнымъ козырькомъ. Намъ было очень смѣшно глядѣть на него, и Коля весело разсмѣялся, когда отецъ подошелъ къ мамѣ и важно поклонился ей. Изъ кухни, съ двумя до верху полными корзинами въ рукахъ, выползла, сгибаясь подъ ихъ тяжестью, толстая Маша, въ новенькомъ ситцевомъ платьѣ. Сзади показался Андрей. Увидѣвъ что Маша еле двигается, онъ молча взялъ изъ ея рукъ одну корзину.

Я съ Колей выскочили первыми и такъ испугали Бѣлку, что та, забывъ о своей прострѣленной ногѣ, какъ гончая вылетѣла за нами и стала кружиться на одномъ мѣстѣ.

Деревянныя ворота были теперь настежь открыты, и отецъ съ матерью первые вышли на улицу. Мама сейчасъ же раскрыла бѣлый зонтикъ, а папа закурилъ сигару. Я шелъ, подпрыгивая, точно всю жизнь хромалъ, и безпечно болталъ съ Колей. Потянулъ вѣтеръ и принесъ съ собой запахъ дыма и смолы. Влѣво, гдѣ начиналось поле, пыль подобралась въ кучу и закружилась какъ волчокъ.

— Кажется, дождь собирается,—забезпокоилась мама.

Отецъ, точно былъ очень опытенъ, серьезно поглядѣлъ на небо, потомъ на горизонтъ безъ тучъ, и увѣренно произнесъ:

— Готовъ побиться объ закладъ, что еще цѣлую недѣлю не будетъ дождя.

Мать засмѣялась и погрозила ему. Пыль разорвалась и полетѣла на насъ. Вкуснымъ пахло отъ нея. Мы шли уже среди шума. Одуряющій запахъ смолы совершенно охватилъ насъ. Невдалекѣ раздавался стукъ топоровъ, — то конопатчики чинили старыя неуклюжія баржи. Море уже было близко: мы были у преддверія труда. Народу становилось все больше. Мастеровые, рабочіе, черно рабочіе поденщики—суетились повсюду, каждый занятый своимъ дѣломъ и дѣло подвигалось, несмотря на горячее пылавшее солнце, которое невыносимо жгло. Потомъ мы вдругъ попали въ полосу адскаго стука, шедшаго изъ зданія, гдѣ чинились пароходы, и намъ казалось, что ради шутки сотни мальчиковъ бьютъ молотками по желѣзнымъ листамъ. Навстрѣчу намъ плелись биндюги, нагруженные камнемъ, и подлѣ нихъ, босые, съ растегнутыми воротами рубахъ, шли погонщики, опустивъ глаза. Чуть быстрѣе бѣжали повозки съ пшеницей и ихъ съ крикомъ догоняли извозчики. Справа и слѣва поднимались горы лѣса, кирпича, угля, а торговцы подъ зонтиками лѣниво дремали поджидая покупателей.

Сверкнуло широкой, серебряной скатертью море. Съ правой стороны вытянулся длинный рядъ пароходовъ и судовъ. Работа и здѣсь кипѣла. Сновали матросы, рабочіе, поденщики, и, когда они

бѣжали по скрипучимъ сходнямъ, казалось, что доски проломятся подъ ихъ ногами и они упадутъ въ море. Влѣво, въ сторонѣ отъ баржъ, стояла наша лодка, привязанная канатами къ желѣзной тумбѣ. Подошелъ Андрей, не спѣша и аккуратно отвязалъ канатъ, свернулъ его и притянулъ лодку къ каменной лѣстницѣ, сдѣланной на берегу. Все съ канатомъ въ рукахъ, задерживая лодку, онъ ожидалъ, пока мы усядемся. Отецъ первый, свободно и легко, прыгнулъ въ нее и, ставъ на сидѣнье, граціозно покачивался. Безъ картуза, который теперь лежалъ на днѣ лодки, съ широкой русой бородой и мясистымъ лицомъ, онъ производилъ впечатлѣніе здоровяка и силача. Мать не сводила съ него глазъ и онъ чувствовалъ, что она любовалась имъ. Когда онъ далъ ей руку, чтобы поддержать ее, то оба, прижавшись на мигъ другъ къ другу, казались олицетвореніемъ любви и счастья... Коля небрежно скакнулъ въ лодку и отъ толчка она неожиданно наклонилась набокъ. Мама отъ испуга поблѣднѣла и съ крикомъ ухватилась за отца, которому ея страхъ доставлялъ большое наслажденіе.

— Утонемъ, и вѣрно, утонемъ,—бормоталъ онъ, но такъ, чтобы она слышала.

Наконецъ, всѣ мы усѣлись. Андрей прикрѣпилъ сѣтку къ боковой части, взялъ весла, а папа сѣлъ на руль. Берегъ сталъ медленно уходить отъ насъ, вмѣстѣ съ пароходами, судами и суетой. Я сидѣлъ противъ Андрея и смотрѣлъ, какъ онъ увѣренно и красиво работалъ веслами. Можетъ быть онъ былъ морякомъ? Онъ какъ будто

не дышалъ, но грудь его стояла высоко и казалась твердой, какъ желѣзо.

Когда онъ отталкивалъ воду, лицо его на мигъ становилось краснымъ, широко раскрывались глаза—усиліе совершило свой кругъ, и опять онъ сидѣлъ ровно, съ потухшими глазами. Мы уже выѣзжали изъ бухты, какъ вдругъ раздался звукъ, заставившій всѣхъ насъ вскочить отъ страха. Покачнулась лодка. Андрей обернулся и сталъ вытирать потъ съ лица. Коля что-то проговорилъ, указывая отцу на предметъ въ морѣ. Я ничего не видѣлъ. Послышался глухой лай и снова раздался голосъ Коли, теперь испуганный и тревожный. Лай вдалекѣ дружески вторилъ ему. Я уже увидѣлъ и понялъ. Мы въ суматохѣ забыли про Бѣлку, и она вплавь догоняла насъ.

— Этакая скотина,—пробормоталъ Андрей, любуясь Бѣлкой.

— Папа,—кричалъ Коля,—да вѣдь это Бѣлка плыветъ за нами! Мы ее на берегу оставили. Папа, что будетъ съ ней?! Слышите, она зоветъ на помощь. Папа, Андрей! поверните лодку и мы спасемъ ее!

Онъ умоляюще посмотрѣлъ на отца, потомъ на Андрея. Вмѣшалась мать. Коля дрожалъ отъ волненія и не спускалъ глазъ съ Бѣлки. Андрей кашлянулъ и ласково произнесъ.

— Вы, панычъ, будьте совершенно спокойны. Ничего этой твари не сдѣлается. Ей Богу, панычъ будьте спокойны. А это она отъ радости кричитъ. Въ водѣ ей лучше, какъ на землѣ. Вы не сомнѣвайтесь.

Онъ нарочно налегъ на весла и все время смѣялся, утверждая, что эта бѣдовая тварь на трехъ погахъ и отъ парохода не отстала бы. Но Коля не поддавался словамъ и папа сжалился надъ нимъ. Онъ приказалъ Андрею бросить весла. Что-то доброе, благодарное, вспыхнуло въ глазахъ старика, но сейчасъ же спряталось, потухло, какъ искра отъ вѣтра. Отецъ повернулъ руль, и лодка, закружившись, стала такъ, что перерѣзала Бѣлкѣ дорогу. Опять раздался лай, но уже вблизи. Коля нагнулся. Андрей, опустивъ руки надъ водой, ждалъ собаку и когда она подплыла, втащилъ ее въ лодку, гдѣ она, встряхнувшись, забрызгала всѣхъ насъ. Отецъ снова повернулъ руль, Андрей взялся за весла, и теперь, не сворачивая, мы поплыли на Волнорѣзъ.

— Существуетъ ли море, или это мнѣ только кажется?—пронеслось у меня въ головѣ.

Но эта мысль была теперь, какъ чужая, и не пугала меня. Алеша былъ далеко, и страхъ не имѣлъ надо мной власти. Я шепнулъ Колѣ то, о чемъ подумалъ, но въ глазахъ его было равнодушіе.

— Значитъ существуетъ, — увѣренно подумалъ я.

Внезапно выросъ передъ нами Волнорѣзъ. Онъ былъ несравненно больше, чѣмъ издали и, какъ каменная коса, рѣзалъ море пополамъ. Весь берегъ его былъ усѣянъ людьми. Одни гуляли, другіе встрѣчали пріѣзжающихъ, но большинство сидѣли, повернувшись спинами къ городу и удили. Мы были уже близко отъ берега. Андрей еще разъ

ударилъ веслами, отецъ повернулъ руль и черезъ минуту носъ нашей лодки, легонько коснувшись камней Волнорѣза, вдругъ повернулъ, и мы очутились какъ разъ у лѣстницы. Отецъ выскочилъ первымъ. Мы, не спрашивая позволенія, очарованные новымъ міромъ, открывавшимся намъ, вышли и побѣжали осмотрѣть островъ.

Первый взглядъ, который я бросилъ, былъ въ сторону бѣлаго домика. Но къ моему огорченію бѣлый домикъ лежалъ на другой сторонѣ, и я не нашелъ его. Я вздохнулъ безъ особенной печали и побѣжалъ за Колей, который двигался вдоль острова. Засунувъ руки въ карманы, онъ посматривалъ на бѣдно-одѣтыхъ рыбаковъ съ коричневыми лицами. Они держали на-вѣсу длинные пруты и не сводили глазъ съ поплавковъ. Босые мальчишки, въ оборванныхъ платьяхъ, веселые и шумные, бѣгали взадъ и впередъ и на-ходу съ любопытствомъ оглядывали насъ. Они носили пойманную рыбу, которая съ трепетомъ билась отъ горячаго убивавшаго ее воздуха.

Опять я вспомнилъ Алешу и что-то внезапно заколебалось у меня въ головѣ. Правда ли, существуетъ ли все, что я вижу? Вотъ море... Море?— переспросилъ я съ удивленіемъ. Я со страхомъ оглянулся. Коля стоялъ недалеко у какого-то домика.

— Чей это домикъ?— громко сказалъ я, подходя къ нему.—Странно здѣсь какъ-то...—покосился я.

— Это намъ кажется только: домика нѣтъ,— засмѣялся Коля, и смѣхъ его мнѣ показался фальшивымъ.

И у Коли эти мысли?... Кто-то подлѣ насъ заигралъ на гармоникѣ, и сразу на душѣ стало хорошо. Подошелъ отецъ съ матерью. Андрей возился съ наловленными червячками. Мама поспѣшила устроиться подъ зонтикомъ, а отецъ торжественно закурилъ трубку, усѣлся рядомъ съ ней и сталъ готовиться удить. Мы съ волненіемъ ждали очереди. Андрей развернулъ наши новенькіе самоловы, приготовилъ ихъ для уженія и сталъ учить насъ. Онъ показалъ, какъ усѣсться, какъ держать веревочку на пальцѣ, чтобы слышать, какъ рыба клюнетъ, потомъ—какъ нужно „подсѣчь". Я тащилъ Андрея къ себѣ, убѣждая его, что уже все понялъ, только бы онъ далъ мнѣ самоловъ въ руки; Коля тянулъ его въ свою сторону, и удочки еще не были заброшены. Старикъ, однако, не сдавался на наши просьбы, и сѣлъ подлѣ насъ, чтобы теперь наглядно показать уженіе. Сѣли и мы, нехотя и разочарованные. Удочки брошены въ воду. Что дѣлается во тьмѣ, въ морѣ? Какъ рыба разглядитъ наживку? Андрей, полусогнувъ коричневый указательный палецъ, объясняетъ свои дѣйствія. Мы слѣдимъ за нимъ, и въ глазахъ отъ напряженія начинаетъ двоиться. Вотъ палецъ его дрогнулъ..

— Клюетъ, — объяснилъ старикъ, подсѣкая;— много тутъ рыбы въ морѣ...—и вдругъ сталъ обѣими руками быстро вытаскивать удочку. Что-то невидимое намъ металось внизу, такъ какъ пузыри поднимались надъ водой. Но Андрей неумолимо тянулъ и неожиданно на поверхности появилось что-то сѣренькое, трепещущее, вертлявое. Я вскрикнулъ отъ восторга.

— Она вырвется!—заволновался я.—Тащите ее скорѣе, Андрей!

И вотъ рыба снята съ крючка и, съ разорваннымъ, окровавленнымъ ртомъ, у насъ въ рукахъ. Кровь! Какъ странно, что я объ этомъ не зналъ...

— Андрей, бросьте рыбу въ море, прошу васъ,—выговорилъ я, начиная дрожать,—вѣдь ей больно. Коленька, отпустимъ ее домой.

Загадочно улыбается Андрей, и сѣренькая рыбка отправляется въ море. Она пролетаетъ, сверкнувъ чешуей на солнцѣ, и исчезаетъ навсегда въ зеленой глубинѣ... Вскорѣ Андрей ушелъ. Я дѣлаю видъ, что дѣйствую, какъ Андрей училъ насъ, забрасываю удочку, но не думаю о ней, а Коля начинаетъ серьезно удить. Какое у него теперь злое, упрямое лицо... Отца я вижу хорошо. Трубка его едва дымится. Черты лица твердыя, каменныя. У него раздуваются ноздри и взглядъ выражаетъ полное неослабное вниманіе. Онъ удитъ удочкой и красиво раскрашенный поплавокъ невинно качается на водѣ. Внезапно отецъ вздрагиваетъ. Поплавокъ уходитъ въ воду и сейчасъ же сѣрое, живое, вертлявое, описавъ въ воздухѣ дугу, летитъ къ отцу въ руки. Тогда онъ улыбается, киваетъ мнѣ головой, и снова надъ трубкой его вьется дымъ. У Коли также удача. Онъ уже поймалъ трехъ рыбокъ и каждый разъ веселымъ крикомъ извѣщаетъ объ этомъ отца.

Вдругъ что-то дернуло мой палецъ. Что случилось? Палецъ мой гнется, дрожитъ... Гдѣ же моя жалость?

— Рыбка,—подумалъ я,—Господи!..

Опять что-то дернуло, какъ будто позвало меня. Я лихорадочно сталъ тащить. Подъ водой невидимое все рвется, и я начинаю злиться. Я все тащу быстрѣе, увѣреннѣе и наконецъ показывается прекрасная рыбка, моя рыбка, которую я поймалъ. Гдѣ же моя жалость? Жажда насилія охватываетъ меня какъ и всѣхъ на берегу, и я пронзительно кричу: „поймалъ"!

Отецъ обернулся и снисходительно кивнулъ мнѣ головой. Въ глазахъ Коли я прочелъ зависть охотника, и одобреніе и зависть такъ взволновали меня, что я дерзко, какъ бы въ насмѣшку, сорвалъ рыбу съ удочки, бросилъ ее въ корзину отца, и дрожащими руками сталъ насаживать червячка на крючокъ. Я отдался охотѣ. Мнѣ повезло, сумасшедше повезло. Коля сидѣлъ уже грустный, у него плохо клевало, и опять я дерзко смѣюсь, какъ заправскій охотникъ. Дергъ-дергъ!—и я подсѣкаю. Дергъ!—чудное ощущеніе не то въ пальцѣ, не то въ душѣ—и я тащу одну рыбку за другой. Добрыя чувства совершенно покидаютъ меня, и я дивно наслаждаюсь. Мои легкія становятся огромными, и въ нихъ входитъ весь воздухъ, что на морѣ. Я не чувствую рукъ, моя согнутая спина доставляетъ мнѣ радость, оттого что она согнута, и рыбу я люблю такъ, какъ можно любить свою ловкую, сильную, но покорную жертву. Я какъ бы сталъ человѣкомъ взрослымъ, равнымъ отцу и всѣмъ людямъ, которые сидѣли на берегу.

Уженіе рыбы!.. Кто можетъ передать эти отчетливыя, но безымянныя ощущенія, когда душа становится полной, круглой; когда она точно созрѣ-

ваетъ вмигъ, сливаясь съ круглымъ моремъ, круглымъ небомъ, когда она становится дьявольски хитрой, сильной и могущественной? Уженіе рыбы! Почему у меня дрожатъ руки, и пальцы, точно пьяные, не покоряются волѣ? Почему я съ наслажденіемъ разрываю ротъ живому существу и съ облегченіемъ гляжу, когда оно истекаетъ кровью?

Кругомъ меня тихо. Всѣ серьезно погружены въ охоту. Слышно лишь шуршаніе десятковъ рукъ, плескъ воды.... Я забылъ обо всемъ въ мірѣ и продолжаю удить. Солнце упрямо жжетъ одно мѣсто на спинѣ... Теперь и Колѣ везетъ, и черезъ два часа у насъ уже столько рыбы, что она начинаетъ надоѣдать глазамъ. Но отцу все мало; онъ остается неподвижнымъ и по-прежнему надъ трубкой его вьется дымъ. Лицо его теперь еще болѣе сосредоточенно и, мнѣ кажется—онъ перебилъ-бы всю рыбу, что въ морѣ. Мама изнемогаетъ отъ жары. Я слышу ея настойчивыя просьбы, но отецъ не въ силахъ отказаться отъ наслажденія и продолжаетъ сидѣть. Проходитъ еще полчаса. Уженіе рѣшительно надоѣло. Отецъ смотритъ на солнце и произноситъ съ сожалѣніемъ: „пора“.

Появилась Маша, вся красная отъ жары, съ печальными отъ скуки глазами, и стала въ ожиданіи приказаній.

— Мы поѣдемъ купаться,—рѣшилъ вдругъ отецъ, обращаясь къ матери.—А ты, Лиза, распорядись, чтобы уха была во-время готова. Не забудь и о самоварѣ. Подожди, я сейчасъ дамъ тебѣ человѣка.

Онъ пошелъ вдоль островка и на-мигъ смѣшался съ кучкой людей. Мама подозвала Машу, а Андрей, захвативъ все, что лежало подлѣ насъ, медленными шагами пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали наши корзины. Вскорѣ все было приведено въ порядокъ, и мы отплыли отъ „Волнорѣза". Папа сѣлъ на весла, чтобы дать Андрею время размотать веревку отъ якоря, и лодка не спѣша направилась въ открытое море.

Славно чувствовать себя наединѣ, вдали отъ людей, суеты и домовъ, только съ небомъ и водой. Навстрѣчу идутъ бѣленькія змѣйки волнъ, чуть качаетъ лодку, и кажется, что море любитъ насъ и баюкаетъ на своихъ рукахъ. Надъ нами летаютъ морскія птицы съ короткими тѣлами и длинными крыльями, и зорко подстерегаютъ добычу. Онѣ безобразно кричатъ. Онѣ поднимаются, опускаются и вдругъ начинаютъ кружиться на одномъ мѣстѣ, какъ орлы. Между ними шныряютъ ласточки и рѣжутъ воздухъ своимъ неровнымъ полетомъ. Густыя тучи, похожія на горы песка, покоятся на горизонтѣ и кажется, что тамъ конецъ свѣта. Лодка все замѣтнѣе отдаляется отъ „Волнорѣза", и мы едва уже различаемъ людей. Отецъ каждый разъ оглядывается, вопросительно смотритъ на островокъ и становится пріятно, когда онъ вдругъ отдаетъ Андрею приказаніе бросить якорь.

— Здѣсь!—говоритъ онъ.

— Слушаю, баринъ. Посторонитесь, паничъ.

Андрей бросаетъ якорь. Лодка замедляетъ ходъ и вдругъ останавливается.

— Теперь, дѣти, раздѣваться,—произнесъ отецъ. Чудесно выкупаемся!.. Какая чистая вода здѣсь.

Онъ бросилъ картузъ въ лодку. Я разстегнулъ куртку и меня вдругъ охватилъ страхъ. Думаю, что то же самое испытывалъ Коля. Оба мы едва умѣли плавать и чувствовали себя въ водѣ спокойно лишь на нашемъ берегу, гдѣ было такъ мелко, что и кошка не утонула бы. Была еще одна причина моего страха: въ открытомъ морѣ, навѣрно, живутъ большія рыбы, которыя кусаютъ мальчиковъ. Я не зналъ, какъ быть. Стыдно было признаться отцу, стыдно было и передъ Колей. Я сдѣлалъ гримасу, снялъ рубашку и несмѣло спросилъ:

— Здѣсь, папа, водятся рыбы?

— Какія рыбы?—съ недоумѣніемъ спросилъ отецъ и пересталъ раздѣваться.

— Рыбы, папа... ну, большія?

— Можетъ быть, Павка, и водятся.

— И... ихъ ловятъ, папа?

Отецъ внимательно посмотрѣлъ на меня. Я машинально сталъ надѣвать рубашку, будто мы собирались домой.

— А... это не опасно, папа? Мальчики говорили что въ морѣ живутъ огромные раки и... кусаются...

— Раки!—расхохотался отецъ,—ахъ, трусишка. Такъ бы и сказалъ, что трусишь, а то о рыбахъ началъ спрашивать. Значитъ, ты раковъ боишься? Вотъ этакихъ здоровенныхъ раковъ, съ этакими огромными клешнями, и они этакъ ловко за ноги хватаютъ.

Я оцѣпенѣлъ отъ страха.

— Ракъ—это скверная штука,—продолжалъ

отецъ. Особенно въ водѣ. Ничего не видно. Нога голая,—хватитъ за икры и... Только, Павка, одного жалко,—добродушно прибавилъ онъ,—здѣсь не водится раковъ, ручаюсь тебѣ. Да, да, нѣтъ ихъ,—и это жалко. Чудно-бы они насъ за икры хватали.

Я нѣсколько успокоился.

— Да чего бояться,—пришло мнѣ въ голову,—отецъ вѣдь съ нами.

Между тѣмъ Андрей сѣлъ на весла, чтобы держать лодку неподвижной, а Бѣлка свободно растянулась подлѣ него... Старику было очень жарко. Чтобы прохладиться, онъ каждый разъ набиралъ въ картузъ воду, и такъ съ водой, ловко прокинувъ, одѣвалъ его на голову. Въ первый разъ, когда онъ это сдѣлалъ, я посмотрѣлъ на него и пожалѣлъ. Онъ сидѣлъ сгорбившись и по его лицу ползла вода, стекая подъ рубаху. Человѣкъ, въ роли отцовской собаки, подобный Бѣлкѣ, которую самъ также обливалъ водой!.....

Отецъ уже раздѣлся, и сталъ на борту, готовясь прыгнуть въ воду. Освѣщенный яркимъ солнцемъ, онъ какъ бы испускалъ изъ себя лучи. Вотъ онъ выпрямился, сталъ еще выше, какъ-то вытянулся и, кажется, сейчасъ онъ полетитъ вверхъ. Онъ поднимаетъ руки, которыя теперь похожи на собранныя крылья, внезапно описываетъ тѣломъ дугу въ воздухѣ, и тотчасъ же, вырывъ головой яму въ водѣ, исчезаетъ изъ нашихъ глазъ.

Я посмотрѣлъ съ тревогой на Колю, потомъ на Андрея, на Бѣлку... Что-же это будетъ?.. Коля, нагнувшись, хмуро глядитъ въ воду, точно спрашивая у нея, побѣдитъ ли отецъ. Секунды кажутся

безконечными. Я уже два раза перемѣнилъ дыханіе, а отца все нѣтъ. Многое пробѣгаетъ у меня въ головѣ. Съ тоской, готовый крикнуть отъ ужаса, я подбѣгаю къ Андрею, трогаю его руками, но тщетно: онъ продолжаетъ неподвижно сидѣть, опустивъ голову на грудь и какъ-будто чего то ждетъ.

О, рѣдкій мигъ любви! О, страхъ и испуганное сердце мальчика!

Вдругъ, какъ подъ стекломъ, является что-то желтое, обрисовываются формы, дорогое, свѣтлое тѣло, и отецъ, вынырнувъ, показывается надъ водой.

— Ну, дѣти, прыгайте въ воду,—раздался его веселый довольный голосъ.—Удивительная вода здѣсь. Коля, торопись. Ты, Павка, чего прячешься? Стыдно! Посмотри на Колю—какой молодецъ.

Дѣйствительно, Коля стоитъ уже на борту и готовится прыгнуть.

— Я сейчасъ, папа,—произнесъ я.

Коля прыгнулъ въ воду. Отецъ нырнулъ и, схвативъ его, оглушеннаго, вынесъ наверхъ и осторожно и умѣло сталъ поддерживать такъ, чтобы голова его была надъ водой. Какой отецъ сильный!.. Лодка отдалилась, а онъ свободно, не выпуская Коли изъ рукъ, приближается къ ней. Съ блестящимъ отъ влаги тѣломъ, самоувѣренный и радостный, онъ кажется мнѣ морскимъ богомъ, предъ которымъ должны дрожать волны и вѣтеръ. Отецъ все идетъ прямо и его не страшитъ это коварное море, которое можетъ разбушеваться и потопить насъ. Онъ все идетъ, прижавъ къ себѣ Колю, который обвился вокругъ него, и я чувствую себя

совершенно во власти его силъ... Я прыгнулъ въ воду.

— Молодецъ,—раздался его голосъ, и что-то сильное, настойчивое, упорное подхватываетъ меня.

Счастливый въ его объятіяхъ, я прижимаюсь къ нему, радуясь, что онъ мой, мой собственный и его никто отнять не можетъ. Онъ погружается съ нами, и мы, очутившись неожиданно въ темнотѣ, проглатываемъ отъ волненія соленую воду. Потомъ выплываемъ и поспѣшно вытираемъ глаза, цѣлью убѣдиться, что мы еще живы, что есть солнце, наша лодка... Отецъ продолжаетъ шутить съ нами, ложится на спину, притворяется мертвымъ, притворяется разбойникомъ, пугаетъ подводными хищниками и его игры кажутся намъ занятнѣе всѣхъ, которыя намъ извѣстны. Купанье длится долго, но кажется мигомъ, и хочется навсегда остаться въ этихъ чудесныхъ объятіяхъ отца, въ объятіяхъ бархатной ласковой воды, которая душитъ грудь и томитъ ее, и радуетъ своей покорной мягкостью. Наконецъ, папа рѣшительно произноситъ: „довольно". Андрей опять одѣваетъ картузъ съ водой — теперь это смѣшитъ насъ — и помогаетъ намъ подняться въ лодку. Мы устраиваемся, гдѣ посуше, а отецъ все спрашиваетъ:

— Довольны ли вы, дѣти?

Онъ принимается медленно одѣваться и говоритъ:

— Я помню свое дѣтство. Не такъ, дѣти, было въ мое время. „Волнорѣза" этого не было еще и мы купались, гдѣ вода мутна и грязна. Но и тогда были довольны, даже, пожалуй, больше, чѣмъ те-

перь; что-то въ томъ было другое. Теперь насъ ожидаетъ закуска, уха, самоваръ, а тогда кусокъ чернаго хлѣба, увѣряю васъ, дѣти, казался вкуснѣе...

Онъ замолчалъ и задумчиво продолжалъ одѣваться. Мы сидѣли уже одѣтые, и оттого, что онъ намъ говорилъ, чувствовали себя какъ-то ближе къ нему. Чѣмъ рѣшительнѣе онъ сбрасывалъ съ себя годы мужества, возмужалости, юношества, чѣмъ больше онъ становился мальчикомъ, тѣмъ болѣе мы понимали и любили его. Какое чудесное у него было дѣтство, такое привольное, полное приключеній.

— Измельчала жизнь,—съ грустью продолжалъ онъ (и мы вѣримъ ему, что дѣйствительно измельчала), нѣтъ ни мужества, ни подъема, ни смѣлости теперь у дѣтей. Все идетъ уже иначе, по вылощенной, чистенькой дорожкѣ. Характеръ, порывъ у дѣтей уничтожается такъ же, какъ выкуривается дурной запахъ.

Хотѣлось мнѣ спросить у него, почему онъ самъ насъ такъ воспитываетъ, но не хватило смѣлости.

— Онъ бы спросилъ,—промелькнуло у меня,—а я боюсь.

У Коли разговоръ отца вызвалъ что то другое— и онъ произнесъ:

— Я, папа, вотъ что хотѣлъ спросить у васъ: существуемъ ли мы, или намъ это кажется? Мы, папа, съ такимъ страннымъ мальчикомъ познакомились, что вы бы удивились.

И пока отецъ одѣвался, Коля сталъ разсказывать все, о чемъ намъ говорилъ Алеша.

Папа задумался. Мы ждали.

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтилъ онъ, наконецъ, и черты его выражали печаль теперь.—Не знаю отвѣта. Эти вопросы трудные и никто изъ людей не могъ ихъ рѣшить. Объ этомъ лучше не думать. Вотъ видите,—съ жаромъ продолжалъ онъ,—въ наше время было лучше. Такихъ вопросовъ не было у насъ и быть не могло. Здоровы мы были, какъ львы, и какъ львы жили. А какое дѣло льву до того, живетъ ли онъ или ему только кажется, что онъ живетъ?

Мы слушали, ставъ вдругъ грустными, пришибленными. И отецъ не знаетъ, существуемъ ли мы,—не знаетъ, отецъ ли онъ намъ?

— Мальчикъ, дѣйствительно, интересный,—произнесъ отецъ. Такъ ты, Коля, говоришь, что онъ живетъ въ нашемъ домѣ? Бѣдный онъ? Я подумаю о немъ.

Андрей поднялъ якорь и мы поплыли къ Волнорѣзу. Я сидѣлъ и думалъ о томъ, какъ хорошо будетъ, когда я увижу Алешу и разскажу ему, что отецъ заинтересовался имъ. Казалось мнѣ, что когда я увижу какъ Алеша живетъ—наступитъ какая то разгадка, безъ которой душа моя никогда не успокоится. Хотѣлъ ли я его любить или выростало и крѣпло чувство, какое я испыталъ къ нему на горѣ, когда впервые услыхалъ его голосъ? Тихій восторгъ овладѣвалъ мной. Рисовалось мнѣ, что я съ нимъ одинъ въ цѣломъ мірѣ и сознаніе нашего одиночества претворялось у меня въ

странную радость, въ блаженное содроганіе души. Предъ моими глазами выросталъ мертвый лѣсъ и свѣтло-зеленая трава росла повсюду... И все молчитъ кругомъ, и все тихо. Гдѣ начало лѣса? Невыносимое сіяніе внутренно окружаетъ меня, и кажется что еще мигъ—и я не выдержу блаженства и упаду. Гдѣ Алеша? Онъ сидитъ на травѣ, окруженный опавшими листьями, и теперь не Алеша, а эти бѣдные опавшіе листья, какъ то чудно разрѣшаютъ мою душу.

— Я долженъ одинъ пойти къ Алешѣ,—рѣшилъ я,—непремѣнно одинъ...

Мы уже подъѣзжали къ Волнорѣзу. Мать стояла возлѣ лѣстнички и поджидала насъ. Папа махнулъ ей рукой. Уха уже была готова и всѣ мы, жадные, голодные, набросились на закуску. Даже разговаривать не хотѣлось. Отецъ ѣлъ, запивая каждый глотокъ виномъ, и обѣдъ на островѣ прошелъ въ полномъ и торжественномъ молчаніи.

Движеніе на Волнорѣзѣ уже ослабѣвало. Подъѣзжали только рыбаки и, проходя мимо насъ, съ любопытствомъ оглядывали нашу группу. Съ нѣкоторыми папа былъ знакомъ, останавливалъ ихъ, угощалъ виномъ, табакомъ и скоро насъ окружила кучка людей съ коричневыми лицами, которые пили, ѣли, слушали. Жара спадала. Потянуло предвечернимъ вѣтромъ.

— Славно здѣсь,—произнесъ отецъ, мирнымъ взоромъ оглядывая море, и какъ бы призывая его въ свидѣтели, положительно чувствуя себя юношей.

Мама слабо улыбнулась, но подала голосъ за

отъѣздъ домой. Мы слабое запротестовали и умоляюще посмотрѣли на отца.

— Погуляемъ еще, Лиза,—говорилъ онъ,—дѣтямъ не хочется уѣзжать...

Еще полчаса были спасены, но солнце неумолимо спускалось за невидимой горой и славному дню приходилъ конецъ.

— Однако, все-таки пора,—особенно произнесъ отецъ, глядя на горизонтъ,—и сразу этимъ холоднымъ, дѣловитымъ голосомъ онъ отдалился отъ насъ и сталъ тѣмъ, чѣмъ былъ ежедневно: взрослымъ, серьезнымъ человѣкомъ, котораго нужно бояться, слушаться.

— Пора!—произнесла мать, и всѣ мы засуетились.

Отецъ первый сѣлъ въ лодку и все кончилось. Какъ сжалось сердце. Прощай Сегодня! Прощай радостный День! Куда ты уходишь, Сегодня? Андрей налегъ на весла и поплылъ въ гавань. Теперь мы видѣли городъ съ его деревьями, домами, башнями, садами, линіей горы, и это было какъ на картинѣ. Встрѣчный вѣтеръ билъ въ лицо и приносилъ душную струю городского воздуха. Вокругъ насъ чуть роптало море своими волнами, которымъ было привольно разливаться на широкомъ водяномъ полѣ, покрытомъ пѣной, какъ инеемъ. Возвращались съ нами и морскія птицы и кричали голосами, похожими на человѣческіе. Слегка качало. Лодка со своими раскинутыми веслами, похожая на большую рыбу, распустившую плавники, какъ бы шутя взбиралась на волны и осторожно спускалась, точно знала, что мама боится и щадила ее. Замель-

кали кое-гдѣ огоньки на берегу. Отецъ сидѣлъ подлѣ матери, держа ее подъ руку, и оба они казались намъ вылитыми изъ одного куска.

— Споемъ, Лиза, — вдругъ раздался его голосъ.—Начни „Среди долины ровныя", а я поддержу.

Мама улыбнулась, помедлила и совсѣмъ не въ ту минуту, когда мы ждали, раздался ея высокій голосъ, гладкій, безъ малѣйшей дрожи. Она пѣла и голосъ ласкалъ сердце, уже тронутое сумерками. Отецъ не выдержалъ и поддержалъ ее своимъ хрипловатымъ, не совсѣмъ пріятнымъ басомъ, который сразу отточился, уладился, всосавъ въ себя частицу высокихъ звуковъ. И было стройно и гармонично ихъ пѣніе. Отецъ сдѣлалъ Колѣ знакъ, и сейчасъ же его нѣжный голосъ защебеталъ, обвился вокругъ большихъ голосовъ и пропалъ въ нихъ. Лодка плыла. Андрей, заслушавшись, закрылъ глаза и молча работалъ веслами. И когда онъ на мигъ раскрывалъ ихъ, въ нихъ лежала такая печаль, что хотѣлось заплакать надъ нимъ. Катился потъ съ его лица. Бѣлка лежала у его ногъ и не сводила съ него взгляда. Все больше темнѣло. Я слушалъ пѣніе, вперивъ глаза въ городъ и, какъ звѣзды, казались мнѣ огни его. Такъ ли на небѣ, и звѣзды, что мы видимъ, не есть ли огни въ его домахъ?

Выростали мачты пароходовъ, а далеко слѣва показался маякъ, уже освѣщенный. Совсѣмъ выплыла гигантская гавань, откуда уходили пароходы по всему міру. Пѣснь кончалась, и голоса

утихали, какъ бы обезпокоенные наступившей темнотой. На лицахъ отца и матери была грусть, можетъ быть, сомнѣніе; развѣ я могъ разобрать?

Лодка плыла все медленнѣе. Она плыла...

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ.

Лѣто уходило. Оно уходило утромъ, уходило каждую минуту, цѣлое, нераздѣльное, съ своимъ жаркимъ солнцемъ, короткими ночами, знойнымъ, пустыннымъ небомъ,—уносило свои ароматы и цвѣта, а маленькая едва рожденная осень уже хмурила отвоеванное небо густыми дождевыми тучами. Лѣто уходило, и со всѣхъ сторонъ и отовсюду, казалось, слышалось долго и печально „прощай, прощай"! То прощалось солнце и заглядывало во всѣ уголки большого двора, горы,—и похолодѣвшіе лучи его жадно цѣловались съ землей, съ поникшей травой;—то прощались озабоченныя птицы, стаями сидѣвшія на телеграфныхъ проволокахъ, на крышахъ домовъ, въ садахъ и хлопотливо кричали о предстоящемъ долгомъ пути;—то прощались бабочки и кузнечики, ежедневно умиравшіе, и лягушки, прячась подъ большими камнями;—то прощались дикая трава, широкій лопухъ и розы-колючки. По утрамъ уже было холоднѣе и въ теплыхъ курткахъ, невеселые, недовольные, мы прощались съ милыми радостями и сердито перебранивались съ Машей, чтобы на комъ нибудь сорвать досаду.

Бабушка, въ теплой душегрѣйкѣ, тихая и задумчивая, покашливая бродила по комнатамъ, звенѣла ключами,—и мнѣ казалось, что ей хотѣлось кричать: осень идетъ, осень идетъ!.. И отецъ захлопотался, насупился: уходило лѣто.

— Пора за работу,—осень на-носу,—говорила и повторяла на всѣ лады мать.

И лицо у нея было озабоченное, какъ будто жестокое. Съ утра она уже не разставалась съ шалью и всѣмъ твердила, что зима будетъ холодная.

— За работу, за работу,—неслось по всѣмъ комнатамъ.

Въ кухнѣ стучали, хлопотали; бабушка ежедневно ѣздила на рынокъ, извозчики привозили дрова на зиму и рабочіе кололи ихъ на полѣнья. Мы сидѣли въ дѣтской, рѣшали задачи, зубрили басни и хотѣлось плакать отъ горя...

Но въ полдень солнце все еще прорывало тучи и, какъ бы напрягши послѣднія силы, посылало столько лучей, что бѣлый иней легкимъ паромъ дымился на горѣ. И казалось, осень уступала...

Что-то новое, никогда неизвѣданное, переживалъ я въ это время. Странная грусть, неясный страхъ волновали мою душу; ночью мнѣ снились дурные сны,—а днемъ, на горѣ, уединившись, я плакалъ подолгу. Вечера холодные и неуютные, съ уродливыми тѣнями, были невыносимы и давили, какъ кошмаръ. Какіе то долгіе разговоры доносились изъ столовой, гдѣ сидѣли отецъ, мать, бабушка и голоса ихъ казались чужими; безшумно,

какъ призракъ, ступала Маша и звуки отъ ея босыхъ ногъ по полу казались тайной и пугали... Можетъ быть я задумывался о смерти, можетъ быть о вѣчности. Сѣмена сомнѣнія, брошенныя въ меня Алешей, еще не созрѣвъ, уже угрожали. Чего то недоставало мнѣ и оттого, что я не зналъ чего именно,—я мучился. Я подстерегалъ свои мысли и старался разгадать, какъ онѣ возникаютъ что вызываетъ ихъ, и то, что я думалъ о томъ, какъ думаю, совершенно сбивало и путало меня Будто было нѣчто безъ котораго душа моя, пока я не нашелъ его, не могла образоваться. Мнѣ нужно было одно, но, не зная, гдѣ найти его, я искалъ и дѣлалъ другое. Наединѣ съ собой я жестоко страдалъ отъ страховъ и утѣшеніе находилъ лишь въ нѣжности и безпокойствѣ. Я хотѣлъ—и неотразимо ясно возникалъ образъ умершей матери... По ночамъ, обливаясь холоднымъ потомъ отъ ужаса, босой, я шелъ въ спальню и затая дыханіе часами прислушивался, дышетъ ли она и когда казалось, что она умерла—только оцѣпенѣніе мое не давало вырваться воплю... И у себя на кровати, протянувъ руку къ спавшему рядомъ Колѣ, я думалъ о жизни и смерти, о любви и правдѣ, вспоминалъ Алешу и плакалъ. Чего же я хотѣлъ, по чемъ томился? Алеша! Какъ часто я думалъ о немъ! Первый учитель моей мысли которую онъ вооружилъ сомнѣніемъ,—какъ любилъ я его! То изумительно яркое чувство, которое я переживалъ на обратномъ пути съ Волнорѣза когда какимъ то чудеснымъ прикосновеніемъ къ будущему я видѣлъ насъ вдвоемъ однихъ во

всемъ мірѣ и наше одиночество влюбленныхъ другъ въ друга превратилось въ блаженное содроганіе души,—то непередаваемое чувство являлось не разъ съ тѣхъ поръ. Были ли мои слезы предчувствіемъ любви? Мнѣ стыдно было думать объ этомъ, спрашивать себя, и я страдая говорилъ: какія тяжелыя тучи, какой скучный, невыносимый дождь; осень идетъ, идетъ осень,—какъ будто въ этомъ лежало зло, а не въ другомъ. Однако въ глубинѣ, какъ побѣдитель, покорившій меня, стоялъ, привлекалъ и звалъ этотъ нѣжный образъ съ продолговатымъ, гладкимъ-гладкимъ лицомъ, съ задумчивыми и длинными вѣками, — могущественнаго царя сынъ, котораго я нѣкогда зналъ и любилъ... Когда Коля засыпалъ и тяжелыя угарныя мысли отъ разговоровъ съ нимъ уползали какъ злыя чудовища, чтобы вернуться во снѣ, я тихо поднимался съ кровати. Прислушиваясь къ его дыханію—живъ ли онъ? и щелкая зубами отъ страха, я, какъ тѣнь, прокрадывался въ коридоръ и долго вглядывался въ черное небо, мечтая увидѣть на немъ Страннаго Мальчика, его замокъ, серебряныхъ лошадей... И глядя, и вздрагивая отъ шороховъ на землѣ, я молился и звалъ его къ себѣ горячими словами восторга и страстной тоски. Я молился и умолялъ его взять меня въ свой замокъ, наверхъ, гдѣ правда;—не оставлять меня, любить меня. Черная, подобно облаку, висѣла ночь на стеклахъ, и въ нихъ, на серебряной, бѣлой, какъ молнія, лошади, съ длинной гривой, въ милліонныхъ образахъ летѣлъ Алеша и улыбался мнѣ.

— Вотъ оно—бѣлыя, молніей написанныя

слова въ воздухѣ, читалъ я,—правда тамъ, наверху.

Онѣ летѣли быстро, безумно, играли, строились въ странные ряды вверхъ и внизъ, всѣ лицами ко мнѣ и будто покорные моей волѣ... Весь дворъ казался уже свѣтлымъ отъ бѣлыхъ лошадей, а наверху на скалѣ, какъ стоялъ Странный Мальчикъ, скрестивъ руки на груди, и дѣлалъ смотръ. И въ эти часы чудеснаго бодрствованія въ душѣ жило что-то недоступное, нечеловѣческое, рождались такія неизвѣданныя чувства жалости и любви къ земнымъ, что радостною казалась мечта пожертвовать жизнью для нихъ, лишь бы и они узнали правду.

— Я долженъ повидаться съ Алешей,—говорилъ я себѣ, ложась и стараясь уснуть съ его образомъ,—иначе умру...

И во снѣ, какъ и на яву, я видѣлъ бѣлыхъ, какъ молнія, лошадей, длинныя серебряныя гривы и Алешу на скалѣ...

Коля въ это время началъ отдаляться отъ меня. Онъ познакомился съ пріѣхавшимъ изъ деревни гимназистомъ—Сережей Андросовымъ—и тѣсно подружился съ нимъ. Алеша потерялъ для него обаяніе, и онъ рѣдко вспоминалъ о немъ. Даже то, что меня волновало, отъ чего я страдалъ, не интересовало его теперь, и я остался одинъ. Въ дѣтской появилось что то новое. Коля и Сережа не отходили другъ отъ друга и какъ заговорщики шептались, тихо смѣялись... Сережа, черный отъ загара, съ короткой шеей и толстыми руками, коренастый, какъ взрослый,

разсказывалъ о своей жизни въ деревнѣ,—и я замиралъ отъ любопытства, когда до меня долетали отдѣльныя слова. Измученный холодностью Коли я начиналъ мечтать о другомъ братѣ, который нѣжно любилъ бы меня... И я бы служилъ ему... Я бы падалъ ницъ, и о чемъ то просилъ бы его... Но не этого, холоднаго... Страдальчески билось сердце мое. А Сережа, неуклюжій, какъ черепаха, продолжалъ разсказывать своимъ густымъ голосомъ о рѣчкѣ, о пріятеляхъ, и по глазамъ Коли я видѣлъ, что ему не до меня. Часто Сережа, для выразительности разсказа, собиралъ руку въ кулакъ, желтоватый и веснусчатый, и билъ имъ Колю по груди, по спинѣ, а Коля, мигая глазами и не смѣя поморщиться отъ боли, кивалъ головой, будто безъ этой помощи онъ никогда не понялъ бы Андросова. Въ первый разъ, когда я увидѣлъ эту расправу съ братомъ, я не выдержалъ обиды за него, того, что онъ такъ жалко мигалъ глазами, и, повернувшись къ Сережѣ, сердито сказалъ.

— Объяснять нужно языкомъ, а не кулаками...

— Что такое?—съ удивленіемъ отозвался Андросовъ, медленно повернувшись ко мнѣ.

— Павлуша,—съ укоромъ проговорилъ Коля, покраснѣвъ.

— Зачѣмъ же онъ бьетъ тебя?—упрямо повторилъ я, глядя на полъ.

— Я и тебя побить могу,—холодно сказалъ вдругъ Сережа, сверкнувъ своими коричневыми глазами...—хочешь?

Онъ лѣниво всталъ, развалистой походкой по-

дошелъ ко мнѣ и положилъ свою тяжелую, словно изъ желѣза сдѣланную руку на мое плечо. Я не поднималъ глазъ и чувствовалъ, что вотъ-вотъ кровь брызнетъ изъ моего лица.

— Побить?—переспросилъ онъ.

Я попробовалъ движеніемъ плеча освободиться, но рука его словно приросла. Тогда, скрывъ обиду и проглотивъ слезы, я тонкимъ голосомъ крикнулъ:

— А я кусаться умѣю!..

Не знаю, какъ я вдругъ очутился на полу, на спинѣ; надъ собой я увидѣлъ широко раскрытые коричневые глаза, и они были холодны, какъ лезвіе ножа.

— И ударить тебя жалко,—пробормоталъ онъ сквозь зубы.

Странно, но въ этотъ мигъ у меня уже не было гнѣва. Спокойно билось мое сердце. На душѣ было легко, точно я усталъ отъ здороваго труда. Предо мной явилась сказочная сила,—и то, что этотъ богатырь былъ другомъ Коли и можетъ стать моимъ, если захочетъ, смирило мою гордость.

— Сергѣй, оставь его,—услышалъ я голосъ Коли.

Я неловко поднялся и выбѣжалъ изъ комнаты. И долго сидѣлъ на горѣ одинъ...

Вечеромъ Коля сказалъ мнѣ:

— Ты, Павлуша, Сергѣя не затрогивай.

Я испугался его холоднаго тона и молчалъ.

— Не затрогивай,—повторилъ онъ, складывая книжки.—И вообще не мѣшай намъ. Мы взрослые, а ты мальчикъ.

Отцовскій голосъ послышался мнѣ въ его

тонѣ. „Вотъ ты какой сталъ“, подумалъ я съ негодованіемъ. И сказалъ уныло:

— Сережа тебѣ дороже, чѣмъ я. Хорошо, пусть дороже, я тебѣ не мѣшаю. Люби его...

Я замолчалъ и молча сталъ раздѣваться. Потомъ легъ, и постель показалась мнѣ холодной, чужой. Я закрылся одѣяломъ съ головой и старался не дышать. Почему онъ мучаетъ меня? Почему ненавидитъ? Что я ему сдѣлалъ дурного? Какими далекими были лѣтніе дни, когда онъ только меня любилъ! Были ли такіе дни? Гора бабочки, горячее солнце,—правда ли? Я закрылъ глаза отъ боли. Не лучше ли сдаться Колѣ?—мелькало у меня. Сейчасъ встану и скажу: „Коленька, не обижай меня“. Сердце забилось у меня отъ волненія. „Скажу, нужно сейчасъ сказать“,—лихорадочно думалъ я и взялся за верхній край одѣяла. Опять та же боль кольнула меня, и я спряталъ руку.

— Какъ же я скажу,—съ удивленіемъ остановилъ я себя, сейчасъ же разочаровавшись въ порывѣ.—Вѣдь это стыдно. Сдаться, просить... Ни за что.

Коля уже спалъ, а я все волновался, терзался мыслью,—сдаться ли, просить пощады, или никогда не помириться съ нимъ... Безумные планы одолѣвали меня, и я у себя молилъ пощады, молилъ свою мысль успокоиться, дать мнѣ заснуть. То я видѣлъ себя странникомъ, съ посохомъ, въ какомъ-то лѣсу. Я былъ старикомъ, съ длинной сѣдой бородой, и говорилъ: „это ты, Коля, погубилъ меня“. То на высотахъ Кордильеровъ встрѣчаются

двѣ храбрыхъ искателя приключеній. Это я и Коля... На океанѣ сшиблись два корабля. Всѣ путешественники погибли. Погибли капитаны, команда. Грозныя волны бушуютъ. Океанъ реветъ, кричитъ, рыдаетъ. Только двое на спасательныхъ поясахъ еще держатся на водѣ. Волны придвинули ихъ другъ къ другу. Кто это? Сердце въ восторгѣ: это я и Коля... За игорнымъ столомъ въ пустыняхъ Мексики сидитъ человѣкъ, лѣтъ 35. Предъ нимъ груды золота. Оборванный испанецъ крадется къ нему съ кинжаломъ въ рукѣ. Но вотъ чья-то желѣзная рука ложится ему на плечо. Сердце безумно счастливо. Сердце ликуетъ. Я спасъ Колю и онъ любитъ меня...

Прошло нѣсколько дней. Чѣмъ больше Коля отдалялся отъ меня, тѣмъ крѣпче я его любилъ,— тѣмъ страстнѣе привязывался къ нему. Я не могъ оставаться съ нимъ съ глазу-на-глазъ. Я боялся, что онъ разгадаетъ меня по глазамъ и опять грубо оборветъ. Теперь я нарочно избѣгалъ его, не ходилъ на гору, когда онъ гулялъ съ Сережей, и замѣтивъ однажды рядомъ съ нимъ фигуру дѣвочки въ красномъ платьѣ—я отъ стыда спрятался въ дѣтской, и до вечера не выходилъ оттуда, несмотря на угрозы матери.

Вскорѣ какъ-то Степа встрѣтилъ меня у воротъ и, точно мы съ нимъ только что разстались, не здороваясь, сообщилъ.

— А тотъ мальчикъ-то того...

— Какой мальчикъ?—съ удивленіемъ спросилъ я, не понимая, почему меня охватываетъ ужасъ.

Онъ шмыгнулъ носомъ, хмуро уставился глазами на сосѣдній домъ и отвѣтилъ:

— Кажется, помретъ...

У меня зазвенѣло въ ушахъ. Я молчалъ отъ волненія, почти увѣренный, что умираетъ Странный Мальчикъ.

— Ты зайди провѣдать его,—все такъ же хмуро и какъ бы сердясь на меня, сказалъ Степа.— Просилъ онъ. Колькѣ скажи.

Онъ скрутилъ папироску, свистнулъ, будто собаку звалъ, щелкнулъ языкомъ и развалистымъ шагомъ ушелъ отъ меня. У меня все звенѣло въ ушахъ, и какъ будто кто-то каждый разъ съ новымъ ужасомъ произносилъ: Странный Мальчикъ умираетъ.—Это было и мучительно и радостно.

— Можетъ быть, онъ возьметъ меня съ собой туда, гдѣ правда...—какъ то вскользь пронеслось у меня.

Волновало меня еще и другое. Теперь мнѣ можно, нужно—поговорить съ Колей и я предчувствовалъ, что изъ этого выйдетъ что то важное, долго жданное. Не раздумывая больше, я побѣжалъ въ дѣтскую, но тамъ его не было. Не слушая бабушки, которая что-то крикнула мнѣ вслѣдъ, я понесся ужасно оживленный на гору. День былъ свѣтлый, теплый, и легко, и пріятно было бѣжать по сухой землѣ. Испугавъ нарочно голубей, я двинулся на первую площадку. Изъ раскрытой конюшни послышалось вслѣдъ недовольное ворчаніе Андрея.

— Ворчи, старикъ,—беззаботно подумалъ я,— ворчи...

То, что я зналъ и несъ съ собой важную тайну, которая можетъ вернуть любовь Коли, дѣлало меня беззаботнымъ ко всему остальному, радостнымъ, бодрымъ. Даже о Странномъ Мальчикѣ не хотѣлось думать; чувствовалось что то хорошее въ его болѣзни, желанное... Все подгоняемый своей радостью, я искалъ увѣренно и скоро нашелъ Колю на второй площадкѣ, въ углубленіи которое мы называли „котломъ“. Какъ бѣденъ былъ видъ горы теперь. Молчаливая и мертвая, съ оголенной желтоватой травой, гдѣ еще недавно жило, пряталось, играло большое царство бабочекъ, кузнечиковъ, муравьевъ,—добрые и милые товарищи лѣтнихъ дней,—съ заплѣсневѣлыми камнями, подъ которыми уже спали толстыя лягушки,—она, гора, покорно ждала зимы, которая надолго покроетъ ее бѣлымъ снѣгомъ. Я пробѣгалъ здѣсь и ломалъ поникшую сухую траву, и у меня тревожно билось сердце и печально спрашивало: „Зачѣмъ жить?“ Но раздались голоса. Я растерялъ мысли и чутко насторожилъ уши. Я внимательно поглядѣлъ въ сторону „котла“, откуда шли звуки.

— Они тамъ,—подумалъ я, овладѣвъ прежней радостью,—какъ хорошо что Странный Мальчикъ заболѣлъ.

— Кто тамъ?—вдругъ раздался сердитый знакомый голосъ, когда я подошелъ къ котлу.

Прямо мной выросла лохматая голова Андросова. Весь же онъ еще былъ въ „котлѣ“.

— Это... я,—несмѣло выговорилъ я.—Коля здѣсь?

Произошло замѣшательство: почудилось, раздался легкій крикъ. Сейчасъ же рядомъ съ голо-

вой Сергѣя показалась голова Коли. Онъ былъ блѣденъ и въ глазахъ у него бѣгало недовольство.

— Чего тебѣ?—не скрывая досады, выговорилъ онъ,—нигдѣ въ покоѣ не оставляешь. Лѣзетъ,— прибавилъ онъ еще сердитѣе и оглянулся внизъ, будто тамъ былъ еще кто-то, кого онъ хотѣлъ скрыть отъ меня.

— Я, Коля, не нарочно пришелъ,—засуетился я...—ей Богу не нарочно. Честное слово, Коля...

— Чего же тебѣ,—прорычалъ Андросовъ и потеръ свои толстыя веснусчатыя руки.

— Только что, Коля, я встрѣтилъ Степу...

— Это вашъ братъ, Николай?—раздался откуда то, можетъ быть съ неба, нѣжный голосъ...

Я замолчалъ отъ волненія. Коля-что то пробормоталъ.

— Вашъ братъ,—допытывалось неизвѣстное лицо,—отчего же вы его не позовете? Пожалуйста Николай...

— Ну, ступай къ намъ,—недовольно проворчалъ Сергѣй, обращаясь ко мнѣ.—Она уже не уступитъ.

— Я могу не пойти, если мѣшаю,—серьезно отвѣтилъ я, считая про себя удары сердца.

— Нѣтъ, уже иди, когда пришелъ,—проворчалъ Андросовъ.

— Вы намъ не помѣшаете,—произнесъ тотъ же голосъ.

Я нерѣшительно посмотрѣлъ на обоихъ. У Сергѣя лицо было, какъ у разъяреннаго льва. Густые спутанные волосы на головѣ какъ будто поднялись и съ угрозой двигались, а твердыя

низко вырѣзанныя ноздри дрожали и раздувались. Коля, изящный, тонкій, съ черными глазами, въ которыхъ теперь скрывались искры гнѣва, съ недоброй складкой между бровями, стоялъ, презрительно отвернувшись отъ меня.

— Да иди же къ намъ,—прошепталъ онъ, скрываясь въ „котлѣ".

Сергѣй съ укоромъ посмотрѣлъ на меня еще разъ, щелкнулъ пальцами и, покачавъ головой, медленно сошелъ внизъ. Я уже не колебался. Засунувъ руки въ карманы, чтобы показать свое равнодушіе, я подошелъ къ „котлу" и заглянулъ внизъ. На трехъ гладкихъ, удобныхъ камняхъ, приподнявъ головы, сидѣли Сергѣй, Коля и восхитительная дѣвочка. Дѣвочка была въ красномъ платьѣ, съ четками на голой шеѣ. На платьѣ, въ волосахъ, вплетенныя въ косу, трепетали ленточки отъ каждаго ея движенія. Лицомъ она не походила на брата, но то, что и у нея были коричневые глаза и упрямая, каждый разъ набѣгавшая складка посрединѣ лба, дѣлало ее удивительно похожей на него. Вся она была тонкая, какъ жгутикъ, и руки ея казались длинными.

— Ну, сойди же,—свирѣпо выговорилъ Сережа, тряхнувъ волосами.—Чего, какъ пѣтухъ, ротъ разинулъ?

Я никогда не слыхалъ, чтобы пѣтухъ ротъ разѣвалъ. Скорѣе это можно было сказать о воронѣ. Это показалось такимъ страннымъ, что забывъ о своемъ невыгодномъ положеніи, я разсмѣялся.

— Онъ еще смѣется!—съ негодованіемъ выговорилъ Сережа.

— Онъ смѣется...—съ удивленіемъ повторила дѣвочка и вдругъ, не выдержавъ, засмѣялась за мной, вѣроятно пораженная моимъ изумленнымъ лицомъ. Будто птицы запѣли гдѣ-то. Я, почувствовавъ, что ледъ сломанъ, легъ у „котла“ животомъ къ землѣ и покатился внизъ, какъ это дѣлалъ со Степой, желая непремѣнно удариться о камень, на которомъ сидѣла дѣвочка. Когда, испачканный, взъерошенный, я предсталъ предъ ними, смѣхъ, какъ по волшебству, прекратился. Я вскочилъ на ноги и первое, что мнѣ бросилось въ глаза, были окурки отъ папиросъ и куча обгорѣвшихъ спичекъ.

— Вотъ какъ,—подумалъ я, не подавая вида, что узналъ тайну Коли.

— Теперь разсказывайте, зачѣмъ пришли,—произнесла дѣвочка.

— Я только что встрѣтилъ Степу,—отвѣтилъ я, глядя на Колю...

— Слыхалъ, дальше,—нетерпѣливо перебилъ онъ меня.

— Кто это Степа, Николай,—зазвенѣла дѣвочка,—и всѣ ея ленточки задвигались.

— Передай-ка мнѣ спички, Николай,—произнесъ Сергѣй, обращаясь къ Колѣ и, посмотрѣвъ на меня, строго спросилъ:

— Юдить не будешь?

Я посмотрѣлъ на него благоговѣйно, покорно. Я ничего не понималъ, сбитый съ толку. Почему они называли другъ друга Сергѣемъ, Николаемъ,—

будто были взрослыми. Почему они курили; вѣдь отецъ растерзалъ бы Колю, если бы узналъ объ этомъ.

— Да онъ совсѣмъ дурачокъ какой то; правда, Настенька?—выговорилъ Сергѣй.—Юдить не будешь?—опять строго спросилъ онъ у меня.

— Я тоже буду курить,—храбро отозвался я, задѣтый,—и... это не хорошо, что вы говорите про меня...

У меня дрожали губы отъ волненія, и я едва разбиралъ, что говорю. Какъ будто говорилъ кто то другой, а я прислушивался и пугался.

— Ну, коли ты такой,—одобрительно отозвался Сергѣй,—садись съ нами; устраивайся,—повторилъ онъ,—я тебя „амо", и мы съ Настенькой будемъ тебя „амаре".

— Вотъ видишь,—пробормоталъ Коля, точно я былъ несогласенъ,—какіе они славные... „Амо"—значитъ люблю; они тебя любятъ уже.

— Я буду курить,—съ упоеніемъ говорилъ я, устраиваясь подлѣ Настеньки,—честное слово.

Коля вынулъ изъ кармана папироску съ длиннымъ мундштукомъ и, стараясь миновать мои глаза, независимымъ жестомъ закурилъ у Сергѣя.

— Тебя зовутъ Павломъ,—сказалъ Сергѣй, и я, пораженный такимъ именемъ, машинально пробормоталъ:—нѣтъ, Павочкой.

— Павломъ,—упрямо повторялъ Сергѣй, сверкнувъ глазами.—Бери папиросу.

Я не успѣлъ сдѣлать жеста, какъ онъ раскрылъ мнѣ ротъ, вставилъ между зубами папироску и поднесъ зажженную спичку. Сердце у меня какъ

будто оборвалось. Даже Настенька поднялась, чтобы лучше разглядѣть, что произойдетъ. Всѣ предметы отодвинулись отъ меня и какъ бы покрылись туманомъ. И оттуда, изъ этого мутнаго мѣста, выскочилъ густой повелительный голосъ и жужжа пошелъ на меня.

— Втяни дымъ черезъ мундштукъ,—смотри, какъ я дѣлаю. Тяни!—кричалъ голосъ,—разъ, два,—глотай. Ну, и хорошо. Молодецъ!

Я поперхнулся, будто проглотилъ раскаленное желѣзо или кулакъ Сергѣя. Рвануло въ груди, въ плечахъ, и я длинно гадко закашлялся. Огненныя искры полетѣли у меня изъ глазъ. По лицу потекли слезы.

— Ничего,—бормоталъ я, готовый на все для Сергѣя,—ничего.

— Молодецъ,—говорилъ изъ тумана его голосъ.—Кашляй, это чудесно.

И, приговаривая, онъ билъ меня по затылку. съ такой силой, точно я его укусилъ и ему нужно было меня наказать, чтобы я всю жизнь помнилъ. Настенька пѣвуче смѣялась и оттого, что кружилась моя голова и раздавался ея смѣхъ, я внѣ себя крикнулъ:

— Я еще лучше затянусь! Вотъ смотри, Сергѣй—гляди, Настенька.

И дрожащими руками своими, прыгавшими, какъ въ судорогѣ, съ неукротимымъ желаніемъ отличиться и показать, что я самый чудесный товарищъ, я подъ рядъ нѣсколько разъ втянулъ ѣдкій дымъ. Грудь моя запылала. Ноги похолодѣли. Казалось, „котелъ“ заходилъ...

— Довольно, — скомандовалъ Сергѣй, — молодецъ...

Я вдругъ схватилъ его руку, на мигъ помедлилъ, сдѣлать ли,—и внезапно, неожиданно для самого себя, поднесъ ее къ губамъ и жадно поцѣловалъ нѣсколько разъ.

— Я безумно люблю тебя!—хотѣлось мнѣ кричать...

— Ну, однако... какой ты,—застыдился Сергѣй, неловко высвободивъ свою руку.—Руку цѣлуютъ у поповъ или... у женщинъ. Цѣлуй у нея...

— Цѣлуй,—онъ долженъ поцѣловать ея руку!—вскричалъ Коля, махая папиросой, какъ пьяный.

Настенька засмѣялась. Я стоялъ сконфуженный тѣмъ, что уже сдѣлалъ, и не зная, какъ отнестись къ тому, что отъ меня требовали. Я посмотрѣлъ на нее. Ея ленточки кивали мнѣ ласково и какъ будто звали коснуться ихъ губами. Красивыя коралловыя четки невинной змѣйкой дважды переплелись вокругъ ея тоненькой шейки, и манили своимъ матовымъ безмятежнымъ блескомъ. Мнѣ стало стыдно... до боли. Но, какъ пьяный, который на мигъ отрезвляется, чтобы потомъ еще больше отдаться своей веселой волѣ, я быстро придвинулся къ ней и поднялъ руку. Она стояла, чуть наклонивъ голову, чуть дыша, и ждала.

— Не такъ!—прорычалъ Сергѣй, давъ мнѣ по затылку.—Становись на колѣни.

Я взглянулъ вверхъ. Какъ хорошо было небо своей синей красотой безъ одного пятнышка, холодное... ясное, какъ хрусталь. Чуденъ былъ за-

пахъ „котла“, запахъ сгнившихъ травъ, и отъ него на мигъ вспомнились, проснулись и ожили далекіе дни самаго ранняго дѣтства, когда бабушка водила меня за руку. Господи, какъ хороши были близкіе голоса, которые я слышалъ! Смѣшалось что-то во мнѣ, и то неясное, что томило меня въ послѣдніе дни, и страхи, и вопросы о жизни и смерти, о правдѣ, все сошлось и слилось въ невинномъ образѣ дѣвочки. Она стояла противъ меня, чуть наклонивъ голову, чуть дыша, протянувъ руку съ длинными пальчиками, и если бы бездна лежала у моихъ ногъ, и если бы колѣни мои должны были коснуться этой бездны и унести меня навсегда изъ міра,—а она стояла бы у края ея и ждала, какъ теперь,—я бы спокойно покорился.

— На колѣни!—крикнулъ Коля:—вотъ весело!..

— На колѣни!—забасилъ Сергѣй.—Пилы!..

Я быстро опустился и, взявъ ея руку, чуть коснулся губами.

— Браво, великолѣпно,—засмѣялся Сергѣй. Теперь онъ твой Донъ-Кихотъ, Настя.

— А она—Дульцинея,—подхватилъ Коля.

Мы усѣлись. Лицо у меня горѣло, и я чувствовалъ въ себѣ силу и гордость орла. Дрожали мои колѣни.

— Теперь,—произнесъ Сергѣй, когда наступила тишина,—разсказывай, зачѣмъ ты пришелъ.

— Ты встрѣтилъ Степу,—помогла мнѣ Настенька, замѣтивъ, что я затрудняюсь.

— Ахъ, да, я встрѣтилъ Степу. Онъ говорилъ о Странномъ Мальчикѣ.

— Кто это—Странный Мальчикъ?—заинтересовалась Настенька.

— О, это такой славный, дивный мальчикъ,—съ жаромъ отвѣтилъ я, повернувшись къ ней и радостно смотря на нее.—Онъ сынъ царя.

Сергѣй засмѣялся, а я, глядя на задумчивое, затуманившееся лицо дѣвочки, еще съ бо́льшимъ жаромъ проговорилъ:

— Ты бы его полюбила, его нельзя не любить. Онъ чудесный, онъ нѣжный, онъ странный.

У меня зароилось, какъ воспоминаніе о боли, все, что меня мучило и занимало, и, взглянувъ на Сергѣя, я робко спросилъ:

— Ты думалъ о жизни, Сергѣй?

— О жизни!—повторила Настенька, всплеснувъ руками.

— О жизни?..—презрительно переспросилъ Сергѣй.—Что можно думать о жизни?

— Это дѣйствительно чудесный мальчикъ,—задумчиво произнесъ Коля.—Я его боялся. Мы давно обѣщали зайти къ нему, но отецъ никогда не простилъ бы, если бы узналъ объ этомъ, и мы не рѣшались.

— Развѣ къ нему нельзя ходить?—спросила дѣвочка.

— Отецъ не любитъ знакомствъ съ бѣдными.

— Такъ онъ бѣдный?—заинтересовался вдругъ Сергѣй.

— Мы пойдемъ къ нему, Сергѣй,—вспыхнула Настенька. Гадко у васъ дома. Папа намъ не запрещаетъ, и я люблю бѣдныхъ. Ужасно люблю. Противно у богатыхъ. Люблю папку своего.

Сергѣй тряхнулъ волосами и задорно сказалъ.

— Я люблю бѣдныхъ. Мы богатые, но любимъ бѣдныхъ.

— И я люблю,—вспыхнулъ Коля,—очень люблю: больше, чѣмъ богатыхъ.

— И я, и я! —съ неостывающимъ жаромъ крикнулъ я.

— Мы любимъ бѣдныхъ,—съ воодушевленіемъ произнесла Настенька и, какъ будто давала клятву, подняла руку.

— Мы любимъ бѣдныхъ!—крикнули мы хоромъ за ней;—и было такъ, будто она показывала ихъ, а мы знали, за что любимъ, и она одобряла.

— И не любимъ богатыхъ,—рѣшительно закончила она.

— И не любимъ богатыхъ, — повторили мы за ней.

Я готовъ былъ поклясться, что не люблю богатыхъ: такъ искренно, ясно чувствовалось это теперь, когда мы прокричали эти слова.

— Что же случилось со Страннымъ Мальчикомъ?—вспомнила Настенька.

— Странный Мальчикъ очень боленъ и просилъ Степу позвать насъ. Я не обѣщалъ...

— Развѣ Степа бываетъ у него? — изумился Коля.

Я вспомнилъ, какъ Степа ударилъ его, и только теперь удивился тому, что они сблизились.

— Вѣдь оба бѣдные,—подумалъ я,—отчего же не сблизиться.

— Мы пойдемъ къ нему,—рѣшительно произнесъ Коля.

— Можетъ быть, имъ ѣсть нечего, и я принесу,—сказала Настенька.

— А папа?—струсилъ я, взглянувъ на Колю.

— Ну, и папа. Онъ не узнаетъ.

Сергѣй далъ планъ, что дѣлать, и назначилъ день, когда пойти. Никто не возражалъ, и лишь только вопросъ былъ рѣшенъ, мы вышли изъ „котла". Подъ-руки всѣ, какъ старые товарищи, мы обошли вторую площадку. Настенька держалась возлѣ Коли, задумчиво смотрѣла на море и я, глядя на нее, вспомнилъ плѣнницу изъ бѣлаго домика... „Нѣтъ, эта лучше,—думалось мнѣ". Ужели я такъ выросъ? Холодомъ вѣяло отъ одинокаго домика на противоположной горѣ, и казалось, тѣ бѣлые, правильно сложенные камни, стерегутъ мертвецовъ—прежняго Павочку, плѣнницу... Я чувствовалъ нехорошее въ душѣ, и что-то упрекало, стыдило меня. Но рядомъ со мной шла Настенька, такая добрая, ласковая; шелъ Сергѣй, самоувѣренный, крѣпкій, и въ томъ, что они любили меня, я находилъ себѣ оправданіе.

— Я его боялся,—говорилъ Коля, вспоминая о Странномъ Мальчикѣ,—и даже отецъ не могъ отвѣтить на его вопросы.

И такъ, идя въ шеренгу, все болѣе внимательные, незамѣтно то я, то Коля, разсказали все, что знали объ Алешѣ,—и скоро онъ сталъ такъ близокъ, будто онъ давно былъ нашимъ и съ нами. Мы говорили его словами, иногда словно спрашивали у него отвѣта, и сами, мучаясь, возражали, неувѣренные, такъ ли бы онъ сказалъ, такъ ли думалъ.

— Это, дѣйствительно, странный мальчикъ,— выговорилъ Сергѣй, сдавшись, наконецъ.—Что же, правда ли, что мы здѣсь вчетверомъ гуляемъ, разговариваемъ, смотримъ на море, или неправда?

Мы взглянули другъ на друга испуганные, и всѣ мы были блѣдны.

Тѣни выползли изъ всѣхъ угловъ горы, стали передъ нами, угрожали, говорили о недобромъ, непонятномъ, говорили таинственнымъ языкомъ о предѣлахъ жизни, о правдѣ и лжи,—а темнѣвшее небо, непроницаемое и молчаливое, хранившее всѣ дорогія и важныя тайны, и никому не открывавшее ихъ, загадочно и безстрастно висѣло надъ нами. Хотѣлось плакать, молиться кому нибудь, чтобы не было этой тишины, этого леденящаго холода въ душѣ,—хотѣлось оправданія, согрѣвающей, родной любви, чьей?—развѣ я зналъ въ эту минуту.

— Что такое жизнь?—взволнованно спросила Настенька, всматриваясь въ море, покрытое тѣнями, свѣтлыми, зелеными,—словно гигантскими пленками.

— Что такое жизнь?—съ досадой повторилъ Сергѣй, удивляясь, что не находитъ отвѣта на этотъ простой вопросъ.

— Это знаетъ Странный Мальчикъ,—съ жаромъ отвѣтилъ я,—онъ былъ „тамъ“.

— Гдѣ „тамъ“,—спросила Настенька, опять всплеснувъ руками.

Я молча указалъ на небо, и мы всѣ долго смотрѣли на него, поднявъ головы.

— Ангелъ пролетѣлъ,—прошептала она.

И отдѣливъ отъ своего кулачка тоненькій пальчикъ, она указала на мѣсто въ небѣ. И опять мы долго, поднявъ головы, смотрѣли вверхъ, взволнованные, благоговѣйно. Нашло небольшое облачко,— свѣтлое, сѣрое, мягкое и торопливо поплыло къ морю. И будто въ немъ былъ отвѣтъ. Мы молча слѣдили за нимъ. И когда оно сдѣлалось не больше голубя, Настенька сказала:

— Оно плыветъ словно знаетъ куда, и по нужному дѣлу. И у него нѣтъ глазъ. Гдѣ оно будетъ ночью?

— Куда плыветъ облако? Гдѣ мѣсто его отдыха?—спросилъ я вслухъ, но мнѣ никто не отвѣтилъ. И въ этомъ молчаніи я почувствовалъ прежній ужасъ.

— Никто ничего не знаетъ, — мелькнуло у меня, но этого я не высказалъ вслухъ, и подумалъ о томъ, что ожидаетъ меня ночью, когда Коля уснетъ, а я останусь одинъ съ своей мыслью.

— Все загадочно,—проговорилъ Сергѣй, опустивъ голову.—Когда ни о чемъ не думаешь, все стоитъ прочно, какъ эта гора, и жизнь течетъ, какъ у птицы. Вѣдь я не разъ думалъ о томъ же, но мысли, какъ копья о гранитъ, ломаются. Лишь только является „этотъ“ вопросъ,—жизнь погибла. Ни что не понятно и дѣлается страшно самого себя. Я бы теперь ни за что не посмотрѣлъ въ зеркало.

Мы взглянули на него. Онъ былъ блѣденъ, почти зеленый, безъ кровинки, и челюсть его дрожала.

— Сергѣй,—тихо произнесла Настенька.

— Я тогда тоже испугался,—признался Коля,—если все кажется—гдѣ же правда?

— И оттого,—тѣмъ же добрымъ, задумчивымъ, ласковымъ голосомъ продолжалъ Сергѣй,—я такъ люблю разсказы Эмара, Жюль-Верна, Сервантеса, съ ними весело, не страшно,—и роскошно, и пріятно. Какъ глупо, что человѣкъ любитъ спрашивать!

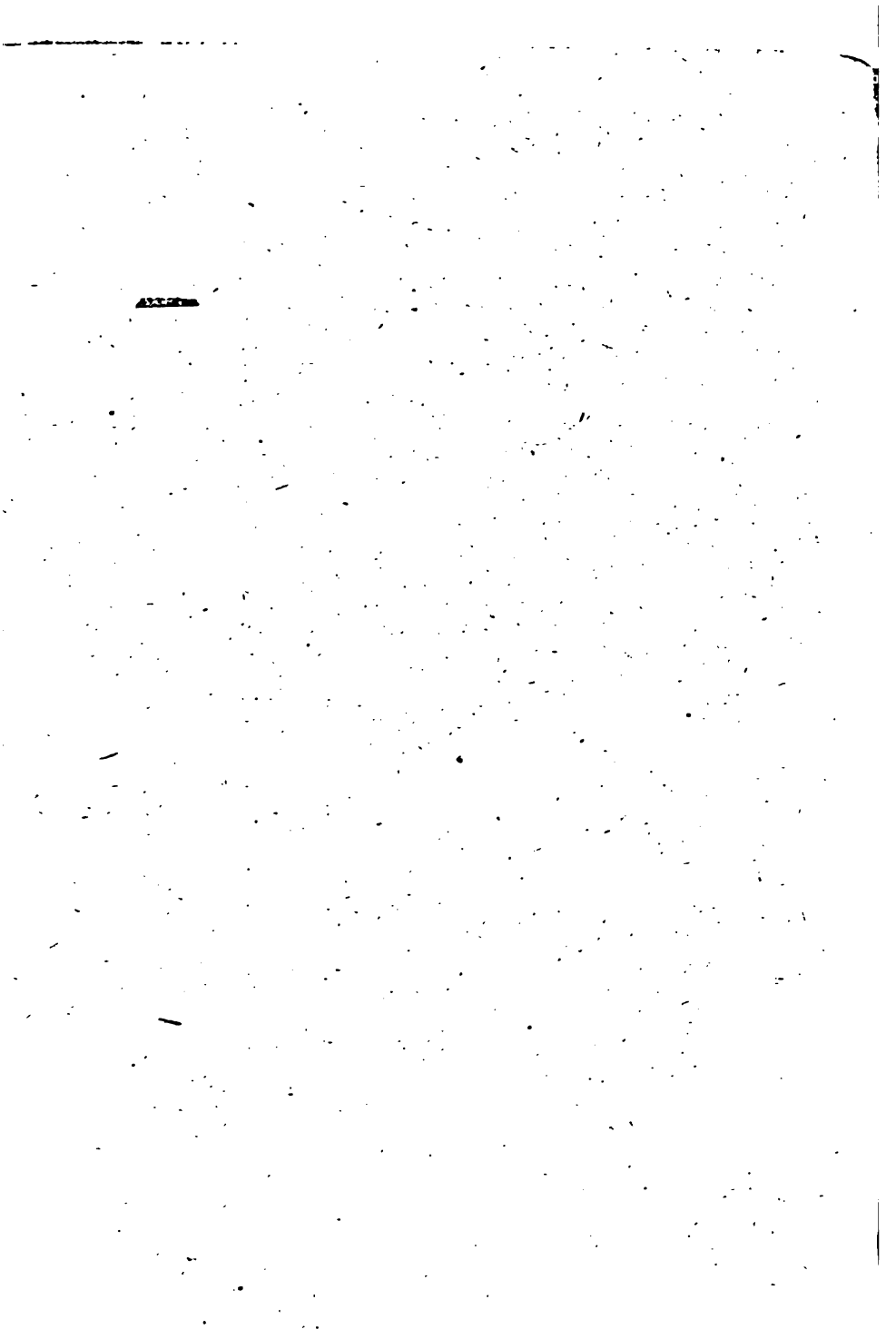
Онъ рѣшительно встряхнулся и, вспомнивъ что-то, важнымъ голосомъ сказалъ:

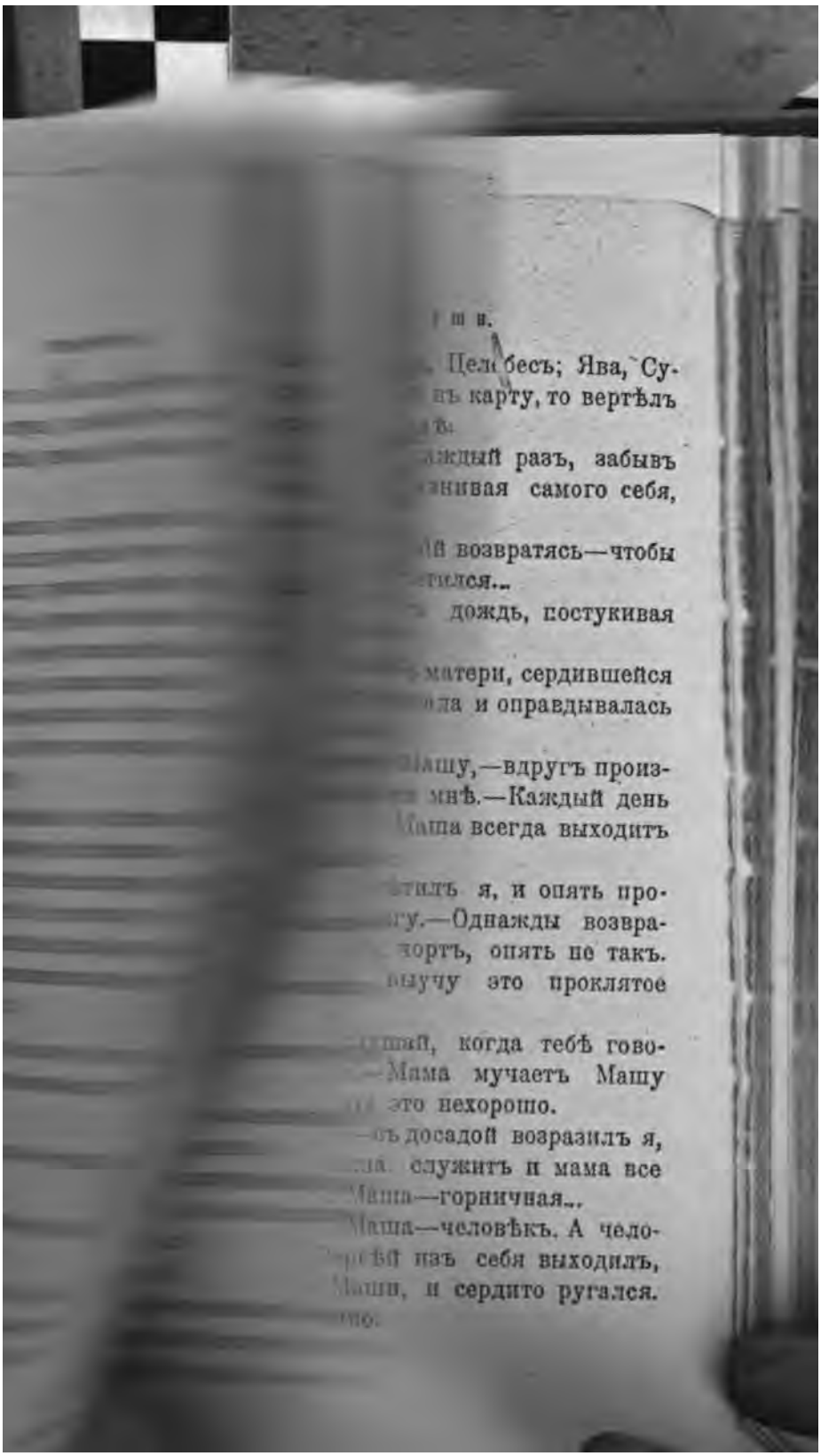
— Соколиное перо, отнынѣ ты сталъ нашимъ другомъ. Зароемъ томагауки въ землю и выкуримъ трубку мира.

Онъ вынулъ папиросу, отдалъ мнѣ, видимо называя меня Соколинымъ перомъ, и, какъ стоялъ, сѣлъ, закуривъ первый. Синій дымъ безформенными клочьями поплылъ по горѣ. Тяжелыя минуты были разсѣяны, и, когда я теперь посмотрѣлъ на небо, мнѣ показалось, что оно улыбается и одобряетъ насъ. И я ему улыбнулся, затянулся, закашлялся, и вскорѣ всѣ мы опять были дѣтьми, милыми, веселыми, вѣрующими.

Я сидѣлъ подлѣ Настеньки, какъ вѣрный рыцарь, и покорялся всѣмъ ея капризамъ: становился на колѣни, лазилъ на четверенькахъ, лаялъ собакой, пѣлъ солдатскія пѣсни и Коля вторилъ мнѣ. А она смѣялась длиннымъ пѣвучимъ смѣхомъ, махала тоненькимъ пальчикомъ, и всѣ ея ленточки на платьѣ, въ волосахъ, въ косѣ, двигались, смѣялись и бросали на нее милыя тѣни.

И всю ночь послѣ перваго знакомства я не боялся. Я видѣлъ Настеньку во снѣ, служилъ ей, любилъ ее, терзался о ней, спасалъ ее,—а утромъ подушка моя была мокра отъ слезъ...





VIII.

ТРЕВОГИ ДУШИ.

Прошло нѣсколько дней. Я становился спокойнѣе. Степа сообщилъ намъ, что Странный Мальчикъ началъ поправляться, и посѣщеніе само собой отодвинулось на нѣкоторое время, тѣмъ болѣе, что Сергѣй и Настя гостили у тетки въ городѣ.

Въ этотъ важный и памятный день погода выдалась мокрая, и мать, по обыкновенію, не выпускала насъ изъ дому. Съ утра начался дождь, и напрасно я умолялъ небо сжалиться надъ нами. Тучи были толстыя, свинцовыя, рыхлыя, и не могли не пролиться. Вѣтра не было. Въ дѣтской, несмотря на утро, держалась темнота. Углы казались синими отъ тѣней, и въ синевѣ этой ползали и слабо перелетали больныя мухи. Коля съ палочкой въ рукѣ, похожій на волшебника, стоялъ подлѣ стѣнной карты, изукрашенной по краямъ моими рисунками, и говорилъ однообразнымъ голосомъ:

— Ява, Суматра, Борнео, Целебесъ; Ява, Суматра... и то тыкалъ палочкой въ карту, то вертѣлъ ею, очерчивая круги на стѣнѣ.

Я зубрилъ „Лжеца" и каждый разъ, забывъ начало, съ досадой и передразнивая самого себя, повторялъ:

— Изъ дальнихъ странствій возвратясь—чтобы ты не возвратился, не возвратился...

— Дззъ, дззъ,—жужжалъ дождь, постукивая въ коридорныя стекла.

Изъ столовой шелъ голосъ матери, сердившейся на Машу, и Маша громко плакала и оправдывалась въ какой-то винѣ.

— Опять мама мучаетъ Машу,—вдругъ произнесъ Коля, повернувшись ко мнѣ.—Каждый день однѣ и тѣ же придирки. А Маша всегда выходитъ правой.

— Надоѣло,—зѣвая отвѣтилъ я, и опять продолжалъ, не глядя въ книгу.—Однажды возвратясь изъ странствій,—ахъ, чортъ, опять не такъ. Когда же я, наконецъ, выучу это проклятое начало?

— Ты не зѣвай, а слушай, когда тебѣ говорятъ,—разсердился Коля.—Мама мучаетъ Машу напрасно. И я говорю, что это нехорошо.

— Какое намъ дѣло,—съ досадой возразилъ я, глядя въ книжку.—Маша служитъ и мама все можетъ съ ней дѣлать. Маша—горничная...

— Нѣтъ, не можетъ... Маша—человѣкъ. А человѣка нельзя мучить. Сергѣй изъ себя выходилъ, когда слышалъ плачъ Маши, и сердито ругался. Мнѣ было за маму стыдно.

— А что говорилъ Сергѣй? — заинтересовавшись, спросилъ я.

— Суматра, Ява, Борнео,—раздался однообразный голосъ, и палочка снова заходила у него въ рукахъ.

— Что же онъ говорилъ?—нетерпѣливо выговорилъ я, подходя къ нему. Коля посмотрѣлъ на меня и шопотомъ отвѣтилъ:

— Онъ называлъ маму крѣпостницей. Онъ говорилъ, что прислугу нельзя мучить за то только, что она служитъ и безсильна защитить себя. Прислуга необходима въ домѣ; можетъ быть, самая полезная въ семьѣ, и ее нужно цѣнить, уважать. Онъ говорилъ, что всѣ люди—братья, и одинъ не долженъ угнетать другого...

Я понималъ и не понималъ. Что-то озарило меня,—мелькнуло и потухло. Горничная—человѣкъ? Я никогда не думалъ объ этомъ и въ новизнѣ лежала большая сила убѣдительности. Горничная—человѣкъ? Правда, у нея руки, голова, лицо. Она говоритъ, дѣлаетъ. Но человѣкъ? Развѣ у нея есть свой домъ? Развѣ она занимается важными дѣлами, какъ отецъ? Училась ли она? Горничная—человѣкъ! Простая мужичка, обязанная за деньги слушаться, работать, не имѣть своей воли, спать въ одеждѣ, ѣсть позже всѣхъ и самое худшее,—которое намъ никогда бы не предложили,—и она человѣкъ! Но все-таки она плачетъ, когда мать ее ругаетъ, она чувствуетъ, и счастлива, когда мать похвалитъ ее, приласкаетъ. Она говоритъ о своей деревнѣ, о замужествѣ, о своей землѣ. Господи, но вѣдь это и дѣлаетъ

человѣкъ! И до сихъ поръ я не подумалъ объ этомъ!

Плачъ Маши становился яснѣе: она шла въ кухню.

Мама еще разъ крикнула и убѣжала въ спальню. Бабушка что-то тихо бормотала.

— Сергѣй прямо ненавидитъ маму за то, что она издѣвается надъ Машей,—прислушавшись опять сказалъ Коля.

— Сергѣй, все Сергѣй,—хотѣлось мнѣ подразнить Колю. А мама?

Я отложилъ книгу и задумался. Теперь я вспомнилъ, какъ Маша благоговѣла предъ Сергѣемъ и называла его за глаза не иначе, какъ „славный панычъ", а въ глаза—Сергѣемъ Михайловичемъ. Почему же Маша любитъ Сергѣя,—пришло мнѣ въ голову, а къ намъ холодна, равнодушна? И въ первый разъ подумалось о томъ, что между нами и Машей существуютъ какія-то отношенія, о которыхъ я не подозрѣвалъ. Лишь только Коля открылъ мнѣ, что Сергѣй ненавидитъ маму за жестокость, какъ неотвязно сталъ предо мной, ожидая отвѣта, другой вопросъ: а насъ? Развѣ мы поступали лучше матери? До Маши у насъ служили Паши, Груши, Степаниды, и для насъ, дѣтей, онѣ были, какъ временные рабы, съ которыми все можно было сдѣлать: ругать, грубить, приказывать, требовать, иногда даже бить. И никогда не являлось мысли, что услуживаетъ намъ человѣкъ, котораго нужно цѣнить, щадить, что лишь случай сдѣлалъ то, что она служитъ, а мы приказываемъ, и могло быть наоборотъ: мы бы

служили, а она приказывала. Теперь, какъ открытіе, гвоздила мысль, что и Маша—человѣкъ, по несчастью подневольный Раньше не думалось; и примелькалось, что мать, всегда вспыльчивая, несправедливая, досаждаетъ Машѣ, какъ досадила бы всякому другому своими требованіями, придирками,—и что молчаніе и слезы Маши вынужденныя, купленныя. Не думалось и о томъ, что Маша могла возмущаться противъ жестокости;—развѣ прислуга имѣетъ право перечить, не слушать, развѣ смѣетъ? Теперь Сергѣй, при посредствѣ Коли, открылъ мнѣ глаза, и я увидѣлъ, какъ много дурного хозяйскаго лежало въ нашемъ прошломъ. Какъ часто безъ нужды и я, и Коля были жестоки съ прислугой. По утрамъ, сидя за чаемъ, мы не смѣли дохнуть, чтобы не разбудить матери, а въ кухню вваливались съ крикомъ, съ топотомъ утромъ, ночью, когда хотѣлось. Завтраки, обѣды—были въ домѣ священнодѣйствіемъ, а прислугу мы не задумываясь отрывали отъ ѣды для ничтожнѣйшаго пустяка, и всѣ въ домѣ злились, если она не являлась немедленно на зовъ. Мать много отдыхала за день, вышивала или разговаривала съ бабушкой; мы беззаботно проводили время и для всѣхъ день былъ наслажденіемъ, а Маша съ утра до поздней ночи носилась, какъ проклятая по комнатамъ, безъ устали, безъ ропота работала, и ее гоняли безпощадно, не спрашивая себя, устала ли она, можетъ ли утомиться.

— У Сергѣя въ домѣ, — вдругъ произнесъ Коля,—слуги обѣдаютъ съ хозяевами за однимъ

столомъ. Я самъ видѣлъ, и подлѣ меня, когда я у нихъ обѣдалъ, сидѣла горничная.

Я всплеснулъ руками отъ изумленія и во всѣ глаза посмотрѣлъ на него. Это было ужасно, невозможно. Это было ново до того, что у меня, какъ будто я заглянулъ въ пропасть, закружилась голова.

— Правда?—хотѣлъ я спросить, но голосъ не вышелъ у меня.

Но сейчасъ же налетѣлъ откуда то, изъ самой глубины взволнованной души, подъемъ, будто я надышался опьяняющимъ воздухомъ, и я съ восторгомъ крикнулъ:

— Я обожаю ихъ, Коля,—и какіе это дорогіе, милые люди. Какъ бы мнѣ хотѣлось служить у нихъ!

— У нихъ все иначе,—серьезно говорилъ Коля,—махая палочкой. Просто, какъ у бѣдняковъ, но иначе какъ-то. Въ домѣ у нихъ нѣтъ гостиной, нѣтъ дорогой мебели, портьеръ. Цвѣтовъ всегда много. Чай пьютъ не изъ стакановъ, а изъ глиняныхъ кружекъ. Столъ не покрываютъ скатертью. Но все-же у нихъ удивительно хорошо и чувствуешь себя такъ, какъ у насъ на горѣ. Мать Сергѣя чудесно-добрая. Ее всѣ любятъ. Сергѣй разсказывалъ, что она по воскресеньямъ молится въ отдѣльной комнатѣ; туда же приходитъ молиться и простой народъ: дворники, кучера, слуги, даже господа. Отецъ Сергѣя не молится съ ними, но и онъ славный,—на Сергѣя походитъ... Чудесно у нихъ,—повторилъ онъ.

— Такъ вотъ почему,—пораженный произнесъ

я.—Настенька сказала, что она любитъ бѣдныхъ. Мы любимъ бѣдныхъ, Коля? Скажи правду.

Онъ задумался. Я стоялъ подлѣ него, смотрѣлъ въ окно, какъ льетъ дождь, и также думалъ.

— Что значитъ любить бѣдныхъ?—проговорилъ я вслухъ. Какъ ихъ любить? Какъ отца или мать? Жалѣть ихъ? Давать имъ денегъ?

— Не знаю. Сергѣй говоритъ, что людямъ нужно жить, какъ братьямъ.

— Какъ братьямъ?!—удивился я, ничего не почувствовавъ отъ этого требованія.—Развѣ можно любить Машу. Любить Машу,—повторилъ я раздѣльно.—Это меня не трогаетъ еще.

— Всѣ люди—братья,—и это навѣрное, — убѣжденно проговорилъ Коля.—Мать Сергѣя не можетъ обмануть.

— И Андрей—братъ?—недовѣрчиво спросилъ я. И Степа? Какъ это странно все,—прибавилъ я, вдругъ почувствовавъ, что совершенно замучился отъ всѣхъ этихъ разговоровъ.

— Цейлонъ, Кипръ, Суматра, — забормоталъ неожиданно Коля, съ ожесточеніемъ завертѣвъ палочкой.—Ужасно непонятно... Борнео, Борнео. Для чего это нужно знать? Я въ Борнео не поѣду. Что такое: Борнео? Бор-не-о,—повторилъ онъ, прислушиваясь къ слогамъ.—Никакого смысла. Есть ли тамъ люди, Павка? И можетъ быть въ Борнео теперь сидитъ какой нибудь мальчикъ и зубритъ названіе нашего города... Всѣ люди братья,—раскрывъ глаза и съ ужасомъ въ голосѣ вдругъ выговорилъ онъ.

— Всѣ люди братья,—какъ эхо повторилъ я.

Въ горлѣ у меня пересохло отъ волненія. Что будетъ съ нами?.. Коля остановился противъ стѣны и долго всматривался въ мѣсто на картѣ, занимаемое Борнео.

— Вотъ такъ и старымъ сдѣлаешься,—проговорилъ онъ шопотомъ.—Что такое старость?

Я легъ животомъ на окно и сталъ смотрѣть на гору. Она блестѣла отъ воды и, оголенная, казалось, дрожала отъ мокраго холода. Бурьянъ приникъ къ землѣ и не трепеталъ, прибитый дождемъ. Башня одиноко поднималась надъ горой, какъ изваяніе изъ тучъ, и желѣзная головка на флюгерѣ иногда горѣла, какъ лампадка. Странныя мысли, томительныя, полупечальныя, полурадостныя, отъ которыхъ хотѣлось страстно плакать, какъ по чемъ то утраченномъ, на груди у матери, чтобы она утѣшала, окружала всей нѣжностью и теплотой своей любви,—потянулись у меня въ головѣ. Какъ вѣрно гора охраняла насъ до сихъ поръ отъ жизни! Словно заботливый старый другъ служила она намъ. На ея землѣ, въ ея зеленомъ царствѣ, подобно щитамъ стояли и жили невинныя радости и для жизни тяжкой, мучительной, со всѣми неразрѣшимыми вопросами—не было мѣста. Какъ заколдованные, жили мы. Молчаливые, живые друзья отдавали намъ нѣжно свои крылья, свои голоса, свои краски, свою жизнь, лишь бы наша мысль молчала. Теперь щиты надломились и новый свѣтъ ворвался къ намъ. Никто не знаетъ, что въ насъ происходитъ, и сами мы не сумѣли бы разсказать,—и въ этомъ было мучительное томленіе. Будто было по-старому и ничего не слу-

чилось,—отецъ и мать пройдутъ мимо самаго важнаго, страшнаго момента поворота въ нашей жизни и по-прежнему будутъ беззаботно давить нашу волю, наши порывы и съ дѣтства уже полуизломанные, мы долго будемъ выпрямлять въ себѣ человѣка. Думалъ ли я именно это въ минуту, когда я лежалъ на окнѣ и смотрѣлъ на гору? Не знаю,—что-то томительное печальное было въ душѣ, и, можетъ быть, позже мнѣ стало казаться, что я такъ думалъ. Безотраднымъ я видѣлъ будущее. Дождь переставалъ, и въ мокрыя стекла уже смотрѣлъ край тучи, сѣрой, какъ паръ, но синева неба уже мелькала въ ней.

— Къ вечеру прояснится,—произнесъ я вслухъ.

Въ комнату вошла бабушка, опираясь на палку, и позвала къ себѣ Колю. И оба вышли, о чемъ то разговаривая. Я все лежалъ на окнѣ и думалъ теперь о Сергѣѣ, о его матери... Какъ много мнѣ нужно было узнать у нихъ важнаго. Въ чемъ лежала тайна ихъ обаянія? Кто-то тронулъ меня за плечо... Я испуганно поднялся. Предо мной стояла Маша.

— Пожалуйста, паничъ Павочка,—сказала она,—выйдите изъ комнаты. Мнѣ прибрать нужно.

Подоткнувъ подолъ юбки, съ тряпкой въ рукѣ, стояла она. Рабыня, изваянная, какъ мало въ ея жестѣ лежало своего, въ свою защиту. И вся она, грязная отъ уборки, босая, съ красными, затекшими отъ слезъ глазами—и только думавшая о томъ, что нужно работать, работать, — показалась мнѣ такой несчастной, беззащитной, всѣми брошен-

ной, что и волнуясь, и стыдясь того, что хотѣлъ сказать, я невольно крикнулъ:

— Машенька, какая же ты несчастная!

Она со страхомъ подняла на меня глаза и сейчасъ же опустила ихъ. И прежнимъ вѣжливымъ просящимъ голосомъ повторила:

— Пожалуйста, паничъ, выходите. И такъ мамаша сердятся.

— Ты несчастная, бѣдная,—съ жаромъ повторилъ я,—я уже знаю и... прости меня, Машенька.

Я соскочилъ съ окна, бросился къ ней, схватилъ ее за руку и такъ стоялъ, дрожа съ головы до ногъ отъ волненія, отъ восторга. Какъ будто всѣ краски и синія тѣни въ углахъ просвѣтлѣли и улыбнулись мнѣ.

— Борнео, — пронеслось у меня, — что такое. Борнео?

И сразу стало понятно, что такое Борнео, что такое братъ, что такое жизнь. Свѣтъ лился въ меня потоками съ окна, съ потолка, со стѣнъ, онъ шелъ внутрь, и я чувствовалъ, какъ наполняетъ и яснымъ и свѣтлымъ дѣлаетъ темныя глубины моей души, чуть тронутыя сомнѣніемъ, и бѣлыя, какъ снѣгъ и, какъ снѣгъ, отчетливыя, рождались и стояли мысли въ головѣ.

— Любовь—все и во всемъ, въ Борнео, въ братѣ, въ жизни,—и ничего другого нѣтъ и не можетъ быть...

Я задыхался. Маша выпустила изъ рукъ тряпку глаза ея еще болѣе покраснѣли и наполнились слезами.

Мамаша всегда обижаютъ,—какъ совсѣмъ

маленькій ребенокъ, прерывающимся голосомъ и глядя куда то въ сторону, выговорила она.

— И мы, и мы обижаемъ тебя,—подхватилъ я тоже прерывающимся голосомъ и стискивая ея руку. Мы всѣ гадкіе, злые, и совсѣмъ не жалѣемъ тебя,—все въ томъ же порывѣ покаянія, и путаясь въ мысляхъ, продолжалъ я,—а ты добрая, терпѣливая. Ты работаешь, грязная, а мы отдыхаемъ и чистенькіе. А люди—братья, всѣ люди братья... всѣ. Я твой братъ, Машенька, милая!..

И не выдержавъ свѣта, наплыва большой любви, я всплеснулъ руками, бросился къ стѣнѣ и припалъ къ ней.

— Что вы, Павочка!—крикнула она, подбѣгая ко мнѣ,—миленькій, добренькій, что съ вами? Я не сержусь на васъ. Ахъ ты, Господи, еще мамаша зайдутъ и увидятъ...

Она совершенно растерялась и несмѣло попыталась увлечь меня отъ стѣны.

— Не зови меня панычемъ, не хочу я больше. Я— Павлуша, Павелъ Павловичъ,—раздѣльно и всхлипывая проговорилъ я надорваннымъ голосомъ. Какъ Сергѣя...

— Ну, хорошо, миленькій вы паничъ, Павелъ Павловичъ.

— И не будешь сердиться? — недовѣрчиво спросилъ я, поднявъ голову,—и на Колю не будешь?

— Ну, не буду я, миленькій, добренькій Павелъ Павловичъ...—смѣясь и радостная отвѣтила она.—Славный вы.

— А я тебя не буду больше обижать, никогда Машенька, честное слово. Буду жалѣть, буду

любить, какъ брата. Ахъ, какъ все это хорошо,—въ упоеніи шепталъ я,—какъ хорошо!..

Я посмотрѣлъ ей глубоко въ глаза и вдругъ крѣпко обнялъ за шею, прижался къ ея лицу и сталъ цѣловать. И она, не выдержавъ этой ласки, прижалась къ моему плечу... Какъ сладко было первое мгновеніе любви къ человѣку, это скромное чувство преклоненія предъ нимъ, признаніе новой власти надъ собой. И, цѣлуя, будто этимъ отдавалъ въ ея руки свое сердце, и все крѣпче обнимая ее, говорилъ:

— Мы, Машенька, братья,—хочешь, вѣришь?

Въ столовой раздался стукъ. Я оторопѣлъ. Она быстро и испуганно, будто совершила преступленіе, вырвалась отъ меня и, лихорадочно напѣвая, стала убирать. Я взобрался на окно и, смѣясь и преслѣдуя ее взглядами, знаками договаривалъ то, что не успѣлъ сказать.

— Что это Павки не видно?—раздался голосъ матери.

— Идите скорѣй, паничъ,—прошептала Маша со страхомъ.

Я спрыгнулъ съ окна и, сдѣлавъ Машѣ знакъ, беззаботно отвѣтилъ:

— Я здѣсь, мама!

Сердце у меня прыгало отъ радости, и вопросъ матери и то, что дѣлалось въ сосѣдней комнатѣ, казалось мелкимъ, не важнымъ.

— Я здѣсь, мама,—но хотѣлось кричать, кружиться, пѣть: я люблю Машу, какъ брата. Люблю, люблю, какъ брата.

— Отчего же онъ не выходитъ?—опять раздался голосъ матери.

Я притворился, что не слышу, и шагая по комнатѣ, громко говорилъ:

— Однажды изъ странствій какой-то лжецъ...

— Онъ, мама, басню учитъ,—отвѣтилъ Коля за меня

— Басню,—это хорошо. Учитесь, дѣти, учитесь: въ жизни имѣютъ успѣхъ только образованные люди. Худо въ жизни теперь, тяжело...

Я леденѣлъ отъ ея голоса, угрозъ. Она говорила такимъ тономъ, будто жизнь была училищемъ, гдѣ распоряжались свирѣпые учителя. И, казалось, тотъ успѣвалъ, кому учителя ставили хорошіе баллы. Ужасомъ пахнуло на меня. Словно раскрылась огромная звѣриная пасть, кто-то гналъ насъ въ нее, а она ждала, чтобы насъ проглотить. И въ теперешнемъ настроеніи, слова эти прозвучали, какъ предостереженіе, какъ грубый окрикъ.

— Что же дѣлать,—всполошился я,—какимъ быть? Лучшимъ, худшимъ?

Маша уже кончала работу и, съ краснымъ, какъ кровь лицомъ, послѣдній разъ коснулась тряпкой пола.

— Можетъ быть, она знаетъ,—мелькнуло у меня.

Съ мокраго пола поднимался легкій паръ, точно доски снизу горѣли. Угрюмо стало отъ порядка. Сердце будто на цѣпь посадили.. Но еще тлѣли въ душѣ чувства, только что рожденныя, и, когда Коля вошелъ въ дѣтскую, я сомнѣваясь

уже, что оно, дѣйствительно, произошло, съ подогрѣтымъ жаромъ разсказалъ о Машѣ. Коля хмуро слушалъ, кусалъ ногти и качалъ головой.

— Нужно Сергѣю разсказать,—рѣшилъ онъ,—онъ все объяснитъ; кажется, ты хорошо сдѣлалъ, кажется... Не знаю, сдѣлалъ ли бы такъ Сергѣй. Погоди,—остановилъ онъ меня, замѣтивъ мой порывистый жестъ,—подумаемъ внимательно: посадилъ ли бы ты Машу за столъ съ нами?

— Я посадилъ бы,—смѣло и едва дослушавъ, отвѣтилъ я.

— Ты даже не успѣлъ подумать. Вотъ представь себѣ. Папа и мама за столомъ. Бабушка, ты и я—по-бокамъ; напротивъ Андрей, Маша и кухарка. „Чего вамъ хочется“? — спрашиваетъ папа у кухарки. „Не хочешь ли еще кусочекъ утки“?—предлагаетъ онъ Машѣ. И мама кладетъ имъ въ тарелку...

Картина получалась такая дикая, невозможная, что я покраснѣлъ отъ волненія... Подумать только: важный, суровый отецъ предлагаетъ утку Машѣ. А кухарка смѣется въ фартукъ, по обыкновенію...

— Вотъ видишь, какъ это невозможно,—произнесъ Коля, прочитавъ на моемъ лицѣ то, что я думалъ.—Мы богатые... И потому, кажется мнѣ, такъ нельзя. Мама не должна мучить Машу,—а другое намъ нельзя. У Сергѣя иначе и имъ можно. Они богатые, но другіе...

— Но все-таки, Коля, я Машу жалѣю,—неувѣренно возразилъ я,—а все же правда, что и хо-

чется, и не хочется посадить ее рядомъ съ нами. Я ничего не понимаю.

Совершенно спутанный новыми вопросами, я безпомощно посмотрѣлъ на него.

— Что это съ нами дѣлается?—прошепталъ онъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились со Страннымъ Мальчикомъ, а теперь съ Сергѣемъ, вся наша жизнь перевернулась. Можно съ ума сойти,—съ отчаяніемъ вырвалось у него.—Папу развѣ спросить?

— Папа самъ ничего не знаетъ,—хотѣлъ я сказать, но устыдился и сдѣлалъ виновными не себя, не папу, который ничего не знаетъ, а Страннаго Мальчика, Сергѣя, его мать...

— Не нужно было слушать никого,—вдругъ возненавидѣвъ ихъ, вскричалъ я.—Все было хорошо, пока ихъ не было, а теперь нужно думать, но подумать ни о чемъ нельзя. Милый Коля, прогонимъ ихъ, умоляю тебя. Вотъ такъ. Скажемъ—не было Страннаго Мальчика,—намъ казалось,—не было ни Сергѣя, ни его матери,—намъ казалось, и этого лѣта не было,—намъ казалось. И опять по-прежнему заживемъ. Вотъ я уже Машу не люблю, честное слово,—ненавижу ее. Она горничная и не стоитъ, чтобы я думалъ о ней. Папа богатый и выгонитъ ее, возьметъ другую, и всѣ будутъ насъ бояться. Позови нашихъ милыхъ, дорогихъ карликовъ. Умоляю тебя, милый Коля, позови ихъ. Разскажи опять про плѣнницу и пусть она будетъ теперь похожа на Настеньку. Снова заиграетъ та славная музыка, ую только мы знаемъ. Посѣтимъ заколдо-

ванное царство, гдѣ въ цѣпяхъ томятся дорогіе наши люди. Коля, Коля, какъ я несчастенъ! Я не знаю, что со мной. Чего я хочу, если бы я зналъ, чего я хочу?!.

— Павка, что съ тобой?—крикнулъ онъ съ ужасомъ, подхвативъ меня.

Но я уже не зналъ и не помнилъ, что было дальше. Всѣ душевныя томленія, которыя я пережилъ въ послѣднее время, всѣ противорѣчія, нахлынувшія на меня сразу, со всѣхъ сторонъ, чувство безсилія и страхъ передъ чѣмъ-то роковымъ и неизбѣжнымъ, вдругъ ударили меня всей своей тяжестью, и я не выдержалъ...

Когда я пришелъ въ себя, подлѣ меня сидѣли мама и бабушка и, увидѣвъ ихъ, я началъ неистово хохотать, потомъ плакать и, плача и хохоча, я кричалъ: „мама, скажите, отвѣчайте, братья ли всѣ люди? Бабушка, милая, родная, нужно ли любить бѣдныхъ,—не любить богатыхъ?“

Мама ломала руки отъ страха и пронзительно взглядывала на бабушку, убѣжденная, что я схожу съ ума, и какъ будто меня отрывали отъ нея, чтобы увести навсегда, крѣпко прижимала къ себѣ, страстно цѣловала, а бабушка, словно благословляя, положила руки мнѣ на голову и что-то шептала.

— Да, да,—все смѣясь и перебивая себя всхлипываніемъ, повторялъ я,—я хочу знать правду, правду.

— У него былъ дурной сонъ,—догадалась, наконецъ, бабушка.

— У него былъ дурной сонъ, — повторила

мать, внезапно обрадовавшись.—Бѣдный, нѣжный ребенокъ мой, какъ мнѣ его успокоить... Маша, сбѣгай за малиной.

Я вдругъ замолчалъ. У меня былъ дурной сонъ. Милая, добрая, крѣпко любимая мама, какъ далека ты была въ ту минуту отъ меня! Ты была моей родной, ты считала себя моей, я называлъ тебя своей,—но ты была мнѣ чужой, незнакомой, новой. У меня былъ дурной сонъ, родная, и онъ уже не прекращался никогда; драгоцѣнныя сѣмена, брошенныя въ меня новыми товарищами, не совершенно погибли. Они долго лежали во мнѣ, созрѣвая съ моими силами, и много лѣтъ спустя расцвѣли и распустились. А тогда—въ ту минуту мы еще дальше стали другъ отъ друга. Кто былъ виноватъ...

Но пока это былъ дурной сонъ, и потому меня напоили малиной, уложили, накрыли тремя одѣялами и, задыхаясь подъ ними, я думалъ, думалъ... Къ вечеру я оправился. Папа сидѣлъ съ нами, былъ ласковъ, какъ на Волнорѣзѣ, смѣшилъ насъ, разсказывалъ о своемъ дѣтствѣ. Я уже не осмѣлился возбуждать вопросовъ и, притворившись дурачкомъ, беззаботно смѣялся, и мать, глядя на меня, сіяла отъ счастья. Но когда они ушли, я сдѣлалъ старый знакъ Колѣ, и онъ позвалъ своихъ карликовъ. И въ эту ночь, при звукахъ щемящей музыки, мы снова отправились въ путешествіе и посѣтили нашихъ людей въ заколдованномъ царствѣ. О, какъ много ужаснаго, жестокаго я видѣлъ тамъ. Какъ жилъ, какъ горѣлъ! И мое маленькое сердце, быстро колотив-

шееся, страстно рвалось изъ груди, чтобы крикомъ своего возмущенія и печали помочь погибавшимъ, согрѣть ихъ своей кровью. Можетъ быть, и это былъ дурной сонъ. Можетъ быть. Я жилъ въ ту ночь—я былъ человѣкомъ...

IX.

САША.

Сумерки быстро надвигались. Третья площадка нашей горы, вся освѣщенная, съ позолоченной скалой, продержалась мигъ — побагровѣла, освѣтилась темно-краснымъ огнемъ—посинѣла и потухла. Спускалась ночь. Голубятня потеряла очертанія и казалась ящикомъ, домомъ, горой. По двору торопливо двигались люди. Слышался говоръ, кашель: то рабочіе возвращались съ фабрикъ, мастерскихъ, съ дока. Андрей вывелъ изъ конюшни кабріолетъ и, осторожно опустивъ оглобли на землю, пошелъ за лошадью.

— Но, но, осади,—бормоталъ онъ громко, возясь у стойла.

Послышались глухіе удары и звонъ уздечекъ. Тяжело ступая и выбивая искры подковами, шла „Желтая“ и фыркала Андрею въ спину.

— Но, но.—бормоталъ онъ, отстраняя ее рукой и, повернувшись у кабріолета къ лошади лицомъ, сталъ напирать на нее. „Желтая“, нехотя и все

тяжело ступая задомъ, пошла въ оглобли. Андрей сталъ запрягать. Спускалась ночь.

Я стоялъ въ темномъ коридорѣ и, высунувшись изъ окна, съ нетерпѣніемъ слѣдилъ за дѣйствіями Андрея. Мать, уже готовая къ выходу, въ пышномъ платьѣ, которое чудесно шло къ ней, весело торопила бабушку. Маша, стоя на колѣняхъ и лазая вокругъ нея, оправляла складки, когда онѣ ей казались не на мѣстѣ, и безпрестанно что-то дѣлала булавками, которыя вынимала изо-рта, гдѣ ихъ было много.

— Готово ли, Маша? — спрашивала мать и, когда Маша отвѣчала: „сейчасъ, барыня", раскрывала вѣеръ и со скучающимъ видомъ обмахивалась имъ.

Во дворѣ между тѣмъ наступила тишина. Рабочіе скрылись. Ласково ворчалъ Андрей. Лошадь фыркала. Поднималась луна и пріятный свѣтло-синій свѣтъ палъ на гору.

— Еще не готово, —съ нетерпѣніемъ шепталъ я.—Милая мама, поторопись, пожалуйста, мама,— просилъ я, точно мой шопотъ могъ передать ей и мое нетерпѣніе.

Но вотъ показалась толстая тѣнь и стала у входныхъ дверей. Заворчала Бѣлка.

— Готово, Андрей?—раздался голосъ матери.

— Готово, барыня моя...—отвѣтилъ Андрей, поднявъ голову.

— Хорошо, мы сейчасъ, Андрей.

Я вздохнулъ отъ облегченія. Тотчасъ же, шурша платьемъ, съ бабушкой подъ руку, показалась мать. Маша провожала ихъ, и будто обѣ шли въ дрему-

чемъ лѣсу и могли о сучья порвать свои платья,— она и сбоковъ и сзади и забѣгая впередъ, охраняла ихъ.

— Выходятъ...—шепнулъ я Колѣ въ открытую дверь.

— Тише!—погрозилъ онъ мнѣ.

— Въ десять часовъ дѣти должны быть въ постели,—донесся ко мнѣ голосъ матери.

— Ага,—подумалъ я радостно, — они вернутся очень поздно.

— Слушаю, барыня,—отвѣтила Маша.

Стало тихо. Я ждалъ, выскользнувъ въ бесѣдку. Раздался важный отчетливый топотъ „Желтой" и Андрей, возсѣдая на заднемъ сидѣніи, показался у послѣдняго окна и осадилъ.

— Пожалуйте, барыня, — почтительно проговорила Маша.

Лошадь забила копытами. Бѣлка съ лаемъ бросилась къ воротамъ.

— Уѣхали! — крикнулъ я во весь голосъ, влетая къ Колѣ,—уѣхали!

Я вскочилъ на кровать и дважды сталъ на голову, упираясь ногами о стѣну.

— Свободны, свободны!—все кричалъ я, стоя на головѣ, и мнѣ было смѣшно, что внизу комнату опрокинутой.—Маша, скорѣе чаю!—намъ некогда.

— Маша, они уѣхали!—заоралъ Коля и, тщетно попытавшись, подобно мнѣ, стать на голову, спрыгнулъ съ кровати и понесся по комнатѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Маша внесла чай на подносѣ. Какъ далека она была теперь отъ меня. Цѣлая недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ я про-

силъ у нея прощенія, и добрыя чувства, взволновавшія меня, давно уже успѣли затеряться среди будничной жизни, съ ея маленькими радостями и маленькими заботами. Отсутствіе Сергѣя въ эти дни помогло забвенію, и Машенька опять превратилась для меня въ Машу, въ горничную, въ безотвѣтную рабыню; и, требуя отъ нея услугъ, я теперь дѣлалъ это зло, какъ бы наказывая ее за минуты моей слабости... Безучастнымъ взглядомъ посмотрѣлъ я на ея покорную фигуру и вдругъ нарочно толкнулъ ее, чтобы вывалить подносъ со стаканами изъ рукъ. И когда стаканы со звономъ ударились о полъ, а она вскрикнула отъ ожога, я съ торжествомъ выбѣжалъ въ столовую, напѣвая:

— Машка, дурка, обожглась!

— Ну, идемъ,—выговорилъ Коля, погнавшись за мной.—Они сейчасъ должны прійти.

— Машка, дурка, обожглась, — повторилъ я со смѣхомъ.

Маша вышла изъ нашей комнаты и, не показывая намъ вида, что ей больно, съ безпокойствомъ спросила:

— Куда вы уходите, паничи? вѣдь мамаша сердиться будутъ.

— Не твое дѣло, Машка, — бросилъ Коля, выбѣгая въ коридоръ.

— Не твое дѣло! -крикнулъ я въ свою очередь, наскоро допивая чай.

Она молча вышла, а я, ужасно оживленный, побѣжалъ за Колей. Возлѣ конюшни я нагналъ его и мы вмѣстѣ пошли къ голубятнѣ, гдѣ было назначено свиданіе съ Сергѣемъ и Настенькой.

— Ихъ еще нѣтъ,—произнесъ Коля, глядя на луну.

— Сейчасъ придутъ,—увѣренно отвѣтилъ я, и постучалъ зубами отъ волненія.

Въ комнатѣ Страннаго Мальчика былъ свѣтъ. Зналъ ли онъ, что мы сейчасъ будемъ у него? Свѣча съ прыгавшимъ пламенемъ мерцала, какъ звѣзда. Весь дворъ и стѣны флигелей и крыши утопали въ яркихъ синеватыхъ тѣняхъ и отъ нихъ было весело, какъ въ праздничный день. Изъ голубятни шли шорохи, воркованіе. Кричали птенчики, протяжно, жалобно.

— Кто-то идетъ...—прошепталъ Коля.

Я впился глазами въ длинныя качавшіяся тѣни придвигавшіяся своими огромными головами къ стѣнѣ лѣваго флигеля.

— Это Сергѣй и Настя, — прошепталъ я волнуясь,—кто же третій?

Тѣни согнулись и головы ихъ легли на стѣнѣ.

— Это Степа,—съ удивленіемъ произнесъ я,—откуда онъ взялся?

Мы вышли изъ засады и поздоровались. Степа, смѣясь и видимо довольный, что озадачилъ насъ, размахивалъ корзинкой, наполненной до краевъ.

— И ты здѣсь, — произнесъ я, чуть разочарованный.

Онъ не отвѣтилъ и только шире сдѣлалъ свое улыбавшееся лицо.

— Ну, вотъ и мы,—проговорилъ Сергѣй,—и я вдругъ почувствовалъ, что недоволенъ его голосомъ.—Что у васъ новаго?

— Странный Мальчикъ выздоровѣлъ, отвѣтилъ Коля.

— Знаю; Степа сказалъ. Ничего другого? Пойдемъ. Странный Мальчикъ ждетъ насъ.

— Когда ты познакомилась съ Степой?—шопотомъ спросилъ я у Настеньки.

— Это секретъ,—таинственно отвѣтила она.

— Секретъ?—переспросилъ я обиженнымъ голосомъ и ясно почувствовалъ, что теряю веселость и оживленіе.

— А мнѣ казалось,—промолвилъ я сейчасъ же,—что ты никогда не захочешь познакомиться съ нимъ.

— Почему же, Павелъ?—съ изумленіемъ спросила она.

— Онъ... грязный, Настя.

— Онъ славный, Павелъ...

Я хотѣлъ отвѣтить, объяснить, — почему Степа не могъ быть ей товарищемъ, но уже не успѣлъ. Сергѣй входилъ въ квартиру Алеши. Настроеніе мое совершенно испортилось и, глядя съ неудовольствіемъ на Настеньку, я думалъ:—„Тебѣ нравится Степа, нехорошая! Ну и пусть. Я найду лучшую Настеньку, чѣмъ ты. Ты выйдешь замужъ за него и у тебя мужъ будетъ кузнецомъ“. Но это не только не успокоило меня, а еще больше разстроило. Я совсѣмъ надулся, и отошелъ отъ нея чтобы она почувствовала мое презрѣніе. На всемъ кругомъ потемнѣли краски. Что-то грызло мою душу, что-то безпокоило. Въ комнату я вошелъ пасмурнымъ. Снявъ шапку и бросивъ „здравствуйте“ я, пригорюнившись, усѣлся въ углу, и старался

только о томъ, чтобы не поддаться искушенію взглянуть на Настеньку.

— Пусть знаетъ,—обиженно думалъ я.—Теперь она увидитъ, кто лучше: я или Степа.

Между тѣмъ, Алеша, увидѣвъ насъ, улыбнулся своей доброй улыбкой и подошелъ къ намъ.

Настенька подала ему руку и долго вглядывалась въ него. Сергѣй ерошилъ волосы.

— Я радъ, что вы пришли,—говорилъ Алеша...

Въ комнатѣ стояли двѣ деревянныя кровати и на одной изъ нихъ лежалъ мальчикъ, до подбородка закрытый одѣяломъ. Въ углу, подлѣ печи, на низенькой скамеечкѣ, сидѣлъ старикъ съ большой сѣдой бородой, покрывавшей всю его грудь, держалъ палку въ рукахъ, вертѣлъ ею и чертилъ что-то на полу. Сосѣднюю комнату занимала лавка, и въ стеклянную дверь я видѣлъ женщину, вѣроятно мать Алеши. И все въ комнатѣ казалось такимъ тихимъ, скромнымъ, молчаливымъ, что мысль о другой жизни за этими стѣнами казалась обманомъ, сномъ. Незамѣтно и не привлекая вниманія, впсѣла икона... На стѣнѣ, между двумя картинами, въ клѣткѣ прыгалъ и царапался чижикъ, а подъ столомъ, какъ одногнѣздки, высунувъ хвосты, лежали обнявшись котенокъ и собачонка. Нѣжная тоска по чемъ-то прошломъ, утраченномъ, не тревожа, тихо вошла въ мою душу.

— Я радъ, что вы пришли,—говорилъ Алеша, обращаясь къ намъ, къ Настенькѣ...

— Воронъ!..—раздалось въ углу.

Я вздрогнулъ. Настенька и Коля со стра-

хомъ обернулись. То говорилъ старикъ съ огромной сѣдой бородой и чему-то улыбался.

— Молчи, отецъ,—оборвалъ его мальчикъ, лежавшій на кровати.

Онъ повернулся къ старику и, опираясь на локти, долго смотрѣлъ на него въ упоръ, какъ кошка на воробья.

— ...И вы сдѣлали хорошо,—добавилъ Алеша такимъ голосомъ, что всѣмъ стало хорошо на душѣ.

Только я еще бунтовался. Настенька оглянулась на меня.

— Монахъ... Красный Монахъ...—продолжалъ старикъ и распустилъ бороду такъ, что она покрыла всю его грудь.

— Молчи, отецъ,—еще громче произнесъ мальчикъ, лежавшій на кровати—и голосъ его теперь угрожалъ.

Старикъ поставилъ палку межъ ногами и, насторожившись, внимательно прислушивался. Настенька со страхомъ прижалась къ Сергѣю, и испуганно взглядывала на старика.

— Кто это?—спросилъ тихо Сергѣй у Алеши.

Степа смѣялся и дѣлалъ гримасы.

— Это мой отецъ, слѣпой,—отвѣтилъ спокойно и улыбаясь Алеша —Вы не бойтесь,—онъ хорошій...

— Что же онъ говоритъ о Воронѣ?

— Это его тайна,—загадочно произнесъ Алеша,—мнѣ нельзя сказать.

— Ему снятся черти, — сердито выговорилъ мальчикъ съ кровати. — Отецъ!— крикнулъ онъ,— положи палку, я приказываю.

Мы всѣ задрожали отъ безумнаго страха. Слѣпой повертѣлъ палкой, будто писалъ ею въ воздухѣ, и положилъ ее на колѣни.

— Онъ добрый,—говорилъ Алеша,—онъ хорошій,—онъ все знаетъ...

— Монахъ,—прошепталъ слѣпой.

— Вотъ это, Саша,—обратился Алеша къ мальчику на кровати, и мы слушали съ глухимъ безпокойствомъ,—мои новые знакомые: Сергѣй, Настя. Коля, Павелъ...

Саша приподнялся на локтѣ и внимательно осмотрѣлъ насъ.

— Она мнѣ нравится,—дѣловито произнесъ онъ, указывая на Настеньку.—Пусть она сядетъ возлѣ меня. А гдѣ Степа?!. Степа тоже.

Голосъ у него былъ такой же, какъ у Алеши, но казался болѣе равнодушнымъ и не тревожилъ Степа прыгнулъ къ нему на кровать и оба они улыбнулись другъ другу. Настя передвинулась такъ, что стала ему видна вся. Теперь и я заинтересовался и устроился подлѣ Сергѣя.

— Почему ты не встаешь,—недовѣрчиво спросила Настенька, усаживаясь на табуреткѣ.—Встань, пожалуйста, и я тебя не буду бояться.

— Настя,—съ упрекомъ выговорилъ Сергѣй.

— Но я его боюсь,—упрямо повторила она.

И когда Алеша подошелъ къ ней, чтобы успокоить, она вдругъ, забывъ о страхѣ, подала ему корзинку и сказала:

— Мама прислала вамъ всѣмъ... какъ братьямъ...

— У меня мертвыя ноги, — раздался голосъ Саши,—я всегда лежалъ.

— Какъ жаль,—произнесъ Коля, внимательно посмотрѣвъ на него.

— Мертвыя ноги!—съ удивленіемъ вырвалось у меня и у Сергѣя.

Слѣпой завозился въ углу, и я повернулся спиной къ нему, чтобы совершенно не видѣть его.

— Какъ здѣсь все странно,—со страхомъ подумалъ я.

— Ты была на горѣ?—спросилъ Саша, тронувъ рукой Настеньку, и она отодвинулась.—Разскажи мнѣ о ней. Черезъ нѣсколько дней мать на рукахъ понесетъ меня во дворъ и я ее увижу.

— Я была на горѣ, — важно сказала Настя и всѣ ея ленточки задвигались на ней,—и тогда она еще цвѣла вся. Теперь гора умерла...

— Алеша,—позвалъ слѣпой.—Выйди во дворъ и посмотри, гдѣ луна стоитъ?

— Сейчасъ, отецъ, — отвѣтилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

— Тебѣ не скучно лежать?—спросилъ Сергѣй у Саши.

— Некогда скучать, — серьезно произнесъ Саша.—Я весь день чѣмъ нибудь занятъ. Мнѣ нужно за домомъ смотрѣть. Отецъ—слѣпой, занятъ своимъ, — и все о чемъ-то съ Алешей шепчется. Мать ничего не понимаетъ. Не понимаетъ, — какъ бы удивляясь этому, повторилъ онъ.—Только плачетъ и жалуется. Развѣ слезы помогаютъ? Вещь—не пословица, жалоба—не дѣло.

— Но ты вѣдь не ходишь, — возразила Настенька,—какъ же ты за домомъ смотришь?

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, а Степа,

знавшій его мысли, разсмѣялся и захлопалъ въ ладошки.

— Вотъ ноги умѣютъ ходить,—сказалъ онъ,— а что толку? Безъ ногъ худо—безъ головы круто. А тутъ всѣ безъ головы. Вотъ въ чемъ бѣда. Отецъ все сидитъ и шаритъ руками—точно тараканъ возится. То съ Алешей шепчется, — о чемъ говорятъ, я и не пойму. А ихъ кормить нужно. Отецъ любитъ покушать. Во время не подашь— сердится, плачетъ. Вотъ онъ какой. Мать, когда въ комнатѣ, тоже плачетъ. Слезъ у насъ тутъ много. Слезъ не оберешься, — прибавилъ онъ угрюмо.

Вошелъ Алеша и громко сказалъ:

— Луна стоитъ надъ башней, а флюгеръ горитъ, какъ звѣзда.

— Ну, такъ сегодня поѣдемъ,—отвѣтилъ слѣпой,—и лицо у него стало свѣтлое, пріятное,— садись ближе, Алеша.

У Алеши заблестѣли глаза и—будто насъ не было въ комнатѣ—онъ усѣлся возлѣ старика. Голосъ его ласкалъ, какъ звуки струнъ, когда по нимъ ударятъ ладонью...

— Говори, отецъ,—попросилъ онъ.—Луна стоитъ надъ башней...

Слѣпой загадочно улыбнулся, погладилъ бороду Горячій шопотъ тронулъ тишину. Будто листья зашелестѣли.

— Вотъ такъ всегда они,—произнесъ Саша, съ безпокойствомъ слѣдя за ними.—О чемъ говорятъ, не пойму.

Въ голосѣ его была досада, но глаза неотлучно

подстерегали каждое движеніе Алеши. Вдругъ онъ уперся на локоть и громко крикнулъ:

— Алеша!

Странный Мальчикъ медленно повернулъ голову, будто она была теперь такъ тяжела, что не поддавалась его усиліямъ. Глаза были полузакрыты. Что то блаженное неземное лежало въ его улыбкѣ.

— Алеша, Алеша!—все громче звалъ Саша.

— Лежи спокойно,—медленно, какъ бы вдумываясь, отвѣтилъ Странный Мальчикъ, — я не сплю.

— Отчего же твоя мать плачетъ?—спросилъ Сергѣй дрожащимъ голосомъ,—и мы снова встревожились.

— Отъ дѣлъ плачетъ,—отвѣтилъ Саша, успокоившись, и повернулся къ намъ.—Ртовъ тутъ много, а дѣла плохія. Мать куда какъ мало кушаетъ, а я еще меньше. Все для нихъ бережемъ.

Онъ метнулъ глазами въ сторону старика и Алеши и уже шопотомъ прибавилъ:

— И еще потому плачетъ, что сестренка наша умерла. Въ прошломъ году умерла. Аннушкой звали. Одна у насъ дѣвочка была—и та умерла. Никакъ мать ее забыть не можетъ. Всѣ забыли,—она не забываетъ.

— Плохо у васъ тутъ,—вырвалось у Коли.

— Ну, и плохо...—вдругъ сорвался Степа, тяжело дыша. Казалось мнѣ, онъ злился на насъ и у него глаза горѣли.—А я для Сашки на ножъ пойду. Батькѣ не уважу за него. Хочешь, сейчасъ тебѣ съ горы земли принесу? хочешь лягушку достану?

— Сиди, сиди,—дѣловито, но нѣжно отвѣтилъ Саша,—и я тебя люблю.

Степа угрюмо, все тяжело дыша, опять усѣлся и сталъ съ благоговѣніемъ слушать.

— Очень нехорошо у васъ,—печально произнесъ Сергѣй, и всѣмъ намъ сдѣлалось тяжело отъ его голоса,—но мать моя уже все разберетъ.

— Какъ лучше сдѣлать?—угрюмо подхватилъ Саша.—Только даромъ голову мучишь. Кому оно нужно? Не видать кому. Сдается, будто кто балуется, а намъ достается.

— Тебѣ жаль сестренки, Саша?—съ жалостью спросила Настенька.

Онъ задумался, какъ будто загадку рѣшалъ, и не могъ найти отвѣта.

— Я и самъ себя спрашивалъ, жалко ли мнѣ ея, или не жалко. Не знаю. Тѣсно ей было жить здѣсь, и никому она не нужна была. Вотъ оно что. И мы никому не нужны,—вдругъ прибавилъ онъ растерянно,—и никто никому не нуженъ...

Настенька всплеснула руками. Я тоскливо посмотрѣлъ на нее, на Степу и вдругъ обрадовался чему то. Было такъ, какъ будто я до сихъ поръ говорилъ: „не хочу, не хочу“,—а кто то сильный сказалъ: „надо“,—и я уступилъ.

— Степу нужно любить,—молніей пронеслось у меня,—и я его люблю,—сейчасъ же отвѣтилъ я себѣ.

— Вотъ, я Алешу люблю, — опять сказалъ Саша,—больше себя люблю.—Куда Аннушка добрая была, а онъ еще добрѣе. Смотритъ онъ за мной крѣпко—да толку мало. И въ дѣло тоже не

годится, и мать не годится. Она вѣдь шагу безъ меня не дѣлаетъ. Я деньги считаю, долги записываю. Что мать, что камень—все одно. А кто тутъ изъ васъ хозяйскій сынъ?

— Онъ хозяйскій сынъ,—отвѣтилъ Степа, указывая на Колю,—и Павка тоже.

— Хорошо быть хозяиномъ,—задумчиво произнесъ Саша, поглядѣвъ на насъ.—И гора ваша?

— Гора наша,—сказалъ Коля.

Саша замолчалъ вдругъ, и мы не знали о чемъ говорить съ нимъ. Словно лежалъ старый, старый человѣкъ, а мы безпокоили его, и отъ этого стало неудобно какъ-то, непріятно. Старикъ все шарилъ руками и шепталъ. Открылась дверь изъ лавки и вошла мать Алеши. Она была высокая, худая, съ мутными, какъ у рыбы, глазами и длиннымъ, длиннымъ носомъ. Лицо у нея было въ красныхъ пятнахъ, какъ будто раскрашенное. Она ходила ровно, не качаясь, точно кто-то держалъ ее за носки и такъ передвигалъ. Слѣпой, услышавъ, что дверь раскрылась, пересталъ шептать и недовольнымъ голосомъ сказалъ:

— Мнѣ, Марья, время покушать. Кушать я хочу.

— Вотъ слышите, — шепнулъ намъ Саша,— только объ этомъ и слышишь: „Мнѣ, Марья, время покушать“. Днемъ покушаетъ и пойдетъ на улицу.

— На улицу?—удивилась Настенька, — вѣдь онъ слѣпой.

— Онъ привыкъ. У него палка — что глаза. Стучитъ палкой передъ собой и ходитъ. А зачѣмъ ходить? На улицѣ ему худо — мальчики его му

чаютъ. Дергаютъ его сзади, палку вырываютъ, и онъ падаетъ. Вотъ онъ и придетъ, сядетъ и плачетъ. Крѣпко плачетъ. Зачѣмъ ходить. Я все слышу, вижу и тоже плачу... потихоньку. У насъ только Алеша не плачетъ.

Опять Саша замолчалъ. Старуха возилась у печки. Слѣпой ждалъ, стучалъ тихо палкой и писалъ ею на полу.

— Чьи дѣти?—спросила вдругъ старуха съ безпокойствомъ, и дала старику ѣсть.

— Иди, мать, въ лавку и не бойся,—отвѣтилъ Саша.—Дѣти хозяйскія. Вотъ корзину прислали тебѣ. Послѣ разберешь.

— Хозяйскія,—повторила она равнодушно.—Ну, и пусть... Христосъ съ ними. Я, Саша, посижу здѣсь.

— Нельзя, мать, ступай въ лавку. Придетъ человѣкъ, никто не увидитъ, а онъ изъ лавки унесетъ. Худо намъ будетъ.

Она переполошилась отъ испуга.

— Взаправду придетъ?—спросила она.

— Будешь здѣсь, придетъ. Добро стеречь нужно.

— Такъ я пойду, Саша.

— Иди, мать, иди!

— Ты позови, когда что нужно будетъ. Я приду.

— Я позову. Иди.

Старуха вышла. Слѣпой уже поѣлъ и поднялся. Онъ былъ толстый, высокій,—и теперь борода его казалась еще страшнѣе. Лицо у него было въ морщинахъ, а вѣки онъ держалъ плотно закры-

тыми. Палка начала стучать по полу, и казалось, что глаза тихонько прыгаютъ по землѣ и указываютъ дорогу.

— Ты куда идешь, отецъ?—спросилъ Саша,—ночь теперь...

— Пойду подъ луну стану. Луна мнѣ нужна.

— Зачѣмъ тебѣ луна? Садись, гдѣ сидѣлъ.

— Пойду я,—угрюмо отвѣтилъ старикъ.

— Садись, отецъ. И безъ луны обойдешься.

— Ты что въ лунѣ знаешь?—вдругъ засмѣялся слѣпой и это шло къ нему.—Ты, червякъ... земной...

Ему, очевидно, понравилось это слово, и онъ нѣсколько разъ кряду повторилъ: „червякъ, червякъ", и прибавилъ съ нѣжностью въ голосѣ:

— Про луну у Алеши спроси. Онъ знаетъ.

— Не хочу о лунѣ знать. Человѣку хлѣбъ нуженъ,—вотъ про это разскажи.

— А я знаю, что хлѣбъ не нуженъ, — лукаво выговорилъ онъ,—я знаю. Правда, Алеша?

Алеша наклонилъ голову и гармоническимъ голосомъ сказалъ:

— Хлѣбъ никому не нуженъ, никому!

Сергѣй давно порывался вмѣшаться, но сдерживался. Позже онъ говорилъ намъ, что у него закружилась голова среди этихъ людей. Теперь онъ вдругъ поднялся, и густымъ ровнымъ голосомъ спросилъ:

— Что такое жизнь?

Я вздрогнулъ отъ радости, но тотчасъ же растерялся. Коля и Настенька поднялись за Сергѣемъ. Было такъ, будто этотъ вопросъ все время

мучилъ насъ, каждый думалъ о немъ, и только за тѣмъ и пришелъ, чтобы спросить.

— Что такое жизнь?—говорилъ Сергѣй,—если знаете, скажите. Съ вами съ ума сойдешь.

— О, о, онъ горячій!—опять засмѣялся слѣпой.

— Жизни нѣтъ,—тихо, но увѣренно отвѣтилъ Алеша.

Настенька опять всплеснула руками и смотря прямо на Алешу, взволнованно произнесла:

— Жизнь есть, Алеша,—вы говорите неправду. Вы здѣсь, я говорю съ вами... Сергѣй слушаетъ. Это жизнь.

— Вамъ кажется,—спокойно возразилъ Алеша.

— Кому кажется,—подхватилъ Сергѣй, — мнѣ или вамъ?

На лицѣ слѣпого играла лукавая усмѣшка. Словно вѣчные враги сошлись,—а ему дорога была побѣда одного,—онъ гладилъ бороду, слушалъ и кивками одобрялъ Алешу.

— Мнѣ кажется,—убѣжденно отвѣтилъ Алеша, чуть покраснѣвъ, — васъ все-таки нѣтъ, хотя я и отвѣчаю вамъ.

— Вы сумасшедшій!—точно она, наконецъ, догадалась, воскликнула Настенька,—и я задрожалъ отъ ея голоса.

— Червякъ, червякъ...—проговорилъ слѣпой, и тихо и долго смѣялся.

— Уйдемъ отсюда, — вырвалось у меня, — я боюсь.

Мы переглянулись, — и отъ моего голоса всѣ поняли, какъ намъ страшно. И лишь только поняли,—страхъ удесятерился, и точно кто-то выстрѣ-

лилъ въ насъ, мы вдругъ бросились къ двери и съ крикомъ выскочили во дворъ.

— Больше никогда не пойду къ нимъ,—шепнулъ я Колѣ.

— Вотъ странные люди,—запыхавшись прибавилъ Сергѣй.

Настенька держала его за руку,—и тихо говорила: „Какіе они несчастные!"

Посреди двора мы остановились, чтобы разобраться въ томъ, что случилось. Отъ голубятни падала длинная тѣнь...

Вдругъ я крикнулъ не своимъ голосомъ. Кто-то сзади тронулъ меня за куртку.

— Отчего вы крикнули?, — раздался голосъ Алеши. Я бросился къ Сергѣю и, держась за него, со страхомъ глядѣлъ на Алешу.

— Я вѣдь не страшный,—тихо говорилъ онъ и луна освѣщала его лицо. — Вотъ вы убѣжали и Саша заплакалъ. А въ домѣ нехорошо, когда онъ плачетъ.

— Но вы всѣ такіе чудные...—произнесъ Сергѣй.

Алеша пожалъ плечами.

— Приходите завтра на гору,—вдругъ предложилъ онъ. Придете? Мать вынесетъ Сашу во дворъ и онъ всѣхъ васъ будетъ видѣть. Когда я ему это обѣщаю,—онъ успокоится. Придете? — попросилъ онъ, какъ бы дѣлая кому-то уступку.

— Я приду,—съ жаромъ произнесъ я,—я тебя люблю. Боюсь и люблю. А разскажешь о Красномъ Монахѣ? Милый Алеша, обѣщай намъ и мы всѣ придемъ.

— Я разскажу,—серьезно отвѣтилъ онъ.—Под-

нимемся на третью площадку, и будемъ смотрѣть на море.—Тамъ и разскажу. Пошелъ бы теперь, но Саша ждетъ. Море ночью еще краснѣе.

— Развѣ ты былъ ночью на горѣ?—недовѣрчиво спросилъ Сергѣй.

— Конечно, былъ...

— И не боялся,—съ нетерпѣніемъ допытывался Сергѣй.

— Я никого не боюсь,—улыбнувшись отвѣтилъ Алеша.

— Алеша!—позвалъ голосъ Слѣпого,—Алеша!

— Ну, прощайте! Завтра на горѣ увидимся,—торопливо сказалъ онъ.—Прощайте!

— Прощай!—крикнули мы всѣ въ одинъ голосъ и смотрѣли ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся въ комнатѣ.

— Онъ бы и мать мою удивилъ, — сказалъ Сергѣй.—Однако пора, милые, домой.

Мы всѣ были такъ полны пережитыми впечатлѣніями, что не хотѣлось ни о чемъ говорить, думать.

— Домой, домой,—заторопился и я,—скоро мама съ папой вернутся. Придешь завтра на гору, Сергѣй? А ты, Настя?

Оба кивнули головой и мы простились.

— Еще нѣсколько дней и снова начнется осень...—говорилъ я Колѣ, раздѣваясь.—Какъ скучна жизнь. Правда, Коля?

— Интересна,—возразилъ Коля и, потушивъ свѣчу, накрылся одѣяломъ.

— Завтра узнаемъ о „Красномъ Монахѣ“— сказалъ я громко черезъ нѣсколько минутъ, но Коля уже не отвѣтилъ мнѣ. Повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, онъ спалъ.

X

КРАСНЫЙ МОНАХЪ.

Этотъ день выдался чудесный. Никогда осеннее безъ тепла солнце не казалось мнѣ такимъ огромнымъ, свѣтлымъ; никогда даже при закатѣ оно не сверкало такой чистой бѣлизной, какъ въ это памятное утро. Кругъ неба, повязанный своими облаками, словно теплымъ шарфомъ, терялся въ сѣрой дали и отъ солнца отлого спускалась темная холодная синева. Воробьи, преслѣдуемые копчиками, летали стаями,—не чирикали. Посреди двора гордо расхаживалъ огромный красный пѣтухъ, драчунъ и забіяка, и десятокъ куриц, словно войско, слѣдовали за нимъ. Холода не было. Растянувшись, какъ убитая, лежала Бѣлка подлѣ конюшни, а на низенькой скамеечкѣ, весь уйдя въ работу, сидѣлъ Андрей и чинилъ хомутъ. Съ земли срывались голуби. Они щелкали крыльями сильно и увѣренно, а отъ этихъ звуковъ Бѣлка съ безпокойствомъ вздрагивала, поднимала

голову и взглядывала на Андрея. Убѣдившись что все благополучно, она снова безпечно клала морду между лапами.

— Пойдемъ,—торопилъ меня Коля.—Я вижу на горѣ Сергѣя.

Онъ крикнулъ ему, махнулъ рукой, когда тотъ обернулся, и мы быстро понеслись на первую площадку.

— Здравствуй,—бросилъ Коля, когда мы очутились на верху.—Гдѣ же Настенька?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ, замѣтивъ, что ея не было съ Сергѣемъ.

— Настя не придетъ,—отвѣтилъ Сергѣй,—она уѣхала съ отцомъ.

— А!..—разочарованно произнесъ я.

Коля опустилъ глаза и молча сталъ подниматься на вторую площадку.

— Мать,—разсказывалъ Сергѣй,—заинтересовалась Алешей...

— Заинтересовалась...—повторилъя хладнокровно, все еще разстроенный тѣмъ, что Насти не было съ нами.

— Да, заинтересовалась...

— Вотъ Алеша!—крикнулъ Коля, замѣтивъ, Страннаго Мальчика, который при звукѣ его голоса поднялъ голову.

Мы быстро сдѣлали обходъ, миновали ровъ раздѣлявшій гору на двѣ половины и побѣжали по узенькой тропинкѣ, ведшей полукругомъ къ площадкѣ.

— Я давно васъ жду,—проговорилъ Алеша,

когда мы подошли къ нему и поздоровались.—Я обѣщалъ Сашѣ...

— Вотъ какъ!..—невольно вырвалось у меня,—Саши боишься?

— Я никого не боюсь,—отвѣтилъ Алеша,—но не будемъ говорить о томъ, что дома. На душѣ становится скучно, печально... Пойдемъ на верхъ.

Онъ сейчасъ же тронулся, показалъ обходный путь, о которомъ мы не подозрѣвали и, цѣпляясь, какъ кошка за выступы камней, поползъ по горѣ.

— Здѣсь нужно сдѣлать прыжокъ,—раздался его голосъ,—и мы будемъ на мѣстѣ.

Онъ прыгнулъ куда-то въ пропасть, и мнѣ показалось, что онъ улетѣлъ отъ насъ. Сергѣй грузно подскочилъ и очутился на другой сторонѣ.

— Прыгайте, прыгайте!—командовалъ Алеша.

Я зажмурилъ глаза, прыгнулъ. Сергѣй подхватилъ меня и черезъ минуту мы всѣ стояли на третьей площадкѣ.

— Теперь,—произнесъ Алеша, не давая намъ опомниться,—поднимемся на скалу.

Онъ повелъ насъ и опять мы, какъ слѣпые, царапались по отвѣснымъ камнямъ, теряли дыханіе, дрожали отъ страха.

— Мы одни...—мелькнуло у меня, и ужасъ вошелъ въ сердце.

— Вотъ скала...—громко произнесъ Алеша, повернувшись къ намъ.—Смотрите!

Мы оглянулись. Что-то круглое, ласковое вдругъ затрепетало во мнѣ. Какой просторъ!.. Огромные пароходы ушли куда-то внизъ и теперь всѣ вмѣстѣ казались широкой узорчатой каймой.

И сейчасъ же, полукруглое, какъ серпъ луны, плавно и спокойно выступило сѣрое море... Горизонтъ, похожій на сизую ткань, висѣлъ надъ краемъ моря и казалось скрывалъ отъ насъ другую половину міра. Сбоку и далеко потянулись селенія, съ крошечными церковками и домами, и были подобны дѣтскимъ городамъ. Звуковъ не было. Стояла небесная суровая тишина и хотѣлось стать на колѣни и молиться...

— О, какъ тутъ дивно!.. воскликнули мы всѣ въ одинъ голосъ.

Странный Мальчикъ очнулся отъ задумчивости и ласково произнесъ.

— Глядите,—мать выноситъ Сашу во дворъ. Встанемъ, чтобы онъ насъ увидѣлъ.

Мы бросили жалный взглядъ внизъ. Какой то мальчикъ сидѣлъ подлѣ конюшни, похожей на голубятню, и не то отдыхалъ, не то работалъ.

Неужели это былъ Андрей? Дѣвочка выносила кого-то на рукахъ, вѣроятно Сашу.

— Саша!..—крикнулъ Алеша и махнулъ рукой.

— Саша, Саша!.—крикнули и мы, махая шапками, поясами, платками.

— Теперь онъ счастливъ...—прошепталъ Алеша, усаживаясь.

Я бросился на землю, растянулся и, положивъ руки подъ голову, заглядѣлся на небо. Оно было такъ близко, такое голубое, родное... И душа моя рвалась къ нему...

— Разскажи теперь о Красномъ Монахѣ,—тихо попросилъ я... теперь... Коля и Сергѣй усѣлись

рядомъ, и нѣжный голосъ Страннаго Мальчика нарушилъ тишину.

— Красный Монахъ,—взволнованно произнесъ онъ, взглянувъ на небо,—Красный Монахъ...

Мы замерли отъ вниманія...

— „Ночь прошла... И лишь только въ круглыя окна моей башни заглянули четыре солнца, открылась дверь и вошелъ учитель въ походной одеждѣ... Сейчасъ же въ стѣнахъ нашего замка раздалась торжественная музыка. Учитель сдѣлалъ знакъ рукой... Музыка утихла. Стѣны раздвинулись и показались двое юношей, несшіе мои одежды...

— „Но здѣсь одежды воина,—произнесъ я, удивленный.—Учитель, развѣ мы поѣдемъ не къ Млечному Пути?

„Онъ не отвѣтилъ и долго смотрѣлъ на меня испытующимъ взглядомъ, медленно поглаживая длинную сѣдую бороду.

— „Сегодня ты будешь воиномъ,—сказалъ онъ...

„Стѣны сдвинулись. Опять раздалась музыка, теперь тихая, нѣжная, словно хотѣла навѣять радость, и, пока юноши одѣвали меня, темпъ ея мѣнялся. Но какъ только короткій стальной мечъ очутился въ моихъ рукахъ, будто буря пробѣжала въ стѣнахъ...

— „Учитель!..—крикнулъ я,—учитель, что это?

— „Ты будешь воиномъ,—повторилъ учитель, пропуская меня впередъ.

„У воротъ насъ уже ждала пара лучшихъ серебряныхъ лошадей. За ихъ бѣгомъ не могъ бы

угнаться и орелъ. Они били копытами о воздухъ и казались безпокойными.

— „Учитель,—произнесъ я когда мы вышли за ограду замка,—лошади безпокойны...

— „Они спокойны,—отвѣтилъ онъ. Поѣдемъ. Дорогой я разскажу тебѣ тайну, которую до сихъ поръ скрывалъ отъ царя, отца твоего. Великая минута наступила...

„Въ воздухѣ раздалось карканіе. Огромный Воронъ, покружившись надъ нашей головой, быстро полетѣлъ на сѣверъ.

— „Воронъ...—прошепталъ онъ, и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— „Поѣдемъ,—попросилъ я...

„Мы сѣли на коней и шагомъ выѣхали изъ дворца. Учитель, держа поводья, задумчиво перебиралъ ихъ руками, и я не смѣлъ потревожить его. Но мое нетерпѣніе узнать тайну еще больше возрасло, когда онъ произнесъ:

— „Пусть Воронъ летитъ, но на этотъ разъ все рѣшится...

„Мимо насъ торопливо проходили жители нашего царства и какъ тѣни скользили по воздуху. Въ четырехъ углахъ неба горѣли огромныя солнца и отъ нихъ оно было бѣлымъ. Вдали уже выросталъ гигантскій дворецъ отца моего, весь сдѣланный изъ стекла, съ зубчатыми башнями, круглыми, четырехугольными,—и тихо колебался въ воздухѣ. Отражая лучи солнцъ—онъ весь горѣлъ разноцвѣтными огнями. Вокругъ, охраняя его, медленно шли четыре исполинскихъ стеклянныхъ слона, поднявъ свои хоботы къ небу...

„Поравнявшись съ дворцомъ, мы обнажили головы и когда миновали послѣднюю дверь угловой башни, гдѣ несомнѣнно находился Мудрецъ, наблюдавшій за звѣздами,—пустили лошадей во весь опоръ. Мы летѣли долго. Царство отца моего уже исчезло на горизонтѣ и теперь мы находились въ безбрежномъ пространствѣ. Было свѣтло, прозрачно, и міръ медленно раздвигалъ свои границы въ безконечность. Кругомъ ни звука, ни облаковъ, ни звѣздъ, ни людей. Вдругъ учитель задержалъ лошадь и, пустивъ ее шагомъ, произнесъ:

— „Теперь мы среди безконечности, и слово мое не дойдетъ до царя, отца твоего, чтобы смутить его покой. Выслушай меня внимательно. Давно, давно уже, въ продолженіе многихъ вѣковъ, я веду борьбу съ „Однимъ“ отъ котораго исходитъ зло въ мірѣ. Иногда я умѣлъ побѣждать его и уничтожалъ ядовитыя сѣмена, которыя онъ разбрасывалъ по міру, но часто побѣда оставалась на его сторонѣ. Это онъ завладѣлъ тьмой нашего царства и люди отца твоего тоскуютъ о ней, тоскуютъ о ночи. Это онъ уничтожилъ хлѣбъ на поляхъ. Это онъ разсылаетъ болѣзни...

— „Кто этотъ врагъ, учитель?—перебилъ я его съ трепетомъ.

— „Кто онъ?—глухимъ голосомъ повторилъ учитель.—Красный Монахъ, Красный Монахъ.

„Я вздрогнулъ. Красный Монахъ?!.. Такъ вотъ почему это имя съ ужасомъ произносилось въ нашемъ царствѣ. Никто не видѣлъ это злой силы, но всякій зналъ о ея существованіи. Каждый день сотни людей исчезали изъ нашего царства, и ни-

когда нельзя было открыть, кто ихъ уносилъ... Учитель зналъ и молчалъ...

— „Учитель,—твердо произнесъ я,—мы сейчасъ повернемъ домой Я долженъ раскрыть отцу моему эту тайну.

— „Мы не вернемся,—холодно сказалъ учитель.

— „Но что же дѣлать?—вскричалъ я въ отчаяніи.

— „Если бы я не зналъ, что дѣлать, никакая сила не вырвала бы тайны изъ моей души... Великая судьба ожидаетъ тебя!..

„Я съ волненіемъ посмотрѣлъ на учителя и онъ увѣренно кивнулъ головой.

— „Великая судьба...—повторилъ онъ.

— „Что же нужно сдѣлать, говорите?!—лихорадочно произнесъ я, увѣренный, что именно мнѣ предстоитъ борьба съ Краснымъ Монахомъ

— „Подожди. Какъ радуетъ меня твоя смѣлость, Въ твои годы царь, отецъ твой, былъ такимъ же..

— „Видѣли ли вы Краснаго Монаха?

— „Только одинъ разъ, когда я спасъ отца твоего отъ его рукъ.

— „Научите же меня, какъ побѣдить врага!

„Учитель погладилъ бороду и сказалъ:

— „Есть два способа побѣдить Краснаго Монаха: грубой силой или умомъ. Я самъ ничего не могу открыть тебѣ. Это тайна. Но въ ту минуту, когда я вызову Краснаго Монаха, ты самъ узнаешь, какъ поступить. Сейчасъ же, прежде чѣмъ рѣшиться, ты еще долженъ подвергнуться испытанію. Приготовься, намъ предстоитъ долгій путь!

„Какъ бы дополняя его слова, конь мой въ мигъ

взвился, сдѣлалъ большой кругъ и плавно спустился внизъ.

— „Впередъ! — произнесъ учитель, погладивъ моего коня,—впередъ!..

„И мы помчались. Мы летѣли, долго, день, другой, десятый...

— „Скоро ли?—спрашивалъ я съ нетерпѣніемъ.

— „Скоро, скоро,—отвѣчалъ учитель и опять мы летѣли, дни, недѣли...

„На исходѣ второго мѣсяца, на горизонтѣ показалось что-то безформенное, громадное.

— „Скоро мы будемъ у цѣли,—произнесъ учитель.

„Мы приближались... Туманная громада сжималась, принимала опредѣленныя формы. Я не отрывался отъ нея.

— „Мы пріѣхали!..—проговорилъ учитель.

„Мы слѣзли съ коней, дали имъ волю и сейчасъ же повернули къ громадинѣ. Странная группа открылась моимъ глазамъ. Прямо противъ меня стояла исполинская колонна человѣкообразной формы. Необъятной величины голова изображала часы и масса стрѣлокъ кружились по циферблату. Секунды отмѣчали золотыя стрѣлки, столѣтія— черныя. Я не могъ сосчитать сколько столѣтій, показывали черныя стрѣлки: цифры терялись въ вѣчности. Руки этого невиданнаго существа были подняты вверхъ и терялись въ безконечности, ноги его уходили внизъ и тоже терялись въ безконечности.

„— Кто это, учитель?—тихо спросилъ я.

„Онъ сосредоточенно посмотрѣлъ на меня и взволнованно произнесъ:

— „Время!

„Другая группа привлекла мое вниманіе. Два исполина, одинъ съ правой стороны Времени, другой — съ лѣвой, стояли подлѣ огромныхъ чановъ наполненныхъ мѣсивомъ и работали. Исполинъ съ правой стороны быстро и безостановочно выбрасывалъ изъ чана людей, животныхъ, птицъ, гадовъ. Выброшенные подхватывались двумя поджидавшими ихъ дѣвушками и переносились къ исполину съ лѣвой стороны. И тогда человѣкъ, птица, животное, гадъ—бросались исполиномъ въ чанъ, превращались въ мѣсиво и работа снова начиналась... Часы равнодушно отсчитывали секунды, дни, годы, вѣка...

— „Учитель, объясните!—попросилъ я.

— „Съ правой стороны,—важно произнесъ учитель,—работаетъ Созидатель. Онъ полонъ вдохновенія. Его работа — его надежда. Изъ мѣсива онъ создаетъ людей, птицъ, животныхъ... Вотъ они ожили, движутся... Но ихъ предостерегаютъ двѣ слѣпыя дѣвушки: Счастье и Несчастье. Пока они перейдутъ на лѣвую сторону къ Разрушителю, онѣ подхватятъ ихъ. Посмотри, какъ мало успѣваетъ Счастье!.. Но у нея люди, животныя, птицы смѣются и поютъ... Вотъ послѣдняя минута. Онѣ отдаютъ существо Разрушителю. Какое безстрастное, равнодушное лицо у него. Ему недоступны ни горе, ни радость. Гляди! — онъ бросилъ ихъ въ чанъ. Былъ человѣкъ, животное, птица, гадъ—и снова превратился въ ничто...

— „Тутъ теряешь надежду,—прошепталъ я.

— „Такова жизнь. Смотри внимательно и пойми!..

„И я стоялъ и смотрѣлъ и Вѣчная Правда входила въ меня.

— „Я понялъ!—воскликнулъ я наконецъ... Поѣдемъ...

— „Ты вѣришь?—переспросилъ учитель.

— „Я вѣрю! Поѣдемъ. Я буду бороться съ Краснымъ Монахомъ.

— „Ты выдержалъ испытаніе,—произнесъ онъ. Ты побѣдишь врага.

„Мы опять полетѣли и снова были въ безконечности и снова было свѣтло, прозрачно и ничего кругомъ: ни облаковъ, ни звѣздъ, ни людей... Вдругъ раздались оглушительные звуки, сильнѣе чѣмъ пальба, чѣмъ громы. Все пространство кругомъ насъ заволновалось и мы заколебались такъ, будто насъ подхватили волны и выносили то вверхъ, то внизъ. На солнцахъ появились тѣни.

— „Что это, учитель?—крикнулъ я.

— „То всемірные часы отбиваютъ три четверти девятнадцатаго столѣтія. Впередъ, впередъ!..

„Громовые звуки неслись торжественно... Я посмотрѣлъ внизъ. Зажженные міры неслись другъ къ другу и казалось привѣтствовали наступавшую послѣднюю четверть столѣтія.

„— О, какъ дивно!.. вскричалъ я.

„Внезапно передъ нами выросъ лѣсъ изъ облаковъ, и, закрывъ глаза, мы врѣзались въ тучи Звуки замерли. Но вотъ опять просвѣтлѣло и учитель, приказавъ мнѣ остановиться, сказалъ:

— „Здѣсь мы проведемъ два дня. Дадимъ лошадямъ отдохнуть...

„Онъ издалъ звукъ и наши лошади, взвившись, исчезли въ лѣсѣ изъ тучъ.

— „Теперь мы одни,—продолжалъ учитель. На лѣво—Млечный Путь, направо—царство Краснаго Монаха. Я сейчасъ начну вызывать его и черезъ два дня онъ будетъ здѣсь. Ты же отправься къ Млечному Пути и приготовься къ бою.

„Онъ сдѣлалъ мнѣ дружескій знакъ и внезапно исчезъ. Я съ любовью посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ учитель и пошелъ налѣво, къ свѣтлой туманности, молочной, бѣлой... И долго я ходилъ по крошечнымъ звѣздамъ и думалъ о томъ, что меня ожидаетъ. И съ тихимъ восторгомъ спрашивалъ: когда же, когда?

„Усталый, я прилегъ на ложе изъ звѣздъ и сейчасъ же уснулъ. Долго ли я спалъ, не знаю. Но когда я открылъ глаза, то увидѣлъ учителя, который ласково говорилъ:

— „Вставай, пора, пора!

„Я поднялся, полный силъ, жара, жажды борьбы. Безъ словъ я вскочилъ на своего коня, уже поджидавшаго меня и властно сжалъ ему бока. Онъ хотѣлъ рвануться, заржалъ отъ боли, но я сильнѣе сжалъ его, и онъ остался недвижимъ.

— „Ну, поѣдемъ,—произнесъ учитель. Красный Монахъ ждетъ тебя.

„Онъ издалъ звукъ и мы помчались. У лѣса изъ тучъ, учитель остановился, спрыгнулъ съ коня и крикнулъ:

„— Красный Монахъ, тебя ждутъ. Выходи!...

„Я похолодѣлъ, заволновался... Вдругъ сверкнулъ огонь и изъ чащи тучъ, на дивномъ черномъ жеребцѣ, вылетѣлъ Врагъ людей. Страшенъ онъ былъ. Ослѣпительно-красная мантія закрывала его тѣло. Виднѣлись только черныя стальныя руки, съ длинными когтями, цвѣта золота Маленькіе, въ глубокихъ впадинахъ глаза выбѣгали на узенькую полоску лба и снова прятались, вертѣлись внутри, какъ вокругъ оси, и опять вылетали зеленые, круглые... Плоское и острое, какъ топоръ, лицо съ безкровными щеками и длиннымъ-длиннымъ подбородкомъ дышало такой злобой, что на него нельзя было долго смотрѣть. И невыносимы были надъ глазами огромныя стальныя брови. Голова его была накрыта бархатной шапочкой, съ длиннымъ краснымъ пером.

— „Я здѣсь!—произнесъ онъ сверлящимъ, тонкимъ голосомъ.

„Учитель молчалъ. Я выступилъ впередъ и твердо сказалъ:

— „Вызываю тебя на бой, Красный Монахъ. Сойди съ своего коня, а я сойду съ своего. Будемъ бороться честно. Ты за Зло, я—за Добро.

„Онъ засмѣялся дребезжащимъ смѣхомъ, точно поскребъ остріемъ по желѣзу, соскочилъ съ коня и сталъ въ ожиданіи. Я не заставилъ себя ждать, спрыгнулъ съ своего коня, бросилъ оружіе въ сторону и посмотрѣлъ на него. Красный Монахъ понялъ меня и бросилъ на землю свой мечъ. Я началъ подступать къ нему. Нечаянно взглядъ мой упалъ на учителя. Онъ стоялъ, закрывъ глаза, и губы его шептали... Молился ли онъ за ме-

ня? Я повернулся къ нему спиной, чтобы не потерять мужества и, смотря въ лицо Красному Монаху, крикнулъ:

— „Ну, иди же на меня, Красный Монахъ, — я жду...

„Раздался оглушительный свистъ. Сверкнулъ огонь. Я дохнулъ на него и онъ потухъ. Еще разъ сверкнулъ огонь... Красный Монахъ отбросилъ мантію и отвратительныя стальныя лапы съ длинными желтыми когтями поднялись надо мной. Потомъ онъ отпрыгнулъ, сжался и стрѣлой пустился на меня. Я ждалъ его спокойно, и какъ только онъ очутился близко, я быстро подхватилъ его и въ одинъ мигъ сломалъ ему когти верхнихъ лапъ. Страшный вой раздался въ пространствѣ. Опять сверкнулъ огонь и что-то зашипѣло, забилось въ судорогахъ...

— „Ты не уйдешь живымъ отсюда, Красный Монахъ,—крикнулъ я.—Молись, если вѣришь во что-нибудь!

„Но въ эту минуту я почувствовалъ, какъ нога моя захрустѣла въ его лапахъ. Какая страшная боль! Нога перестала дѣйствовать.

— „Добро, Добро! я тебѣ служу...—шепталъ я.

„Красный Монахъ захохоталъ. Я собралъ всѣ силы, бросился въ сторону и вскочилъ на своего коня. Онъ сѣлъ на своего и бой съ новой энергіей начался. Мы бились долго, съ равной силой и никто не побѣждалъ. Тогда я поднялъ оружіе въ знакъ перемирія. Учитель вѣрно предсказалъ. Тайна мнѣ открылась, и я уже зналъ что нужно дѣлать. Красный Монахъ отступилъ и я произнесъ:

— „Красный Монахъ, мы равносильны: прекратимъ бой. Я придумалъ другое. Кто изъ новаго испытанія выйдетъ побѣдителемъ, тому будетъ принадлежать міръ.

— „Я согласенъ,—отвѣтилъ Красный Монахъ,— давно я ждалъ послѣдней битвы. Ты или я?

— „Но при одномъ условіи,—прибавилъ я,— и если ты не согласишься, то клянусь вѣчно биться съ тобой.

— „Мнѣ нужно раньше знать, что ты предлагаешь.

— „Ты долженъ здѣсь выждать момента, пока не рѣшится то, что я предложу.

— „О, на это я согласенъ,—со смѣхомъ сказалъ Красный Монахъ. — Я не боюсь времени.

— „Если такъ, — выслушай мое предложеніе. Ты выберешь какое-нибудь животное, птицу или гада и назовешь его моимъ. Потомъ ты выберешь другое животное или птицу или гада и назовешь его своимъ. Мы выстроимъ два зданія: я — бѣлый дворецъ въ вышину, ты — черный замокъ въ ширину. Потомъ ты прикажешь нашимъ животнымъ бѣжать вокругъ міра и первое изъ нихъ, которое прибѣжитъ къ дворцамъ, и будетъ побѣдителемъ. Тогда побѣжденный, я или ты, долженъ самъ себя уничтожить. Поджидать гонцовъ никто изъ насъ не будетъ. Но если побѣдитъ твой, — мой дворецъ почернѣетъ, если мой — твой дворецъ побѣлѣетъ.

— „О, на это я согласенъ, — сказалъ Красный Монахъ, подумавъ, и злорадное было въ его голосѣ, — даже больше. Я готовъ научить тебя,

какъ приковать меня къ черному дворцу, чтобы я не могъ уйти на случай пораженія, — такъ я увѣренъ въ своей побѣдѣ.

— „Отлично, — съ радостью произнесъ я, — а теперь за дѣло: начнемъ строить дворцы.

— „За работу...—лихорадочно выговорилъ онъ.

— „За работу, за работу...

„Мы начали строить. Учитель руководилъ мной и скоро я возвелъ изъ мрамора великолѣпный пирамидальный замокъ, съ разноцвѣтными стеклами въ крошечныхъ оконцахъ, круглыхъ, овальныхъ, крестообразныхъ, и башни его уходили въ небо. Красный Монахъ выстроилъ мрачный, изъ черпаго камня, дворецъ, широкій, какъ островъ безъ оконъ, а по угламъ разставилъ черныхъ каменныхъ козловъ-гигантовъ. Когда постройка была окончена, Красный Монахъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— „Теперь я полечу домой и выберу гонцовъ.

— „Ступай, — отвѣтилъ я, но торопись: время дорого.

„Онъ вскочилъ на своего жеребца, завернулся въ мантію и исчезъ въ тучахъ. Прошелъ день, другой... Къ утру третьяго дня раздвинулся лѣсъ изъ тучъ, сверкнулъ огонь и оттуда вылетѣлъ Красный Монахъ.

— „Ну, вотъ и я,—произнесъ онъ, соскакивая съ коня.

— „Гдѣ же гонцы? — съ нетерпѣніемъ спросилъ я.

— „Они здѣсь, — отвѣтилъ онъ, указывая на мѣшокъ, привязанный къ сѣдлу.

„Онъ сталъ развязывать мѣшокъ и черезъ минуту въ рукахъ его очутились воронъ и маленькая черепаха.

— „Воронъ...—прошепталъ съ ужасомъ учитель.

— „Вотъ твой гонецъ...—злорадно произнесъ Красный Монахъ, передавая мнѣ черепаху. — Ты славно придумалъ.

„Я незамѣтно сдѣлалъ знакъ учителю, чтобы онъ не безпокоился, и небрежно отвѣтилъ:

— „Я радъ, что ты выбралъ для меня черепаху, а для себя ворона. Я очень люблю черепахъ.

— „Да, это милое животное и,—лукаво прибавилъ онъ, — быстрое въ ходу.

— „Иногда...—съ удареніемъ произнесъ я.

— „А теперь,—со смѣхомъ перебилъ меня Красный Монахъ, — прикуй меня къ моему дворцу. Надѣюсь, что мнѣ недолго придется ждать.

— „Увидимъ...—подумалъ я про себя.

„Мы посадили его на чернаго каменнаго козла и онъ, научивъ меня, какъ приковать его, черезъ минуту уже былъ въ цѣпяхъ. Хищные глаза его горя ненавистью, торжествомъ, поминутно выбѣгали на узенькую полоску лба и, казалось, смѣялись... Я повернулъ мою маленькую черепаху въ сторону противоположную дворцамъ и крикнулъ ей:

— „Догоняй ворона!..

„Красный Монахъ выпустилъ ворона изъ рукъ и онъ въ мигъ скрылся изъ нашихъ глазъ. Маленькая черепаха медленно поползла за нимъ.

— „Ползи, ползи!—расхохотался Красный Монахъ.—Добро побѣждено!!.

— „Тебѣ придется немного подождать, чтобы убѣдиться въ этомъ, — произнесъ я. — Слушай, Красный Монахъ, наша борьба кончена и мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать. Я сейчасъ уѣду. Если ты побѣдишь, цѣпи съ тебя спадутъ и ты меня всегда найдешь. Но пока это случится, пока мой замокъ не почернѣетъ, никакая сила тебя не освободитъ. Прощай, Красный Монахъ,—жди гонцовъ.

„Онъ въ отвѣтъ засверкалъ глазами и въ раздавшемся смѣхѣ его уже послышалась тревога... Не обращая больше вниманія на него, мы съ наставникомъ сѣли на коней и быстро отъѣхали отъ проклятаго мѣста...

— „Теперь,—произнесъ я, когда замки скрылись въ пространствѣ,—Зло навѣки побѣждено. Красный Монахъ самъ приговорилъ себя къ смерти. Ни черепаха, ни воронъ не побѣдятъ. Вѣчно они будутъ въ безконечномъ пути, и вѣчно Красный Монахъ останется закованнымъ въ цѣпяхъ. Свободенъ міръ отъ Зла.

— „Свободенъ, свободенъ!..—вскричалъ учитель, какъ вдругъ“...

. . . . . .

Странный Мальчикъ неожиданно замолчалъ. Какъ очарованные, которыхъ будитъ грубая рука, вскочили мы.

— Что же было дальше, дальше?—вырвалось у Коли.

— Мнѣ нельзя больше разсказывать...—грустно отвѣтилъ Алеша.

— Освободили ли вы тьму? Освободились ли другія царства?

— Мнѣ нельзя больше сказать...

— Но гонцы еще и теперь въ дорогѣ?—хмуро спросилъ Сергѣй.

— Я долженъ молчать...

— Какой ты дивный мальчикъ!—вскричалъ я въ восторгѣ, бросаясь къ нему, готовый заплакать отъ радости, отъ счастья.

— Ты чудесный!—вырвалось у Сергѣя...

Мы окружили его, смотрѣли на него, боготворили его, хотѣли быть его рабами, и каждый изъ насъ твердилъ:

— Ты сынъ царя, ты сынъ царя...

Солнце перекатилось на другую сторону неба. Море погасло и почернѣло. Утонули въ красномъ золотѣ заката и горизонтъ, и линія берега... И на гору легли тѣни. Было тихо, покорно и милая радость охватила мою душу нешумнымъ восторгомъ. Я видѣлъ черепаху и ворона, однихъ въ безпредѣльномъ пути. Медленно и тяжело ползетъ черепаха, и воронъ, уставши, безсильно машетъ крыльями... Я видѣлъ Краснаго Монаха, въ цѣпяхъ, на черномъ козлѣ. Угрюмо онъ смотритъ вдаль. И видѣлъ я свѣтлое Добро повисшее надъ міромъ на своихъ бѣлыхъ крыльяхъ...

Мы сидѣли неподвижно, созерцали и плыли

въ прекрасныхъ мечтахъ о другой жизни, невѣдомой, чистой, жизни въ Добрѣ. Какъ хотѣлось быть тамъ, жить тамъ!

Какъ хотѣлось быть тамъ!..

XI.

ОСЕНЬ.

Осень! Осень!.. Какъ сейчасъ вижу эти однообразные мрачные дни, въ которыхъ какъ бы несется тревога съ хмураго утра до темной непривѣтливой ночи. Для меня—все въ ней скорбно! Вотъ стою у окна своей дѣтской, оглядываю длинный, широкій дворъ и чувствую печаль и въ вѣтрѣ и въ дождѣ, и кажется, что непроницаемыя тучи не то стоятъ, не то движутся покорно терпѣливо, словно трудно-больныя. Отовсюду мнѣ слышатся вздыханія, ропотъ. Струи дождя, точно длинныя змѣи, падаютъ во дворъ, расползаются по землѣ, бьютъ голубей на голубятнѣ, а гора кажется такой некрасивой, неуютной, и мрачно глядятъ на меня мокрыя головы ея обнаженныхъ бугровъ, словно жалуясь, словно умоляя... Или это жалуюсь я? Можетъ быть, можетъ быть!..

Нѣтъ, никогда уже не вернется это прекрасное меланхолическое лѣто! Нѣтъ, не увижу я больше красоты умиравшаго дня, когда уставшее

жаркое солнце погружалось всѣми лучами своими въ море и пышнымъ кровавымъ свѣтомъ,—такимъ невиннымъ, такимъ грознымъ,—заливало верхушку башни на горѣ, а мы, глядя на небо, думали о правдѣ, о смерти и тихо вздыхали...

Вечеръ былъ печальный. Сережа, засунувъ руки въ карманы, ходитъ по комнатѣ. Коля устроился за столомъ. Я весь—вниманіе.

— Если бы Алеша мнѣ доказалъ еще Бога,—съ силой произнесъ Коля,—я бы повѣсился! Можетъ быть, повѣсился...—прибавилъ онъ задумчиво.

— Вотъ, вотъ,—дрожа подумалъ я. Сколько страха изъ-за этого слова. Богъ! Но вѣдь это—слово?. И оно рождаетъ рѣшенія!

Какъ будто страшный сталъ за моей спиной и началъ угрожать неопредѣленнымъ и роковымъ.

— Надо вѣрить...—пробормоталъ я растерянно.

— Я вѣрю въ то, что здѣсь нѣтъ жизни,—меланхолично говорилъ Коля,—да нѣтъ ея! Что такое ты, Сережа, я, учитель, книга? Васъ нѣтъ, и я покорился, Сережа. Я вѣрю Алешѣ. Жизни нѣтъ, жизнь „тамъ“, а здѣсь сонъ. И на отца, и на мать смотрю и не вѣрю. Снятся ли они мнѣ или я имъ? И что такое отецъ? — вдругъ съ горемъ крикнулъ онъ.—Мнѣ снится, что я сынъ, что онъ отецъ...

— Коля,—съ мольбой выговорилъ я,—Коля!

— Да, Коля,—повторилъ онъ, поблѣднѣвъ,—но что такое Коля? И существуетъ ли самъ Алеша? Но если бы знать о Богѣ, если бы...

— Я существую,—упрямо произнесъ Сережа.

Если не существую, то какъ могу объ этомъ думать? Вотъ Настенька уѣхала съ мамой за-границу и ее нѣтъ здѣсь. Вѣдь уѣхала! Какъ могло уѣхать то, что не существуетъ? Какъ мой сонъ можетъ ѣздить?

— Я не понимаю,-- отвѣтилъ Коля растерянно,—я ничего не понимаю.

— О! — съ восторгомъ крикнулъ я, — я люблю Алешу, я страшно, страшно люблю его. И почему только папа не позволяетъ навѣстить его, больного?

— Коля,—донесся изъ столовой голосъ матери,— пора идти чай пить.

Я знаю, что папа уже пришелъ, сидитъ за столомъ, но идти такъ не хочется, такъ жаль потерять наслажденіе оттого, что сидишь въ теплой комнатѣ, разговариваешь о таинственномъ, иногда вздрагиваешь отъ страха и сейчасъ же радуешься своему страху, такъ какъ всѣмъ существомъ знаешь и чувствуешь, что въ сосѣдней комнатѣ сидятъ взрослые, сильные люди, которымъ ты дорогъ, которые отъ всего защитятъ... И еще хорошо оттого, что на дворѣ слякоть, дождь, осень, что не вѣрится, наступитъ ли свѣтлый день, но все же знаешь, что онъ будетъ, и хоть сѣрый тусклый, но придетъ свѣтъ, отъ котораго разбѣгутся всѣ призраки и попрячутся на горѣ въ ожиданіи ночи.

— Мнѣ страшно...—протянулъ я и прижался къ теплой печкѣ пылающими щеками.

— Не понимаю, почему страшно, — сердито отозвался Сергѣй.

— Вотъ, напримѣръ, земля,—произнесъ Коля, подходя къ географической картѣ. Здѣсь Америка, Австралія, океаны; ну а дальше, а тамъ что? Безконечность? Что такое безконечность?

— Павлуша,—опять донесся голосъ мамы.

Я переглянулся съ Колей. Отецъ недоволенъ,—надо идти чай пить.

— Безконечность, Богъ, — прошепталъ Коля,—отъ этого можно съ ума сойти.

— Какъ бы я хотѣлъ съ ума сойти,—прошепталъ и я, выходя вслѣдъ за ними.

—Они похожи на мертвецовъ, — произнесла мать, увидѣвъ насъ.—Что съ вами, Сережа?

Сережа усѣлся за столомъ рядомъ съ Колей и ничего не отвѣтилъ. Я устроился подлѣ бабушки и она своими мягкими и морщинистыми руками погладила мою голову.

— Сегодня,—произнесъ отецъ, обращаясь то къ мамѣ, то къ бабушкѣ,—со мной произошелъ странный случай... Дай имъ еще бисквитовъ, Лиза... Да, странный случай... Я встрѣтился съ товарищемъ, съ которымъ не видался со дня моей женитьбы...

Мы сосредоточенно пьемъ чай и мечтаемъ лишь о томъ, что-бы поскорѣе улизнуть. Бабушка вся повернулась къ отцу и мнѣ съ боку видны пряди ея бѣлыхъ-бѣлыхъ волосъ.

— Какіе не интересные разговоры ведутъ между собой взрослые!—подумалъ я.—И имъ это кажется занятнымъ! А вотъ о Богѣ никогда не подумаютъ. Есть ли Онъ? Безконечность!..

Я похолодѣлъ и покосился въ уголъ. Да что же это со мной? Ужели больше не будетъ, не наступитъ

часа отдыха отъ сомнѣній, отъ недоумѣнія? Развѣ слова такъ могущественны? Безконечность, правда? Зачѣмъ мнѣ знать объ этомъ? Я гляжу въ уголъ,—и открывается что-то длинное, худое, съ злыми глазами и упорно, упорно тонкимъ пальцемъ указываетъ вдаль. Куда? Ужели не уйдутъ проклятыя чары словъ,—волшебныхъ словъ и не вернется снова беззаботность незнанія,—неподозрѣванія? Папа, папа! Вотъ и онъ не знаетъ, нѣтъ, не знаетъ.

— Старымъ людямъ сказки нужны,—произнесла бабушка и грустно улыбнулась.

О чемъ они? Сказки нужны... Милая бабушка! Сказки! Мы всѣ въ сказкѣ! Мы не существуемъ, и жизнь приснилась намъ. Но вы не знаете и никто не знаетъ. Я гляжу на нее и что-то поднимается въ душѣ, полное слезъ, полное жалости. Она сидитъ, повернувшись ко мнѣ, и въ спокойномъ лицѣ ея и въ маленькихъ чуть мерцающихъ глазахъ мнѣ чудится печаль, усталость...

— Старому человѣку сказки нужны, — повторила она, тряся головой.

Смѣются папа и мама, но смѣхъ ихъ робкій, въ тайнахъ смѣхъ, и та же печаль летитъ на меня отъ нихъ и я готовъ заплакать отъ жалости къ нимъ, слабымъ,—ко всѣмъ людямъ...

— Сколько уже морщинъ у папы на лицѣ, — мелькнуло у меня,—и если бы онъ зналъ, что мы не существуемъ...

Но если жизни нѣтъ, если жизнь сонъ, то почему же мы такъ любимъ ее? Какъ страстно я люблю ее! И я, и Коля, и Сережа — мы говорили „жизнь“, но что она, кто она, это невѣдо-

мое и всѣмъ извѣстное? Душа, воздухъ, время? Какъ бы когтями мы вцѣпились въ нее, страшно держимся и плачемъ о ней и хотимъ ее, и не оттого ли, что я не понималъ ея, была разлита грусть во всемъ моемъ существѣ, въ моей любви и дѣтскомъ горѣ, и не оттого ли мнѣ былъ такъ близокъ Алеша, что я и онъ думали объ одномъ, не понимали одного? Не оттого ли взглядъ человѣка такъ грустенъ, когда онъ ни о чемъ не думаетъ? Не оттого ли такъ часто, такъ часто я могъ задрожать всѣмъ сердцемъ, замучиться отъ одного услышаннаго слова, отъ одного жеста, который не заслуживалъ ни состраданія, ни участія?

Чай выпитъ... Опять отецъ разсказываетъ мѣрнымъ голосомъ, мѣрными словами, о людяхъ, о жизни, о суетѣ и снова благоговѣйное молчаніе, вниманіе къ тому, чего нѣтъ, чего не можетъ быть! О, если бы можно было раскрыть свое сердце, разсказать, что происходитъ во мнѣ, разсказать, какъ ясно я чувствую теперь призрачность нашего существованія, призрачность его словъ, которыми онъ, точно заживо-погребенный, кричитъ кому-то вверхъ, перекликается съ нимъ и нѣтъ отвѣта!... Кого зовешь, папа? о, скажи, кого?...

Наступила ночь, тяжелая, дѣтски-угарная, полная ласковыхъ призраковъ. Коля спитъ или притворяется спящимъ. Лампа погасла. Но кто это стоитъ подлѣ меня, озаренный сіяніемъ? Алеша? Есть ли міръ?

Ахъ, не то! Я люблю Алешу. Я безумно лю

блю его. Я люблю тебя, Алеша! Разскажи мнѣ о призракахъ!

— Коля,—прошепталъ я!

— Я хочу спать,—внезапно раздался его голосъ.

— Я тебѣ не буду мѣшать... я скажу только два слова... Папа постарѣлъ, — да, постарѣлъ!

— Зачѣмъ я это сказалъ?—мелкнуло у меня.

— Оставь меня!

— Ты не сердись, Коля... Папа постарѣлъ, и не оттого ли онъ становится ласковѣе? Ты любишь папу?

Во тьмѣ мнѣ рисуется строгое недовольное лицо Коли, и сразу рядъ его лицъ летитъ сверху внизъ, куда-то во тьму. Они окрашены въ разные цвѣта, зеленые, красные, лилово-розовые и я съ наслажденіемъ слѣжу за ними. Внезапно меня охватываетъ страхъ. Коля молчитъ, но я по дыханію его знаю, что онъ еще не спитъ. Я осторожно схожу съ кровати и также осторожно усаживаюсь подлѣ него. Онъ остается неподвижнымъ. Я ложусь рядомъ и дрожу. Хочется говорить о любви, объ Алешѣ, о жаркихъ чувствахъ, хочется прижаться къ нему страстно, задохнуться и умереть въ блаженствѣ.

— Я люблю Настеньку, — неожиданно для себя прошепталъ я. Зачѣмъ я солгалъ? Вѣдь я влюбленъ въ Алешу? Но развѣ я знаю, развѣ я понимаю свое волненіе, это состояніе сладостныхъ тисковъ, въ которыхъ нахожусь? Во тьмѣ выплываетъ Настенька, и я говорю себѣ: это Алеша. Оба сли-

ваются въ одно лицо, въ одну фигуру, и снова падаютъ сверху внизъ, рядъ ихъ, зеленыхъ, красныхъ, лилово-розовыхъ...

— Я тоже...—произнесъ вдругъ Коля.

Онъ повернулся ко мнѣ, задышалъ быстро, будто взбирался бѣгомъ на гору, и внезапно, неловко какъ-то обнялъ меня и крѣпко прижалъ къ себѣ.

— Я люблю Настеньку, шопотомъ повторилъ онъ, — я люблю...

Сказать ли ему правду?—мелькаетъ у меня. Я прижмусь къ нему, но я вѣдь люблю Алешу, а не его!

— Коля—произнесъ я робко...

Слова сами замерли. Я почувствовалъ его губы у своихъ губъ и съ непонятнымъ упрямствомъ, какъ бы на зло себѣ, я сжимаю его судорожно, и уже покорно, чтобы не обидѣть его, съ подогрѣтымъ жаромъ, твержу:

— Я люблю Настеньку.

— Я ее съ перваго раза полюбилъ!—признался Коля.

— Зажги, Коля, лампу.

— Нѣтъ, не нужно, такъ лучше. У меня есть ея платочекъ... Онъ пахнетъ удивительно, какъ она. Я люблю, Павлуша? Развѣ я люблю?

— Что такое любовь?—вырвалось у меня.

— Я не хочу теперь знать,—пробормоталъ онъ, цѣлуя меня. И Бога не хочу, ничего не хочу. Я люблю...

— А я не могу, Коля,—я хочу знать, что со мной. Раньше я влюбился въ Алешу. Я хотѣлъ

убѣжать съ нимъ въ лѣсъ. Почему я хотѣлъ убѣжать съ нимъ?

— Какъ ты сказалъ, Павка? Въ лѣсъ? Но я тоже мечталъ убѣжать съ ней въ лѣсъ. Она даже согласилась...

Никогда бы не повѣрилъ, чтобы Настенька согласилась... Я морщусь отъ какого-то непріятнаго чувства и холодно говорю:

— Мы счастливы теперь, Коля... Правда, мы счастливы?

— Я разскажу тебѣ сказку,—таинственно прошепталъ онъ, прижавшись ко мнѣ.

На мигъ наступаетъ тишина. И сейчасъ же въ этой черной тишинѣ прорывается взволнованный хорошій голосъ. Музыка играетъ! музыка играетъ! Мы въ подземельѣ,—говоритъ Коля. Я вижу подземелье. Музыка играетъ отчетливо-нѣжно, отчетливо-прекрасно. Мы спускаемся внизъ по винтовой лѣстницѣ и вступаемъ въ туннель, стѣны котораго сверкаютъ разноцвѣтными камнями. Камни горятъ, переливаются, зеленые, красные, лилово-розовые. Музыка играетъ!

— Мы въ лѣсу, Павлуша,—видишь?

— О, вижу, вижу! Лѣсъ, лѣсъ! Вотъ идетъ Настенька... Алеша... Музыка, музыка!

Какъ сладко засыпать подъ тихіе звуки, окруженному милыми видѣніями! Лѣсъ, лѣсъ, безъ конца... Зеленый, кудрявый! Зеленый, кудрявый!

XII.

СУМЕРКИ.

Теперь наступила нелѣпость, безтолковость... Какой-то вихрь и страсть! Все въ восторгѣ, какъ будто я мчался къ чему-то прекрасному, страшно желанному, и хотѣлъ продлить путь, чтобы дольше упиться наслажденіемъ, я какъ во снѣ дѣлалъ все неважное, что отъ меня требовали, и истинно жилъ лишь мыслью объ Алешѣ. По цѣлымъ часамъ я разговаривалъ съ Колей о Настенькѣ съ такимъ жаромъ, будто и въ самомъ дѣлѣ любилъ ее,—можетъ быть и любилъ: развѣ я понималъ, что со мной происходитъ? Подобно ему я цѣловалъ платокъ милой дѣвочки, стоялъ съ нимъ передъ географической картой и внимательно вглядывался въ точку, обозначавшую Ниццу, гдѣ жила Настенька, и хотя я утверждалъ, что цѣлованіе платка мнѣ невыразимо пріятно, я только думалъ объ Алешѣ, и съ каждымъ разомъ все не пріятнѣе становилось слушать о ней...

Въ воскресенье, 12 ноября,—я запомнилъ день,—часовъ въ восемь вечера пришелъ Сережа и мы, забравшись въ дѣтскую, устроились на кровати.

— Что, опять дождитъ?—спросилъ Коля съ гримасой.

— Мнѣ тепло...—пробормоталъ я.

Сережа оглянулся, засунулъ руку въ боковой карманъ гимназической рубашки, еще разъ оглянулся и вынулъ письмо.

— Вотъ,—сказалъ онъ, ударивъ рукой по конверту,—сегодня послѣ обѣда было получено.

— Отъ кого?—спросилъ Коля, покраснѣвъ,—и опустилъ глаза.

— Отъ Насти. Черезъ недѣлю они выѣзжаютъ изъ Ниццы.

У Коли побѣлѣли губы...

— Онъ радъ—мелкнуло у меня. Отчего же мнѣ стало досадно? Досадно? Но вѣдь онъ мой братъ. Пусть, пусть, онъ будетъ счастливъ,—слезы подступили къ моимъ глазамъ,—пусть, но отчего никто не думаетъ о моемъ Алешѣ; почему никто не интересуется мной, какъ Колей; почему меня оставляютъ страдать въ одиночествѣ?

— Сережа!—произнесъ вдругъ торжественно Коля.

Я съ ужасомъ отвернулся, и на мигъ мнѣ показалось, что вотъ-вотъ изъ моихъ глазъ брызнетъ кровь. Послышался шопотъ. Я оглянулся. Сережа уже сидѣлъ рядомъ съ Колей и, опустивъ голову, слушалъ его. Дикая, мучительная ревность хлестнула по моему сердцу. Вдругъ хлестнула внезапно. И невыносимо захотѣлось плакать, топать ногами.

— Теперь или никогда!—крикнулъ кто-то во мнѣ.—Ихъ трое! Братъ измѣнилъ! Настенька измѣнила! Все равно! На что надѣяться? Я люблю,—но я обожаю моего Алешу! О, прощайте, прощайте, мои стѣны, моя дѣтская кровать, мой братъ!

— Куда ты?—спросилъ Коля.

— ...У тебя радостный голосъ,—безпорядочно неслось у меня.—Ты любишь Настю? Сережа разрѣшилъ тебѣ любить ее... О, прощайте, прощайте!

Въ передней я остановился. Куда я бѣгу? Вѣдь изъ столовой меня мать замѣтитъ!

— Ну пусть,—опять рванулся я,—пусть меня убьютъ! Кого убьютъ? развѣ я живу? Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ потомъ!..

Я тихо открылъ дверь въ коридоръ и шмыгнулъ къ выходу.

— А вамъ все равно,—съ горечью подумалъ я, когда благополучно добрался къ выходу, нарочно останавливаясь въ дверяхъ, чтобы меня увидѣли.

Но нѣтъ, никто меня не замѣчаетъ, никто не интересуется. Впередъ, дальше! Куда бѣжать? Я уже не знаю куда,—и не думаю объ этомъ. Только хочется чьей нибудь жалости, чьей нибудь ласки. Я выбѣжалъ во дворъ, весь во власти самыхъ отчаянныхъ, самыхъ безумныхъ рѣшеній. Луна стояла высоко, одинокая, медленно погружалась и выплывала изъ черныхъ тучъ, и съ горячимъ сочувствіемъ я посмотрѣлъ на нее.

— Ты одна... я одинъ,—мелькнуло у меня. Или ты одна, или я одинъ?—пробѣжала вторая мысль.

Я задрожалъ, затосковалъ отъ ужаса... Надо вѣрить: я существую! Или ни луна, ни я! Кто это подумалъ? Никто! Что же я такое—тѣнь ли? Богъ ли? Человѣкъ-Богъ! Пощадите!.. Мнѣ понравилось это слово и я долго повторялъ, глядя на луну: пощадите, пощадите!

Гдѣ-то послышались шаги. Снова ужасъ! Шаги! Что означаетъ шаги? Ш-а-ша! Да, да, ша! Луна... ш-а-ша! Впрочемъ, послѣ. Главное къ Алешѣ! У тебя Настенька, у меня Алеша!

Я засмѣялся, и долго вертѣлся на одномъ мѣстѣ... Потомъ, словно меня толкнули, быстро пробѣжалъ дворъ и съ шумомъ влетѣлъ въ квартиру Алеши... Много лѣтъ прошло съ того вечера, когда я, дикій, внутренно изуродованный, влетѣлъ въ комнату бѣдныхъ людей,—но и теперь еще, вспоминая, что я увидѣлъ, я испытываю то же жуткое чувство, тотъ же благоговѣйный, потрясающій страхъ. Однимъ взглядомъ я обнялъ все. Я увидѣлъ ее,—врага людей,—нищету чудовищную, нищету позорную, въ нищетѣ рожденныхъ, дорогихъ людей, вспоенныхъ и вскормленныхъ несчастьемъ.. И, помню, въ этотъ мигъ было такое чувство, будто врагъ, изъ желѣза выкованный, шелъ на меня, и тутъ же, просвѣтлѣвшій, я поклялся на вѣчную борьбу съ нимъ. Ни звука, ни стона! И спросилъ я себя: почему они покорны? Я залечу ваши раны!.. Возьмите меня! О, зачѣмъ я подумалъ, какъ смѣлъ мечтать о любви!

Терзаемый стыдомъ, нѣтъ, чѣмъ-то высшимъ, еще высшимъ, я остановился на порогѣ. Мать Алеши долго-долго оборачивалась, пока вся по-

вернулась, обдала меня длиннымъ, незначущимъ взглядомъ, и я услышалъ пѣвучимъ рыданіемъ произнесенный вопросъ.

— Кто тамъ?

— Это я, я...—дрожащимъ шопотомъ отвѣтилъ я, не сводя глазъ съ угла.

Тамъ въ углу лежалъ, бѣлѣясь, какъ комъ снѣга, какъ саванъ, Алеша, а возлѣ него стоялъ слѣпой,—отецъ его. Старикъ бормоталъ что-то похожее и на молитву, и на мольбу, можетъ быть совершалъ таинство, и было неземное въ этой картинѣ слѣпого отца и длиннаго, круглаго кома снѣга.

— Я знаю твои мысли,—произнесъ вдругъ старикъ, обернувшись ко мнѣ.

Онъ съ ума сошелъ! Я безпомощно оглянулся. Подавшись назадъ, — ужасъ мой былъ невыносимый,—я тихо выговорилъ, путаясь:

— Не пугайте меня! Я зашелъ къ вамъ погрѣться и посидѣть съ Алешей.

Мать всплеснула руками и звукъ этотъ, какъ мольба, пронесся въ тишинѣ.

— Пусть онъ войдетъ,—услышалъ я слабый голосъ Алеши.

Я спустился съ первой ступеньки, со второй— и оглянулся. Опершись о локоть, глядѣлъ на меня калѣка Саша и глаза его какъ бы просили не страшиться.

Вдругъ я услышалъ шопотъ:

— Алеша умираетъ!

Я вздрогнулъ и обернулся. Старуха стояла подлѣ меня, мотала головой и взглядъ ея по-прежнему былъ безстрастный, ничего не значащій...

— Умираетъ?—тихо спросилъ я, похолодѣвъ.— Ужели я буду присутствовать при смерти? всполошился я... Это невозможно—мелькнула другая мысль и оборвалась.

Меня била лихорадка. Что невозможно? Кто это сказалъ? О чемъ я думаю? Вѣдь это... смерть. Это... умираніе? Какъ хочется и мнѣ отдать свою душу, лежать въ бѣломъ и... чтобы старикъ стоялъ подлѣ меня...

— Здравствуй...—прервалъ мои думы, Алеша!

— Здравствуй, здравствуй...—прошепталъ я.

Лишь теперь я разглядѣлъ его лицо. Почему оно было синимъ, фіолетовымъ? Почему черные глаза такъ невинно, трогательно, и, нѣжно какъ никогда, смотрѣли на меня, на комнату, на старика? Я подошелъ къ нему, не зная что мнѣ сдѣлать, сѣсть ли подлѣ, стать ли на колѣни и начать молиться.

— Я скоро буду „тамъ“...—шопотомъ, словно тайну открывалъ, выговорилъ онъ.

Онъ передохнулъ,—я ждалъ. Но напрасно,— онъ забылъ обо мнѣ.

— Послѣдніе дни Алеша все время такъ,—сказалъ Саша громко,—начнетъ и не кончитъ. Садись возлѣ меня.

— Давно ли онъ... такой?—спросилъ я, усаживаясь на кровати.

— Богатымъ все равно: давно ли, недавно ли... Не падо спрашивать: я сердитый! Ну да, я сердитый,—хмуро повторилъ онъ,—жестокое недовольство, страданіе было въ его голосѣ.—Вотъ такъ и сестрица Аннушка умерла, теперь онъ. И

ничего нельзя понять! А Алеша все про обманъ говоритъ. Обманулъ Богъ, да не его. Вотъ оно что!

Старикъ зашевелился.

— ...Я былъ „тамъ“,—какъ со-сна выговорилъ вдругъ Алеша, и всѣ мы, кромѣ старика, встрепенулись.—Я былъ тамъ,—повторилъ онъ уже смѣющимся голосомъ—и буду тамъ!...

— Довольно,—съ мольбой произнесъ слѣпой.

— Отецъ, жизнь—обманъ? Вѣдь ты такъ говорилъ? Отецъ, но Богъ? Ты смѣешься! И Его нѣтъ... Такъ пойди посмотри, гдѣ стоитъ луна и скажи мнѣ.

Онъ задумался... Мы ждали.

—Все время такъ,—сердито повторилъ Саша.—Отецъ его погубилъ. Все книжки, все разговоры про ложь, да сказки. Человѣкъ—обманъ, кушать хочу—обманъ, а правда гдѣ? Вотъ съ луной возился, съ бѣсомъ, чортъ знаетъ съ чѣмъ, возился Алеша-то! Самъ, какъ Отецъ людей, добрый,—а жилъ, будто одинъ на землѣ. Будто никого! Да, испортилъ отецъ всѣхъ и меня испортитъ,—вотъ чего боюсь. Только мать еще держится.

Наступила тишина. Огонь въ лампѣ горѣлъ ярко и въ комнатѣ не было тѣней. И чѣмъ больше я всматривался, вглядывался, тѣмъ несомнѣннѣе начинало казаться, что такъ должно быть наверху, такимъ должно быть нездѣшнее, истинное... Голова моя, словно на-двое раскололась, каждая половина по-своему смѣялась и смѣхъ былъ восторгомъ.

— Истина!—увѣренно подумалъ я.

— Богатымъ хорошо,—пошепталъ Саша, и это

подхватила старуха и однообразнымъ голосомъ повторила:

— Богатымъ хорошо.

— Люди о хлѣбѣ должны думать, о живомъ, а тутъ ни о чемъ, кромѣ обмана, не слышишь, да о чертяхъ. А я жить хочу!

— Я жить хочу,—какъ эхо отозвалась старуха.

Опять заколыхался бѣлый комъ и мы насторожились...

— Отецъ, мы идемъ къ Правдѣ,—ты такъ сказалъ? Отецъ, я вижу Правду...

— Алешенька, — прошепталъ старикъ,—Алешенька!...

— Отчего вы не пошли къ моей мамѣ,— произнесъ я, когда Алеша замолчалъ.—Знаешь,— съ жаромъ продолжалъ я, обращаясь къ Сашѣ,— вѣдь я его люблю... страшно! Я все время думалъ о немъ. Я хотѣлъ придти, но мнѣ нельзя было. Я хотѣлъ сказать ему, что я его люблю, какъ брата... больше!

— Богатые не любятъ бѣдныхъ,—возразилъ Саша хмуро.

— Это неправда, — любятъ! Мы любимъ, я люблю!

— Бѣдные богатыхъ тоже не любятъ,—произнесъ онъ вдругъ страшно искренно.—Я бы всѣхъ богатыхъ... замучилъ. Пусть з аютъ!

Я поднялъ голову. Это врагъ!—пронеслось у меня...—Это другъ!—пронеслось у меня... Я словно въ себя пришелъ, словно я крѣпко-крѣпко спалъ и проснулся въ чужомъ мѣстѣ, въ неизвѣстномъ городѣ...

— Намъ нужны деньги, деньги,—проговорила старуха,—принесите намъ!

— Да, да,—пробормоталъ я,—я принесу. Во дворѣ кричатъ, слышите?

— Павлуша! — донесся отчетливо со двора голосъ Коли.

— Господи, что я надѣлалъ?—прошепталъ я, упавъ духомъ.—Господи!.. Прощайте!—пропанесъ я торопливо, — вы слышите, меня зовутъ, меня ищутъ.

Внѣ себя я открылъ дверь и выбѣжалъ изъ комнаты. Во дворѣ съ фонаремъ шли папа, Коля, и Маша.

— Я пропалъ,—подумалъ я, и съ тихимъ трепетомъ, словно на казнь, пошелъ имъ на встрѣчу. Кружилась моя голова...

Когда же кончится ужасъ, въ которомъ живетъ моя душа? Существую ли я или не существую? Всю ночь я плохо спалъ. Я лежу неподвижно подъ одѣяломъ, сквозь неплотно закрытыя вѣки вижу лицо мамы, наклонившейся ко мнѣ. Комнату освѣщаетъ почникъ, и въ зеленоватомъ полумракѣ чуждыми, непривѣтливыми свѣтятся очертанія знакомыхъ предметовъ. Я не хочу ни о чемъ думать, но горитъ мой маленькій мозгъ, мнѣ жарко, неудобно... Упрямыя и жестокія, выплываютъ лица слѣпого, Саши, дразнятъ меня, иногда пляшутъ сверху внизъ, и скрываются въ стѣнѣ, когда готовъ закричать. Они ли здѣсь, я ли тамъ? Вотъ вспомнился папа, суровый и нѣжный, съ фонаремъ въ рукахъ. Ахъ, онъ здѣсь и пытливо смотритъ на меня. Онъ посѣдѣлъ!.. Да, да, какъ

это ужасно, какъ жалко. Посѣдѣлъ! Зачѣмъ жизнь уходитъ? Кто злой мстительный сдѣлалъ, чтобы жизнь уходила? Безсильная мысль хочетъ подняться выше, уйти отъ меня, чтобы вернуться грозной, можетъ быть ласково-грозной... Ахъ, да, посѣдѣлъ,—вспоминаю я,—это ужасно! О чемъ я подумалъ? Нѣтъ, не помню! Никогда не припомню! И опять вижу слѣпого, который стоитъ рядомъ съ папой и хитро смѣется. Какъ страшно видѣть ихъ рядомъ.

— У него жаръ...—услышалъ я голосъ матери.

— Онъ былъ испуганъ,—прошепталъ папа.—Я люблю его, Лиза!

Пріятная дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу. Любовь, любовь!

— Папа!—пытаюсь я крикнуть, и не могу... Папа, милый папа!

Въ ушахъ звенитъ, поетъ, рыдаетъ. Къ сердцу подкатывается теплый комъ слезъ. Я дрожу! Я горю! И кажется, что сейчасъ изъ моихъ устъ польются слова, дивныя, пѣвучія, такія, какихъ я никогда не произносилъ,—они будутъ звать, рыдать, звенѣть... Вотъ-вотъ сейчасъ! Сейчасъ я заговорю стихами! Тимъ-тамъ-тамъ! Какъ хорошо Тимъ-тимъ! Еще, еще! Слышишь, папа, дорогой папа?

— Онъ спитъ...—радостно произнесла мама и коснулась губами моего лба.

О, если бы какъ нибудь удержать ихъ, если бы мой взглядъ могъ говорить! И они узнали бы о великомъ страданіи дѣтской души. Вотъ вышелъ отецъ, за нимъ шурша платьемъ и мать. Ихъ голоса

уже слабо доносятся ко мнѣ изъ столовой. Они затихаютъ. Я одинъ. Одинокій... „Одинъ“! Невластно,—какъ будто лишь ждали, чтобы всѣ ушли,—видѣнія окружили меня. Я закрылъ глаза и тихо пробормоталъ: пощадите! Отъ стѣны отдѣлилась тѣнь и съ дикой быстротой пробѣжала по комнатѣ. Я подумалъ: смерть! За ней бѣжитъ бѣлый комъ снѣга. Глаза безъ зрачковъ. Я спросилъ себя: смерть Алеши? Смерть! Но что же она такое? Скажи, папа, что? Папа,—существо ли оно живое, черное или свѣтлое, или тѣнь? Или она старая съ крючковатымъ носомъ? Или она нѣжная прекрасная женщина, которая становится у изголовья больного, кладетъ свои тяжелыя мраморныя руки на сердце и останавливаетъ его? И не мечтательная ли улыбка на ея лицѣ? Не скорбная ли? Или, можетъ быть, это бархатное черное покрывало, которое знаетъ какія то тайны, знакомыя и мнѣ? Можетъ быть она Ничто? Скажи, Богъ, кто она? Или это черный рыцарь на черномъ конѣ, съ чернымъ копьемъ.

— Вставай,—слышу я подлѣ себя голосъ Коли,—скоро девять часовъ.

Что это? Исчезъ почникъ съ зеленоватыми, зловѣщими тѣнями! Утро солнечное. Холодный, бодрый свѣтъ! О, Господи, какъ хорошо!

Въ столовой меня встрѣтили ласково. Папа смѣясь погладилъ меня по головѣ, и тихо произнесъ:

— Больше не будемъ взбалмошными! Не будемъ спрашивать: ты, папа, ложь или правда? Не будемъ бѣгать къ нищимъ?

Я вспыхнулъ и насторожился...

— Я люблю нищихъ, папа,—прошепталъ я.

— Знаю, знаю, — насмѣшливо произнесъ онъ.

— Все-таки его слѣдовало бы высѣчь, — ласково вмѣшалась бабушка.

Она встала и я долго ждалъ, пока она своими тихими шагами перешла комнату.

— Высѣчь...—повторила она, притянувъ меня къ себѣ и цѣлуя.

Но вдругъ доброе настроеніе внезапно нарушилось. Вошла Маша и почтительно прошептала:

— Барыня, барыня!

— Что такое?—испуганно спросила мама, и мы всѣ почему-то привстали отъ волненія.

— Во дворѣ несчастье...

— Какое?—нетерпѣливо спросилъ отецъ.

Я уже стоялъ готовый ко всему и дрожалъ. Я зналъ, что она сейчасъ скажетъ. Хотѣлось мн отдалить минуту и я про себя молился:

— Не говори, Маша, о, не говори. Хоть ты пощади!

— У сосѣдки этой ночью умеръ мальчикъ. Такой худенькій, славный.

— Алеша умеръ!—крикнулъ я не своимъ голосомъ.—О папа, папа!..

— Павочка, Павочка! — крикнула мама, подхватывая меня...

. . . . . .

Стояло суровое февральское утро. Лишь вчера я пришелъ въ себя и теперь съ радостью гляжу на родныя лица, окружающія меня.

— Какъ всѣ постарѣли,—со вздохомъ подумалъ я,

— Ты спасенъ,—произнесла мать и въ голосѣ ея я почувствовалъ что-то унылое, надломленное.

— Долго ли я былъ боленъ? Какой у меня слабый голосъ и ужели это я...—мелькнуло у меня.

— Четыре мѣсяца,—отвѣтилъ папа. Зима уже кончается...

Я попросилъ посадить меня подлѣ окна. Какая дивная, меланхолическая картина. Снѣгъ, повсюду снѣгъ! И кругомъ такая мягкая бѣлизна, что можно заплакать. Гора привѣтливо и задумчиво какъ бы кивала мнѣ всѣми своими буграми, бѣлыми, чистыми и жизнь вдругъ показалась мнѣ удивительно томительной, долгой, печальной...

— Ты плачешь? — произнесла мать, обнявъ меня.—Почему?

Я сидѣлъ у окна, не отрывался, не отвѣчалъ.

— Вотъ и гора бѣлая,—думалъ я!—Была осень, теперь зима. Алеша умеръ! И ничего новаго. Страданія—и ничего новаго!

Вошла горничная, не Маша, а новая, и почтительно сказала:

— Бульонъ готовъ для панича. Можно подавать?

— Конечно, конечно,—засуетилась мать.

— Ѣсть!.. пить...—подумалъ я.—Они ничего не понимаютъ...

Я не сказалъ ни слова и тихо заплакалъ. Меня ласкали, меня спрашивали, а я все сидѣлъ у окна, глядѣлъ на пустынную бѣлую гору, которая мол-

чаливо кивала мнѣ буграми. Я сидѣлъ и думалъ и, какъ въ сумеркахъ, было смутно, тоскливо на душѣ. О жизнь, жизнь. Желанная, печальная загадка! О жизнь!..

Сборникъ т-ва „ЗНАНІЕ“ за 1903—1906 г.

Книги I—XI . . . по 1 р. — к.

М. Горькій. Разсказы и пьесы. Томы I—VI. . . . по 1 „ — „

Л. Андреевъ. Разсказы. Томы I—III . . . . . по 1 „ — „

П. Кропоткинъ. Записки революціонера . . . . . 1 „ — „

Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Томъ I . . . . . 1 „ — „

Е. Чириковъ. Разсказы и пьесы. Томы I—IV . . . по 1 „ — „

И. Бунинъ. Разсказы и стихотворенія. Томы I—II . по 1 „ — „

Н. Телешовъ. Разсказы. Томъ I . . . . . 1 „ — „

А. Серафимовичъ. Разсказы. Томъ I . . . . . 1 „ — „

А. Купринъ. Разсказы. Томы I—II . . . . . по 1 „ — „

С. Юшкевичъ. Разсказы. Томы I—III . . . . . по 1 „ — „

С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Томъ I. . . . . 1 „ — „

Н. Гаринъ. Дѣтство Тёмы. Томъ I. . . . . 1 „ — „

Н. Гаринъ. Гимназисты. Томъ II. . . . . 1 „ — „

Н. Гаринъ. Студенты. Томъ III . . . . . 1 „ — „

Н. Гаринъ. Корейскія сказки. . . . . — „ 60 „

Н. Гаринъ. По Кореѣ, Манчж. и Ляод. полуострову . 1 „ — „

А. Яблоновскій. Разсказы. Томъ I. . . . . 1 „ — „

С. Елеонскій. Разсказы. Томъ I. . . . . 1 „ —

С. Елпатьевскій. Разсказы. Томы I—III . . . . . по 1 „ — „

С. Найденовъ. Пьесы. Томъ I. . . . . 1 „ — „

Д. Айзманъ. Разсказы. Томъ I. . . . . 1 „ — „

Эсхилъ. Скованный Прометей. *Изд. второе* . . . . . — „ 30 „

Софоклъ. Эдипъ-царь. *Изд. второе*. . . . . — „ 40 „

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. *Изд. второе* . . . . . — „ 40 „

Софоклъ. Антигона. *Изд. третье* . . . . . — „ 40 „

Эврипидъ. Медея. *Изд. второе*. . . . . — „ 40 „

Эврипидъ. Ипполитъ. *Изд. второе*. . . . . — „ 40 „

Бьёрнсонъ. Перчатка. . . . . — „ 40 „

Гауптманъ. Роза Берндъ. . . . . — „ 50 „

Байронъ. Манфредъ. . . . . — „ 40 „

Гёте. Фаустъ. Обѣ части. . . . . 2 „ — „

Леопарди. Разговоры. *Печатается*. . . . . — „ — „

Леопарди. Мысли. *Печатается*. . . . . — „ — „

Красинскій. Иридіонъ. . . . . — „ 60 „

Шелли. Полное собраніе сочин. въ 3 т. Каждый томъ по 2 „ — „

Шелли. Освобожденный Прометей. . . . . — „ 50 „

Шелли. Ченчи. . . . . — „ 50 „

Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно-илл. изд . . 2 „ — „

Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Дешевое изданіе. . . . — „ 80 „

Э. Золя. Углекопы. *Изд. третье*. . . . . 1 „ — „

И. Мадачъ. Человѣческая трагедія . . . . . — „ 50 „

Т. Шевченко. Кобзарь. (Въ перев. на русск.). *Изд. второе* 1 „ — „

Аф. Петрищевъ. Замѣтки учителя . . . . . 1 „ — „

Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы. . 1 „ 20 „

Нижегородскій Сборникъ . . . . . 1 „ — „

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

1. Эсхилъ. **СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ** . . . . . — р. 30 к.
2. Софоклъ. **ЭДИПЪ ЦАРЬ** . . . . . — » 40 »
3. Софоклъ. **ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ** . . . . . — » 40 »
4. Софоклъ. **АНТИГОНА** . . . . . — » 40 »
5. Эврипидъ. **МЕДЕЯ** . . . . . — » 40 »
6. Эврипидъ. **ИППОЛИТЪ** . . . . . — » 40 »

Примѣчаніе: Всѣ шесть трагедій переведены съ греческаго Д. С. Мережковскимъ. Въ стихахъ. При каждой—портретъ автора.

7. Байронъ. **МАНФРЕДЪ** . . . . . — » 40 »
8. Шелли. **ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ** . . . . . — » 50 »
9. Шелли. **ЧЕНЧИ** . . . . . — » 50 »
10. Лонгфелло. **ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ** . . . . . 2 » — »

Переводъ И. А. Бунина. Въ стихахъ. *Роскошно иллюстрированное* изданіе: около 400 рисунковъ въ текстѣ; портретъ Лонгфелло и 22 большихъ рисунка на отдѣльныхъ таблицахъ.

11. Лонгфелло. **ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ** . . . . . — » 80 »

Дешёвое изданіе: тотъ-же переводъ, тѣ-же 400 рис. въ текстѣ, 22 таблицы и портретъ Лонгфелло; только бумага и форматъ другіе.

12. Красинскій. **ИРИДІОНЪ** . . . . . — » 60 »
13. Бьёрнсонъ. **ПЕРЧАТКА** . . . . . — » 40 »
14. Гауптманъ. **РОЗА БЕРНДЪ** . . . . . — » 50 »
15. Золя. **УГЛЕКОПЫ** . . . . . 1 » — »
16. Гёте. **ФАУСТЪ.** Обѣ части. Переводъ въ прозѣ П. И. Вейнберга, съ примѣчаніями переводчика . 2 » — »
17. Имре Мадачъ. **ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ ТРАГЕДІЯ** . . . — » 50 »
18. Т. Шевченко. **КОБЗАРЬ** . . . . . 1 » — »

Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНІЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу: Контора т-ва «ЗНАНІЕ», Спб., Невскій, 92.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“.

М. Горькій:

1. Пѣсня о соколѣ . . . . . 2 к.
2. Человѣкъ . . . . . 2 »
3. Макаръ Чудра. . . . . 3 »
4. О Чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ, любителѣ истины . 2 »
5. Емельянъ Пиляй. . . . 3 »
6. Дѣдъ Архипъ и Ленька . 5 »
7. Челкашъ . . . . . 7 »
8. Старуха Изергиль . . . . . 5 »
9. Однажды осенью. . . . . 3 »
10. Мой спутникъ. . . . . 6 »
11. Дѣло съ застежками . . . . 3 »
12. На плотахъ . . . . . 3 »
13. Болесь . . . . . 2 »
14. Тоска. . . . . 10 »
15. Коноваловъ . . . . . 10 »
16. Ханъ и его сынъ . . . . . 2 »
17. Супруги Орловы . . . . . 12 »
18. Бывшіе люди . . . . . 12 »
19. Озорникъ. . . . . 5 «
20. Варенька Олесова . . . . . — »
21. Товарищи. . . . . 4 »
22. Въ степи . . . . . 3 »
23. Мальва . . . . . 10 »
24. Ярмарка въ Голтвѣ. . . . . 3 »
25. Зазубрина. . . . . 3 »
26. Скуки ради . . . . . 5 »
27. Кашъ и Артемъ. . . . . 6 »
28. Дружки. . . . . 4 »
29. Проходимецъ. . . . . 7 »
30. Кирилка . . . . . 3 »
31. Васька Красный . . . . . 5 »
32. Двадцать шесть и одна . . 5 »
33. Разсказъ Филиппа Васильев. 5 »
34. Тюрьма . . . . . 8 »

Скиталецъ:

41. Стихотворенія Книга I. . . 5 »
42. Стихотворенія Книга II. . . 6 »
43. Сквозь строй . . . . . 12 »
44. За тюремной стѣной . . . . 5 »
45. Октава. . . . . 12 »
46. Ранняя обѣдня . . . . . 3 »
47. Полевой судъ . . . . . 5 »

Л. Андреевъ:

51. Набатъ . . . . . 2 »
52. Ангелочекъ . . . . . 3 »
53. Молчаніе . . . . . 3 »
54. Валя. . . . . 3 »
55. *На рѣкѣ* . . . . . 4 «
56. *Въ подвалѣ* . . . . . 3 »

С. Гусевъ-Оренбургскій:

61. Омегъ . . . . . 3 к.
62. Конокрадъ. . . . . 2 »
63. Миша. . . . . 2 »
64. Послѣдній часъ . . . . . 6 »
65. На родину . . . . . 4 »
66. Сквозь преграды . . . . . 2 »
67. Кахетинка. . . . . 3 »
68. Бѣдный приходъ. . . . . 2 »
69. Злой духъ. . . . . 4 »
70. Жалоба . . . . . 5 »

А. Серафимовичъ:

71. Въ камышахъ . . . . . 3 »
72. Месть. . . . . 4 »
73. На льдинѣ . . . . . 4 »
74. Степные люди . . . . . 5 »
75. Ночью . . . . . 3 »
76. Сцѣпщикъ. . . . . 3 »
77. На заводѣ . . . . . 5 »
78. Подъ землей. . . . . 6 »
79. Подъ уклонъ. . . . . 3 »

А. Купринъ:

81. Дознаніе . . . . . 3 »

Н. Телешовъ:

82. Пѣснь о трехъ юношахъ. . 3 »
83. Противъ обычая . . . . . 3 »
84. Домой. . . . . 3 »
85. Хлѣбъ-соль . . . . . 3 »

С. Елпатьевскій:

86. Спирька. . . . . 8 »
87. Пожалѣй меня. . . . . 2 »
88. Присяжнымъ засѣдателемъ . 3 »

Ив. Буниnъ:

89. Стихотворенія. . . . . 4 »

К. Бальмонтъ:

90. Стихотворенія. . . . . 3 »

С. Юшкевичъ:

91. Невинные. . . . . 4 »
92. Убійца 3
93. Кабатчикъ Гейманъ. . . . 7 »
94. Ита Гайне. . . . . —
95. Человѣкъ . . . . . —
96. Евреи. . . . . 30 »

Л. Черемновъ:

98. Стихотворенія. Книга I. . . —
99. Стихотворенія. Книга II. . . —

Е. Чириковъ:

100. Евреи . . . . . 12 »

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“.

201. Марксъ и Энгельсъ. Коммунистическій манифестъ 12
202. Каутскій. Эрфуртск. программа —
203. Бебель. Женщина и соціализмъ —
204. Бебель. Интеллиг. и соціализмъ. 5
205. Бебель. Постоянн. армія и народная милиція 15
206. Каутскій. Индивид., классовые и общественные интересы... —
207. Г. Роландъ-Гольстъ. Всеобщая стачка и соціалъ-демократія. 70
208. Вандервельде. Промышленное развитіе и коллективизмъ . 30
209. Жюль Гедъ. Общественная служба и соціализмъ 5
210. Марксъ. Къ еврейскому вопросу 10
211. Бебель. Профессіон. движеніе и политическія партіи. . . . 5
212. Каутскій. Нейтрализація профессіональныхъ союзовъ. . . . 10
213. Штернъ. Государство будущаго. —
214. Панекукъ. Соціализмъ и религія. 5
215. Атлантикусъ. Государство будущаго 35
216. Каутскій. Революціонныя перспективы . . . . . —
217. Чикотти. Психологія соціалистическаго движенія . . . . —
218. Каутскій и Шёнланкъ. Основные принципы и требованія соціалъ-демократіи . . . . . —
219. Э. Ферри. Развитіе экономическое и соціальное 6
220. Ф. Мерингъ. Теорія и практика марксизма. . . . . —
221. П. Лафаргъ и Ж. Гедъ. Программа рабочей партіи 15
222. Ф. Энгельсъ. Теорія научнаго соціализма (Anti-Düring) . . —
231. Фабьо. Профессіональное рабочее движеніе въ Англіи . . 12
232. Г. Фюртъ. Фабричный трудъ замужней женщины. . . . . —
233. Каспфейеръ. Проституція, какъ общественно-классовое явленіе, и борьба съ нею . . . —
234. Энгельсъ. Къ жилищн. вопросу —
235. Каутскій. Американскій и русскій рабочій 15
236. Смайлз. Куда ведетъ экономическое развитіе 12
237. Бансъ и Квелчъ. Новый катехизисъ соціализма 12
238. Ванъ-Коль. Колоніальная политика и соціалъ-демократія . 5
261. Лафаргъ. Аграрная программа. 5
262. Каутскій. Соціализмъ и сельское хозяйство 15
263. Ирживицкій. Аграрный вопросъ. 70
271. Энгельсъ. Статьи. 12
272. Марксъ. Либералы у власти . 8
273. Марксъ передъ судомъ присяжныхъ 10
274. Лиссагаре. Исторія парижской коммуны 70
275. Г. Ізякъ. Интернаціоналъ . . . 80
276. Взятіе Бастиліи (по Мармонтелю) —
277. Начало нѣмецкой соціалъ-демократіи. 20
278. Каутскій. Карлъ Марксъ . . . 5
279. Икарійцы въ Америкѣ. . . . 10
280. Тюрлянъ. Популярная исторія парижской коммуны 1871 г. 12
286. Бебель. Фурье и его ученіе. . 50
287. Каутскій. Этика и экономическое пониманіе исторіи. 20
288. Мерингъ. Легенда о Лессингѣ . —
301. Ольминскій. Свобода печати. . 12
302. Ольминскій. Права Государственной Думы. 5
303. С. Михайловичъ. Что такое рабочая партія. 3
304. Клейнборть. О партіяхъ и партійности. 5
305. Финнъ. Къ аграрному вопросу. —
306. Сомовъ. Справедливый налогъ. 12
307. Сомовъ. Нужна ли постоянная армія . . . . . —
308. Рейснеръ. О царской власти . —
309. Клейнборть. Русскій имперіализмъ въ Азіи. 8
310. Клейнборть. Капитализмъ и еврейскій вопросъ 8
311. Степановъ. Издалека . . . . . —
312. Гуревичъ. Радикальная буржуазія и профессіональные союзы —
313. Клейнборть. Проекты подоходнаго налога 10

Книги, при которыхъ поставлена цѣна, поступили въ продажу.

П. Кропоткинъ. ЗАПИСКИ РЕВОЛЮЦІОНЕРА.

Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ, пересмотрѣнное и дополненное имъ. Цѣна 1 рубль.

П. Кропоткинъ. Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ.

Единственное изданіе, разрѣшенное авторомъ. Цѣна 1 рубль.

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

Stanford University Libraries
3 6105 126 944 383

PG 3467
I7
190
V. 4

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

JUL 13

DOC APR 24 1989